

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

САЛМА
КАЛЬК
АНЖЕЛИКА
И ПРИНЦ

Магический XVI век

Салма Кальк

Анжелика и принц

«Автор»

2020

Кальк С.

Анжелика и принц / С. Кальк — «Автор», 2020 — (Магический XVI век)

Лика – студентка из маленького городка, которая мечтает о лучшей жизни. Анри – принц крови, владелец титула и состояния из почти-ренессансного почти-Парижа, которому срочно нужна жена. Что-то пошло не так, и они встретились. Лика как две капли воды похожа на покойную невесту Анри, но она – совсем другой человек. Она не готова подчиняться тому, чего не понимает, и выходить замуж за того, кто не вызывает у неё тёплых чувств. Только о её желаниях никто не спрашивал. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая. Дурная девка	5
01. Мартовская полночь	5
02. И все за одного	7
03. Бывшая хорошая девочка	9
04. Прелестная Анжелика	12
05. Кто эти люди и где мои вещи	14
06. Загадка для мага	16
07. Наследственный вопрос	19
08. Не та Анжелика	22
09. Попала так попала	25
10. Тайны Жакетты	28
11. Туалетные вопросы	31
12. На новом месте приснись, жених, невесте	35
13. Начинается утро	39
14. Гардеробные трудности	42
15. Договор	47
16. Ревизия	53
17. Легко ли быть благородной дамой	57
18. Сполохи огня	60
19. Бессилие госпожи Анжелики	62
20. Сомнения его высочества	66
21. Беды Антуанетты	72
22. Целители	77
23. Дурацкая магия	81
24. Перемирие	84
25. Оказалось – показалось	88
26. Калейдоскоп	93
Антуанетта	93
Жан-Филипп	93
Орельен	94
Жакетта	95
Анри	96
Анжелика	97
Часть вторая. Невеста его высочества	99
02. Не хочу жениться, а хочу учиться	103
03. Волшебник-недоучка	106
04. Неприятности и несуразности	109
05. Кто будет петь, если все будут спать	113
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Салма Кальк

Анжелика и принц

Часть первая. Дурная девка

01. Мартовская полночь

– Пошел нах, урод!

Чумка пнула пьяного отчима в колено, подхватила рюкзак, мгновенным отточенным движением отперла замок и вылетела на площадку. Успела изо всех сил хлопнуть за спиной дверью. Услышала, как заплакал, проснувшись, младший брат, как заорала мать – на них на всех. И хер с ними, пусть орут. Скатилась по лестнице вниз, подъездной дверью тоже хлопнула со всей дури.

Вообще было два способа не спастись, но хотя бы временно спрятаться от того кошмара, что творился у них дома. Оба так себе. Первый – забиться в свою комнату и делать вид, что ничего не происходит. Но ведь всё слышно, и какими словами отчим с пьяных глаз поливает мать, и как мать ему отвечает, и как она у него бутылки пытается забирать и выливать, и как он потом бьёт сначала посуду, потом стёкла и кафель – ну, пока в доме ещё оставались непобитые стёкла и кафель, ясное дело, а потом и её саму. Чумка уже сто раз пыталась его оттащить – только получала в ответ на орехи сама, и ходила потом с синяками, вот и весь результат. Даже если музыку врубить на всю катушку, всё равно слышно, и ни хера делать не получается, даже если в наушниках.

Второй способ – пойти на улицу и тусить там с пацанами – тоже не торт, потому что на улице дубак, а время к полуночи, и даже самые отмороженные из их компании уже расползлись по домам. Ключей от гаража, где обычно собирались, и где можно было бы даже переночевать, у Чумки не было, а бродить по улицам ночью в марте – дурь несусветная. Но Чумка размазывала по лицу слёзы и шла – и хер с ним, что ночь, и что улица – тоже. Сил уже нет это терпеть, а дома даже прореветься не дадут, скажут, что спать ребёнку мешает. А этот бухарик ни разу не мешает, конечно.

Да ещё и снег пошёл, вот засада! Уж если не везёт, то со всех сторон не везёт. Чумка зашла за дом, потом сообразила, что если её пойдут искать, то дом-то обойдут со всех сторон стопудово, и почесала за гаражи. Дом Чумки и ещё несколько аналогичных пятиэтажек стояли на самой окраине города, за соседним, девяносто третьим, шла дорога, за дорогой – тепло-трасса, за тепло-трассой лесок и гаражи. От тех гаражей, конечно, за последние годы мало что осталось, их сносят и строят на этом месте какие-то склады и магазинчики, но это напротив соседних микрорайонов, а у них пока всё по-старому.

Чумка посмотрела в чатик их компашки – о, кто-то онлайн. Был шанс, что кто-то есть и в заветном гараже.

Ответил Дюша – и точно, он там. Написал – иди, Чумка, сюда, покемарим вместе. У Дюши тоже дома херня, но другая – старший брат отсидел за кражу и недавно вышел, и у них тусуется с друзьями, приятного мало.

А Чумка она потому, что Чумакова, не только от того, что ходячая беда и тридцать три несчастья. А вообще она по паспорту Анжелика, мать кино смотрела про эту долбанную Анжелику и с дуба рухнула, не иначе, когда решила, что так можно живого ребёнка назвать. Анже-

лика, блин, Чумакова. Хоть бы Настя, Лена или Оля. Брат-то просто Ваня, без этой придури, и то она хотела назвать его Эрастом, как, нахрен, Фандорина, отчим не дал.

В мокрой метели было ни хренашечки не разглядеть. Даже теплотрассу на той стороне дороги. Чумка оглянулась – вроде никто не едет, и ступила на проезжую часть.

Она успела увидеть свет фар – и то в последний момент. Услышать визг тормозов. Ощутить удар. И больше не видела и не ощущала ничего.

02. И все за одного

– Господа, пьём за нашего друга! Анри! Выше голову! Ты не сдавался двум десяткам гугенотов, и головорезам в переулке Сен-Поль тоже не сдавался, ты не сдашься и теперь! – голосил Огюстен де Бар.

Он попытался налить из бутылки в бокал, но никак не мог попасть, и вино лилось на стол, со стола и на пол, а его бесцветные глаза всё время съезжались в кучу.

– Анри! Ты победишь и тут! – подхватил белокурый красавчик Луи д'Эме.

Этот уже почти спал, сложивши голову на руки, а руки – в хлебную тарелку.

Ещё двое приятелей пытались призвать слугу, чтобы им подали что-то ещё, но слуги ожидаемо не отзывались. Когда Жан-Филипп де Саваж принимает гостей – прячься-всё-живое. Живое и пряталось.

Орельен, виконт де ла Мотт, трезвыми глазами оглядел стол и столкнулся с таким же трезвым взглядом Жана-Филиппа, хозяина дома. Тот смотрел вокруг, щуря свои странные желтовато-зелёные глаза, глаза лесного хищника, нюхал воздух над столом – что там нюхать-то, но ему виднее, конечно, он и воин, и охотник, и маг. Подумав, подлил Огюстену в бокал – пусть пьёт себе дальше и ничего не помнит поутру.

Третий трезвенник – тот самый упомянутый Анри, за которого пили – таращился в стену перед собой, и взгляд его ярко-синих глаз был унылым и безнадежным, а переплетённые пальцы были напряжены так, что побелели ногти.

– Анри, не вешать нос. Жан-Филипп, мне кажется, время пришло, и мы можем отправиться... туда, куда собирались, – тихо сказал виконт де ла Мотт.

– Ладно, покажешь, что ты там придумал, – Анри поднялся из-за стола и впился взглядом в Орельена.

Орельен подмигнул – чего вы, ерунда, прорвёмся! – и достал из поясной сумки артефакт портала. Активированный, тот создал мерцающую перламутровую пелену в форме овала, с колеблющимися краями. Он прошёл первым, друзья – следом за ним.

Они оказались в месте мрачном и таинственном. Жан-Филипп перекрестился, Анри глубоко вздохнул и зажмурился, а Орельен наоборот, открыл глаза пошире.

Склеп – а это был именно склеп – осветился небольшим магическим шаром, выпущенным Жаном-Филиппом, и друзья увидели знакомые стены, горки черепов, пирамиды костей, а посреди всего этого – каменное возвышение, на котором под магическим куполом лежало тело девушки. Глаза её были закрыты, она не дышала. Девушка была мертва уже третьи сутки.

– Что ты хотел сделать, рассказывай, – зашептал Анри.

– Мэтр Рене, парфюмер её величества королевы-матери, однажды дал мне почитать одну интересную книгу – о переселении душ и замене тел. В той книге говорится, что наш мир не одинок, миров много, и при определённых условиях миры сопрягаются. Конечно, это небезопасно, но можно приманить к нам сюда, в это тело, неприкаянную душу из другого мира. Сколько людей гибнет почём зря на парижских улицах каждодневно? Помните тот доклад в совете его величества, так ведь? Наверное, в других мирах так же. И мы сможем приманить сюда душу девушки, которой в её родном мире суждено погибнуть. Понимаете, да – сюда, в это тело! И прекрасная Анжелика снова будет с нами, и в первую очередь – с тобой, Анри! Ты спокойно женишься на ней, сделаешь ей наследника, а потом, когда родит – стать вдовцом не велика задача, если тебе того захочется. Наследство твоё, все счастливы.

– И ты знаешь, как провести обряд призыва души? – нахмурился Жан-Филипп.

– Тут всё написано, – Орельен извлёк из-под плаща и показал друзьям небольшую книжицу в тонком кожаном переплёте. – Ничего сложного, поверь. Немного силы, немного крови,

прядь волос Анжелики и соответствующие слова. Правда, мне понадобится ваша поддержка, один я не сдюжу.

– Начинай, – выдохнул Анри. – Я поддержу.

– Я тоже, мы же клялись стоять друг за друга! – поддержал Жан-Филипп.

– Давайте руки, – Орельен взял друзей за руки, сосредоточился и начал обряд.

В описании всё было предельно ясно – сколько силы вложить, какой и куда. И кажется, у него начало получаться – он не глазами, но сознанием увидел сначала точку, потом отверстие – оно мерцало, наподобие портала, и увеличивалось. В нужный момент Орельен убрал купол с тела мёртвой девушки, оно поднялось и стало медленно двигаться к тому отверстию.

А потом что-то случилось, он не понял, что именно. Вдруг поднялся ветер, отверстие смазлось, края его заколебались. Неужели не вышло? Нет, он хочет, чтобы вышло! Пусть будет!

Орельен вложил в свой посыл почти всю оставшуюся силу – остаток нужен, чтобы сохранить сознание, мало ли что там! Края отверстия, да какого отверстия, это уже целый пролом, так вот края того пролома вспыхнули, и он ясно увидел летящий прямо в лицо снег, невероятно яркий свет, неприятный нечеловеческий скрип и девичий крик. Что-тодохнуло на Орельена из пролома – не иначе, могильной сыростью – и пролом схлопнулся.

Орельен успел услышать слабый стон и удар тела о поверхность, а потом сознание покинуло его.

03. Бывшая хорошая девочка

Ли́ка-Чумка пришла в себя и ничего не поняла. Она открывала глаза и ни хренашеньки не видела, как так-то, блин его нафиг! Как будто какой плёнкой глаза прикрыты, как третье веко у кота, но она же не кот! Как она поймёт, сколько сейчас времени, и не пора ли уже вставать? Нет, наверное, не пора, тихо бывает только ночью. Утром отчим орёт, что ему всё не так, тарелку не ту подали и чай не той температуры, а братик Ваня вообще умеет только орать, он всегда орёт, и когда плачет, и когда радуется. Ну и мать с ними за компанию. Значит, ещё ночь. Тем более что рук-ног и прочего Ли́ка не ощущала, вот совсем не ощущала. Наверное, она спит, и это всё ей снится.

И ещё завтра на учёбу к первой паре, вот радости-то! Тест по педагогике, а педагогику она видала в гробу – и детей, и всё, что с ними связано. Но ничего лучше педколледжа Ли́ка не осилила, а пойти работать в маленьком городке молодой девке без образования было тупо некуда.

Ну то есть как, если сесть и подумать – было, куда. Наверное. Где-то можно мыть полы или посуду, где-то что-нибудь продавать, или ещё там как. Иногда они с пацанами даже пытались что-то такое делать – типа, пойти на рынок, там попроситься подработать. Парни таскали ящики, Чумка и её подруга Оксанка стояли за прилавком. И даже какие-то копейки зарабатывали. Но потом Ли́ку увидела за этим делом материна знакомая, и всё матери рассказала. Та взбесилась – чего это Ли́ка вместо колледжа хер пойми чем занимается, и жестко Ли́ку побила. Типа, иди учись, дура, работать будешь потом, никому на хер не сдалась твоя копеечная работа. Может и так, конечно, но чтобы была не копеечная, надо или чтоб родня устроила на хорошее место, или валить из города. Валить Ли́ке было страшновато, здесь-то она всё знает и её все знают. А в городе побольше придётся начинать всё сначала. Может, у неё бы и вышло – в областном центре, если что, тоже есть педколледж, и общагу, скорее всего, дадут, но Ли́ка не верила, что у неё получится. Потому что обычно ни хера у неё не получалось.

Она очень хорошо училась – до восьмого класса. А там мать сначала вышла замуж за отчима, а вскоре после того и родила. Отчим впервые напился и откровенно рассказал матери, что о ней думает, ещё до свадьбы, но мать уже была от него беременна, так что – поздняк метаться. Это мать так думала, не Ли́ка. Ли́ка в ступор впадала, когда это всё видела и слышала, потому что изменить она ничего не могла. Даже когда мать спросила Ли́ку, что та думает о её грядущем замужестве, и Ли́ка честно сказала – это дрянной человек, зачем он тебе? Мать-то, конечно, не о себе и беременности стала говорить, а о том, какая Ли́ка эгоистка, и не желает матери счастья, а только бы вокруг неё прыгали.

Ли́ка ничуть не хотела, чтобы вокруг неё прыгали. Она хотела тихо-спокойно ходить в школу и музыкалку, и читать книжки, и ещё чтоб друзья-приятели не забывали. В итоге эгоистке-Ли́ке пришлось заткнуться и молча терпеть – свадьбу, потом пьянство и скандалы, а потом всё то же самое плюс младенец. Ясное дело, никакого счастья в их двухкомнатной хрущёвке не наблюдалось. И в один прекрасный вечер Ли́ка в первый раз послала всех домашних на все возможные буквы русского алфавита и пошла реветь на улицу. Забилась между двух гаражей, где никто не ходил, там её и нашли одноклассники Лёха и Виталя.

Пацаны охренели от того, что Ли́ка-Анжелика, типа первая ученица и все дела, ушла из дому, потому что там пьяный скандал, и реветь за гаражами. Она же всегда приличная, и мать у неё строгая, у каких не бывает дома пьяных скандалов и беременностей от алкашей в возрасте под сорок. И поняли её, и пожалели, да так душевно, как дома никто не жалел никогда. Пива опять же дали, курить тоже предложили, но Ли́ка не хотела – дома курил отчим, и её с того запаха выворачивало. С парнями она тогда присидела за гаражами до поздней ночи.

С тех пор понеслось. Музыкалка пошла по бороде первая – потому что да ну её на хер, за гаражами интереснее. Опять же музыкой надо заниматься, и Лике даже выделяли время, чтоб играть на пианино, пока брат не спит, но сидеть в их комнате и слушать комментарии отчима о том, что играет она херово, потому что и сама херовая, и мать у неё такая же – было капец как неохота. Мать ругалась, тыкала Лику носом в то самое пианино и в то, что его в кредит покупали и что там ещё, но Лика только дернулась – тебе надо, ты и играй. А не хочешь – продавай.

Правда, у пацанов за гаражами была гитара, и Лика довольно быстро разобралась, какие пальцы куда ставить – со слухом у неё было всё в порядке, и с основами музыкальной теории – тоже, уж на трех-то аккордах она могла почти что угодно сыграть, а потом и более навороченное – тоже. Намекнула матери про продать пианино и купить гитару, но была обругана и заткнулась.

В школе она тоже съехала на тройки довольно быстро. О нет, мать пыталась её контролировать и заставлять. Но Лика наострилась сбегать из дома, и ищи её там. С младенцем и алкашом не очень-то побегаешь по улице, и это прекрасно.

У Лёхи был старший брат, а у того – гараж. Брат уехал из города, а ключи от гаража оставил Лёхе, там в итоге компания и собиралась. Пели, пили, кто-то и травку покуривал, а кто-то – и более специфичные вещи делал, Лика этого не касалась. Пить – пила, трахаться – трахалась, а наркотики пробовать побоялась.

Они мечтали о лучшей жизни, но не очень-то понимали, что вот прямо сейчас могут сделать для этой лучшей жизни. Наверное, надо было дотянуть до восемнадцати и уезжать туда, где больше людей и работы, но так могли не все. Подружка Оксанка поступила в универ, одноклассник Мишка – в политех. Трое парней ушли в армию. А остальные так и тусили в городе, перебиваясь случайными заработками и какой-никакой учёбой.

Лика фигово сдала ЕГЭ, с такими баллами поступить в приличное место можно было и не мечтать. Поэтому когда мать сказала – иди хоть в педколледж, лентяйка, Лика и пошла. А чего делать-то?

Поступила на учителя начальных классов. Скука смертная – педагогика, психология и вот это всё. Интересно было на мировой культуре и философии – вела классная молодая преподаша, она много знала и могла не только докапываться, но и посмеяться с ними, и работу интересную придумать. А остальное Лике не заходило вот никак.

Она уже думала понемногу – может, первый курс дотянуть, а потом перевестись в областной центр? Ну, попробовать. Конечно, для этого надо учиться, а вот учиться-то и не получалось.

Лика почти каждый день возвращалась домой с желанием уж сегодня-то выучить всё на завтра, и прочитать, и написать, и что там надо. Но дома орал сначала младенец, а потом детсадовец, и не только орал, а ещё лез в её вещи, портил ей тетради и учебники, и пытался добраться до её телефона. Дома была вечно замотанная мать, которой не сильно-то облегчало жизнь, если Лика жарила на ужин картошку, или макароны с фаршем, или что там ещё. Нет, Лика не была безрукой, но когда она заходила домой, эти самые руки у неё опускались. И чем дальше, тем проще было послать всех домашних по разным адресам и уйти на улицу или в гараж. Объяснить – нереально, потому что в ответ она слышала только одно – у тебя отдельная комната, что тебе ещё надо? Ну да, если бы не было той отдельной комнаты, она бы давно уже сбежала жить к Лёхе, или к кому там ещё! А так только изредка ночевала там, не чаще раза в месяц, когда дома становилось совсем херово. Мать требовала сознаться, где она была и что делала, но Лика стояла на своём жёстко – была у подружки, как зовут – не скажу, ты её всё равно не знаешь. Ушла – и ушла, не насовсем же, вернулась ведь. И в школе учусь, как могу, так и учусь. И в комнате своей неделю назад убиралась. Ах, не видно? А вот не надо Ваню туда пускать, он там всё и расхерачил. И ужин готовила только вот позавчера, хоть бы кто спасибо сказал. И будет надо – ещё уйду, из этого ада только уходить, иначе никак.

Мать обижалась на такие слова, но Лике было без разницы, кто там на что обижается. Конечно, многие друзья жили как-то так же, но не все. Встречались и нормальные семьи – где детей защищали от придирок учителей в школе, где ходили гулять не только с младенцами, где забота выражалась не только в тарелке еды со словами «Жри, скотина», и требованиях до минуты отчитаться, где была и что делала, а в каком-то понимании, что ли. Подружка Алинка из дому не сбегала, у неё и мать была спокойная, и отчим ей достался нормальный, непьющий. Ну, то есть, в праздники-то все пьющие, но выпил раз в месяц – и норм, а не каждый божий день, и без скандалов. У подружки Жанки тоже дома спокойно, и пересидеть скандал у неё можно, и даже иногда переночевать. Поэтому не надо говорить, что вообще жизнь такая, это люди такие.

Ладно, надо или спать, или хоть до толчка сходить, думала Лика. Открыла глаза, они открылись, села и увидела такое...

Что тотчас же зажмурилась обратно и завизжала.

04. Прелестная Анжелика

Анри пришёл в себя от визга, от дикого женского визга такой силы, что уши закладывало. Ох, Орельен же пытался оживить его Анжелику, и что там? Неужели это Анжелика, прелестная графиня Анжелика де Безье, так оглушительно визжит?

Он с трудом сел, открыл глаза, поморгал немного и оглянулся. Склеп, всё верно, они тут и были. Только через отверстие в куполе проникает свет, это что, значит, утро настало? Сколько времени они уже тут?

Друзья – Орельен де ла Мотт и Жан-Филипп де Саваж лежали рядом на полу. Точно, они стояли вокруг постамента, держались за руки и делились силой с Орельеном, который проводил обряд. А потом что случилось? И откуда такое ощущение, что он, Анри, или пил всю ночь напролёт, или дрался с десятком противников разом, почему сил-то нет?

И почему ж она визжит-то?

Анри поднялся, оперся на постамент и взглянул на девушку.

Но это была вовсе не Анжелика!

Нет, девушка была похожа, очень похожа, лицом – как две капли воды. Но его Анжелика была пышнее телом, у неё были длинные каштановые волосы, и одета она была в сорочку, просто в сорочку.

Девушка, сидящая на постаменте, оказалась одета в какой-то странный чёрный кожаный дублет с капюшоном и непонятной застёжкой, в длинные и узкие синие штаны, а на ногах у неё черные кожаные сапоги со шнуровкой. Зелёные глаза – точь-в-точь, а вот волосы короткие и торчат в разные стороны. Она в панике оглядывала склеп, шевелящихся Орельена и Жана-Филиппа, и стоящего Анри. А взгляд у неё был – невероятный. Исподлобья, тяжёлый, будто оружие наставила. И она всё ещё визжала.

Господи, кто же это такая, и что с ней теперь делать?

– Сударыня, перестаньте же, перестаньте, пожалуйста, – у Анри не было сил крикнуть, он подумал даже, что его еле слышный шепот она не услышит вовсе.

Но она услышала. Визг прекратился – кто-то за его спиной облегчённо вздохнул, а потом она подняла на него прекрасные зелёные глаза и прошептала:

– Господи, у меня глюки. А-а-а-а, у меня глюки. Мы что, наклюкались вчера с Дюшей? Что мы пили-то? Дюша, ау, хер ты собачий, что ты мне налил вчера? Или мы не пили, а нюхали? Или не дай бог кололись?

После этой абсолютно непонятной фразы (каждое слово в отдельности – ну, почти каждое – вроде понятно, но все вместе – вовсе нет) девушка принялась сдирать с себя свой дублет, под ним была какая-то очень странная цветная сорочка, закатывать рукава и осматривать свои руки.

– Как вас зовут, сударыня? – попытался спросить Анри. – Кто вы?

Она как будто вот только заметила его. Остановилась взглядом на его лице и прошептала:

– Чумка, – он не сообразил, причём тут собачья болезнь, и продолжал неотрывно на неё смотреть, тогда она продолжила: – Лика. Ну, Анжелика. Анжелика Алексеевна Чумакова.

Анри понял из всего только одно – её зовут Анжелика. Когда она не визжала, то походила на его покойную невесту ещё сильнее, прямо – одно лицо. Он оторвал правую руку от постамента – его всё ещё шатало, сил не было – взял её за кончики пальцев и хотел поцеловать.

Дева ойкнула и отдернула руку.

– Эй! Не трогай! Ты кто? Ты кто вообще? Ты сатанист, да? Или косплеер? Или рекон? Ты поэтому так нарявился? И вот эта вся херня вокруг – она же не настоящая? Это же этот, как его, ну, стафф?

Она говорила очень быстро, и он снова не понимал добрую половину слов. Раньше Анжелика – его Анжелика – говорила неспешно, взвешивая каждое слово, очень нежным тихим голосом. Что с ней сделал Орельен?

– Я Анри, я ваш наречённый Анри, вы не помните меня? Мы праздновали помолвку неделю назад, а потом вы заболели.

– Анри? Помолвка? Что за херня? – нахмурилась девушка. – Ты прикалываешься, да? Это вы с Дюшей гараж разукрасили, пока я в отрубе была, да? А Дюша где? А сколько времени? Мы все, по ходу, проспали, и я в педуху, и он в фазанку, да?

Девушка надела свой дублет обратно, слезла с постамента, огляделась, принялась. Оказалось, что рядом с ней лежала сума вроде дорожной, с виду – удобная, с карманами и с чем-то ещё, довольно большая. Она схватила суму за одну из двух длинных лямок и уже было собралась выскочить наружу, но окончательно пришедший в себя Жан-Филипп схватил её за то, до чего дотянулся – то есть за ногу.

Однако она успела приотворить дверь и выглянуть наружу – на семейное кладбище. Изумлённо захлопала глазами, разинула рот и произнесла:

– Ой, мля... – повернулась к ним, не глядя, стряхнула с лодыжки руку Жана-Филиппа и грозно глянула на Анри. – А ну говори, мать твою во все дыры, где я, кто вы такие и что тут устроили!

05 Кто эти люди и где мои вещи

Чумка смотрела вокруг и, мягко говоря, охреневала. Да где же она, мать-мать-мать, куда ж её занесло!

По размерам на гараж похоже, да, но гараж металлический, из листов железа, а эта херь каменная. Ну и в гараже стол, полки и инструменты, и ещё крышка от люка, который в подвал, где картошка с морковкой и солёные огурцы. И их имущество – чайник там, посудка, чтоб пожарить, обогреватель – зимой без него никуда, гитара, диван, который прошлым летом на помойке нашли и притартали, хороший диван, между прочим, большой, и спальники. А тут какой-то стафф из ужастика, или из анимешки – черепа в углу, кости, ещё байда какая-то, а в середине типа стола, только он каменный. И трое пацанов, если и старше Чумки, то ненамного. Правда, одеты как-то странно, как косплееры, или реконы какие-нибудь, Чумка знала, что такие есть, но не больно-то в них разбиралась. Вроде одни делают себе костюмы из анимешек, и сами хлипкие, а вторые – типа за историю и к ним лучше не задиаться, но это не точно, хер там их знает на самом-то деле.

Один из пацанов, который первый себя с полу отодрал – тоже, что ли, бухали, как не в себя – всё бормотал что-то, что она его невеста. Какая, к херам, невеста, она его видит первый раз в жизни! Он так-то ничего, волосы черные, глаза синие, высокий, ещё одеть бы по-людски, и даже красивый был бы.

Второй, который за ногу схватил, вообще никуда не годится – у него же в ухе здоровенная серьга! С каменюкой прозрачной, и та каменюка прямо болтается! Ладно, если ещё маленькое колечко, ну, бывают идиоты, но не вот прямо серьга же! И подстрижен не под ноль, но под ноль три, наверное, и глаза какие-то стрёмные, нечеловеческие, желтоватые. Такой в рожу даст и не поморщится.

А третий поднялся с полу и принялся её рассматривать. Чумка тоже в долгу не осталась, выпялилась на него, потому что там было, на что посмотреть! На всех троих, между прочим!

Одеты они были в какие-то куртки, типа из велюра, что ли, вышитые, и с пришитыми бусинками, и с тесёмками какими-то, или как там эта херня называется. Только почему-то куртки все порезанные на полосочки, а между полосочками типа рубаха торчит. У них так модно, что ли, это типа как джинсы с дырами носят? Везде пуговицы и завязки, ни одной молнии нет, неудобно же.

А штаны... ой, мля! У одного прямо шары вокруг жопы. Тоже с полосочками. У того, который сказал, что жених, мать его за ногу. У второго, с серьгой, и третьего, просто какие-то типа шорты, или бриджи, или как они там называются, когда до подколенок, короче. А ниже – ой, уржаться же можно. Колготки. Ну натуральные простые колготки. Как у бабы какой-нибудь. Ой, а это ещё что? Это чтобы с бабой не перепутали, да? Специальный мешочек, куда хер складывать? Умора.

Когда Чумка разглядела этот пикантный момент, то не смогла удержаться от смеха. Тьфу, блин, а ещё – кружавчики, бантики, ленточки какие-то. Зато на пальцах – кольца, на шее – цепи, и там, поди, золото, хотя может быть и китайская подделка, золото такой толщины и такого замысловатого плетения не бывает, даже у крутых авторитетов. Не то, чтобы Чумка видела в жизни много настоящих авторитетов, но двух – да, сильно издали подглядывала. Не было у них такого.

– Чему вы смеётесь, сударыня? – третий, который её рассматривал, наконец-то открыл рот.

А он ничего, не стрёмный и не смазливый, такой, нормальный, короче. Карие глаза смотрят весело, нос курносый и задорный, волнистые волосы и не длинные, и не короткие, а как у

самой Чумки – серединка на половинку. И ростом с Чумку, а то и пониже будет. Короче, пацан пацаном. Только кружавчики с него ободрать, конечно.

– У вас тут что, тусовка какая, что вы так вырядились?

– Простите, как мы вырядились? – не понял тот, что хватал Чумку за ногу.

– А ты в зеркало-то на себя давно смотрел? – спросила Чумка. – И это, ты пират или голубой?

– Я – пират? – не врубился тот. – Или – кто?

– Кто-кто, конь в пальто! Который по мужикам, а не по бабам.

Двое других тоже ржали потихоньку, а этот так на неё уставился своими кошачьими глазами, что Чумка даже немного испугалась. Самую малость, потому что настоящей угрозы она не ощущала, а в таком деле знала толк. Настоящую угрозу – её даже высказывать не надо, её все почуют – ну, кто не совсем долбанутый и чуйку себе ещё не пропил.

– Сударыня, а почему вы заподозрили нашего друга в такого рода симпатиях? – это тот, что помельче, мля, и говорит-то так, что без бутылки не разберёшь.

А на рубахе – брошка! Вот прямо брошка, с большим красным стеклом!

– А чего он серьгу в ухо засунул, и колготки надел? – поинтересовалась Чумка. – Вы это, давайте уже, колитесь, что за херня происходит. Я, конечно, домой не тороплюсь, но если прогуляю не только первую пару, а вообще весь день, то меня потом задолбают с отработкой.

– Нам тоже надо понять, что случилось. Вас зовут Анжелика?

– Ну, – кивнула Чумка. – Мама, блин, не могла имя придумать человеческое. – А тебя как зовут? И это, не надо мне выкатывать, я вроде пока тебя ничем не обидела. И я тебе не бабка-соседка и не препод.

– Меня зовут Орельен де ла Мотт, – ой всё, он ей даже кланяется, охренеть можно.

– Я не запомню, – помотала головой Чумка. – Будешь Брошкой. А тебя как звать? – спросила у желтоглазого пирата.

– Жан-Филипп де Саваж, сеньор д'Валантэн, – тот сощурился и смотрел недобро.

– Тоже много букв. Ты будешь Пират. А ты, жених? Ты вроде назывался, но я уже забыла.

– Анри де Роган, герцог де Лимей, – выпрямился, а потом тоже поклонился.

– Герцог – это же между графом и принцем, да? – Чумка вспомнила, что когда-то училась в школе.

– Герцог – в нашем случае принц, – подмигнул Брошка. – Его дед был сыном короля, а он – потомок младшей ветви, но всё равно его высочество. Или монсеньор. А зовут его Анри.

– Значит, будешь Принцем. И ты чего, вот прямо готов на мне жениться? А с хера? Или это просто прикол такой? Колись давай, да я домой пойду. То есть не домой, а на учёбу поеду, пока меня там не начали с собаками искать.

06. Загадка для мага

– Госпожа Анжелика, – начал было Орельен, но был остановлен наморщенным носом девицы и тяжёлым взглядом исподлобья.

Девушка де Безье разительно изменилась. Не только другая одежда, всё стало другим – и в первую очередь как раз взгляд. Что он с ней сделал? Что случилось во время обряда? Неужели священники правы, и душа так влияет на то, что видно снаружи?

– Я тебе не госпожа, – помотала она головой. – Я, конечно, могу тебя плёткой побить, но пока на такое не договаривались.

Говорила она престранно: вроде бы каждое слово в отдельности понятно, но общий смысл нередко ускользал. Впрочем, дева определённо не могла понять, что с ней произошло и где она находится. К слову, книга обещала Орельену, что призванная душа будет говорить на одном с ними языке. Это было очень важно – кто ж её знает, ту душу, и тот язык, на котором она говорила дома! А девушка де Безье им нужна точно такая же, как прежде, то есть – говорящая.

– Хорошо, – не стал спорить он. – Просто Анжелика. Давайте договоримся так: сейчас мы отправляемся в более приятное место, и там я всё расскажу. Я тоже ещё не вполне понял, что случилось. Я знаю, что я хотел сделать, но вышло иначе, и я не знаю, почему так. Но вы оказались с нами, и я боюсь, вернуться домой вы уже не сможете.

– Как это не смогу? Почему это? – нахмурилась девушка.

– Потому что ваш дом остался в другом мире.

– Чего? Ты гонишь, так не бывает.

– Я – что делаю? – сейчас она говорит разборчиво, но очень забавно, какие-то слова у неё означают вовсе не то, что у них здесь.

– Ерунду ты говоришь, вот что. Херню порешь – так понятнее? Других миров не бывает. Ты, поди, пересмотрел сериалов, да? И вы с друзьями стали вот в это всё играть?

– Почему вы думаете, что других миров не бывает? – ну это ладно, это нормально.

– Да потому что тогда бы все шастали туда-сюда, только свист бы стоял!

– Все не могут, как вы говорите, шастать, потому что для этого нужен мощный магический обряд. Понадобились силы нас троих, а мы кое-что знаем о магии, чтобы открыть портал в ваш мир.

– А на хера вы его открывали-то?

Похоже, доставшаяся им душа принадлежала дочери конюха. А вовсе не знатной даме. Поэтому так и говорит. И некоторых её слов, Орельен мог бы поклясться, не знает даже конюх. Но другой у них нет...

– Вот об этом я и хочу вам рассказать. Просто это лучше делать не в склепе Роганов, а в доме, и может быть – за едой.

– Еда – это супер, жрать сильно хочется, – кивнула Анжелика. – Ок, пошли.

Она подхватила с полу свою сумку? Мешок? В общем, там явно лежали какие-то вещи, и она ловко надела лямки на плечи. И двинулась к выходу.

– Стойте, – Жан-Филипп успел схватить её за руку, причем, она тут же вывернулась. – Мы не пойдём на улицу.

– А куда мы пойдём? В небо улетим?

– Нет, – улыбнулся Орельен. – Портал. Анри, мы ведь отправляемся к тебе, правильно? И уже оттуда Жан-Филипп сходит к себе и узнает, как там дела?

– Да, так будет лучше всего, – согласился Анри.

Орельен достал артефакт и активировал его.

– Анри, приглашай даму к себе, – он подтолкнул друга в бок.

– Госпожа, прошу вас, – Анри не мог не быть вежливым даже с этой удивительной особой. Тем более, она была очень похожа на умершую Анжелику. Забавный эффект: то же лицо, но когда она открывает рот или движется – ты тотчас понимаешь, что это совсем другой человек.

Вот! Совсем другой человек. Тело их Анжелики каким-то образом заменилось на это тело, вместо того, чтобы заменить душу, как они хотели. Впрочем, если бы в их Анжелику вселилась вот эта душа, им сейчас не стало бы легче.

Значит, с ней придётся как-то договариваться. Потому что пути назад нет.

– Охренеть технологии, – девица только что рот не разинула, увидев портал.

Тем временем Анри попытался взять её под руку и провести в портал, но она дёрнулась, будто её кинжалом укололи, и сама заскочила туда за ним следом. Потом прошёл Жан-Филипп, и последним – Орельен. Закрыв портал за их спинами и огляделся – всё хорошо, они ради разнообразия попали туда, куда нужно, то есть в гостиную замка Анри, и без потерь.

Анри вышел и распорядился об обеде, Жан-Филипп попросил артефакт, чтобы сходить к себе провести вчерашних пьяниц, а Анжелика во все глаза разглядывала обстановку и вид из окна. И то, и другое были весьма неплохими, то есть посмотреть было, на что. Сумку свою она не снимала с плеч.

– Располагайтесь, – Орельен кивнул на кресло. – Сейчас нам подадут обед, и мы поговорим.

Анжелика осторожно сняла с плеч сумку, обхватила её руками и села прямо на ковер возле стены. Посмотрела ещё – нет ли чего за спиной, неужели опытная во всяких тёмных делах?

– Анжелика, я прошу вас сесть в кресло. Возможно, у вас дома и принято сидеть, как у неверных, на ковре, но мы садимся на стулья или в кресла.

– У кого? – она опять взглянула исподлобья. – Кем ты меня назвал?

Орельен усмехнулся – но про себя.

– На полу сидят неверные. Мусульмане.

– Хачики, что ли? У вас они тоже есть? – дева подскочила, не выпуская из рук своего мешка с ляжками, огляделась, осторожно села в кресло у стены.

– У нас нет, но я бывал там, где встречаются, – Орельен сел напротив неё.

Анжелика молчала и продолжала разглядывать гостиную – высокие канделябры, фрески на стенах, мелкие стёкла в окнах.

– Ты скажи, – вдруг начала она, – это правда, я не вернусь домой?

– Я не вижу возможности сделать это, – покачал головой Орельен.

– Ну и слава богу, – неожиданно сообщила она.

– Так ты хочешь домой или нет? – не понял он.

– Домой я не хочу никогда. Но это всё без пользы дела, потому что если я уйду, и буду где-то там ночевать, меня станут искать, и скорее всего, найдут. А здесь у вас меня никто искать не станет, и вообще обломится.

– Что сделает?

– Ну, не найдет.

– Если маг, то может отследить и найти.

– А у нас нет магов. Ни одного. Только в кино и в сказках.

– Так не бывает, – не поверил Орельен.

– Не, ну есть идиоты, которые утверждают, будто что-то там видят, рамкой смотрят и ещё по-всякому, заговоры читают и сыплют четверговую соль, я по телеку видела. Но это же херня для дураков, которые развесили уши и верят. А твой портал был по-настоящему, у нас так не бывает. Я ни разу не слышала такого, чтобы вот прямо можно было поверить.

– А мне поверила? – улыбнулся Орельен.

Эту смешную девчонку и впрямь удобнее называть на «ты».

– А хер тебя знает, – пожала она плечами. – Может, это крутые спецэффекты? Или мы вчера с Дюшей накирялись, чего не следовало, и теперь у меня глюки. Или я вообще сплю. А вы все мне снится. Или под наркозом. Стой, точно, я же не дошла вчера до Дюши, – она что-то вспомнила, судя по тому, как схватила его за руку, а лицо её помертвело. – Блин, я же пошла в гараж, и помню, как дошла до дороги, и снег ещё шёл, не шёл – прямо валил. А потом... машина, что ли? Меня сбила машина, и я валяюсь в отключке? И мне привиделось вот это всё?

Орельен увидел, что Анри и вернувшийся Жан-Филипп внимательно их слушают.

– Снег я помню, – кивнул он.

– Ты что ли там был?

– Нет, я был с этой стороны.

– Постой, так я, наверное, ласты склеила! Вот потому у вас тут и оказалась! А у вас рай или ад? – зелёные глаза смотрели с некоторым ужасом.

– У нас грешная земля, – захохотал Жан-Филипп. – Населённая, правда, не только грешниками, а ещё праведниками и еретиками.

– Вы в Лимее, замке Роганов недалеко от Паризии, – Анри поклонился. – Это мой дом, и я приветствую вас в нём, госпожа Анжелика.

07 Наследственный вопрос

Жан-Филипп де Саваж был старше и Анри, и Орельена, они познакомились при дворе. У него было больше титулов, чем владений и дохода с них, поэтому следовало очень тщательно выбирать себе друзей и покровителей. Анри де Роган выглядел вовсе не худшим из многочисленного выводка принцев – не жадный, не обманщик, не трус. Его воспитывали как большого влиятельного вельможу, поэтому он не суетился по пустякам, не принимал торопливых решений, о которых потом мог бы пожалеть, доблестно сражался с врагами престола и веры, и за все свои двадцать лет не попадал в неприятные истории – до самого последнего момента.

В отличие от Жана-Филиппа, Анри всегда был единственным наследником своего отца – две его сестры и брат умерли во младенчестве. И никто никогда не сомневался, что он унаследует и земли, и титулы, да и в принципе там было, что наследовать. Когда скончался старый герцог Франциск, Анри уже шел девятнадцатый год, и он к тому моменту успел показать себя как военный, как командир, пусть и небольшого отряда, и как перспективный маг. Отчего бы не подружиться с таким достойным молодым человеком?

Сам Жан-Филипп был единственным сыном, но у него имелся выводок старших сестёр. Девиц нужно было пристраивать, и родители перекраивали материнское приданое и наследственные владения до тех пор, пока от всего имущества не остался только старый замок, построенный лет двести назад, и по тем временам считавшийся удобным и комфортным, и дом в столице. Более того, Жан-Филипп надеялся стать графом лет в сорок, не раньше, ибо отец отличался завидным здоровьем. Но увы, отца убили еретики – отказались подчиниться своему сеньору под тем смехотворным предлогом, что он, видите ли, запретил им собираться и петь свои молитвы на его землях. Впрочем, Жан-Филипп был почтительным сыном, и прослышав о такой беспримерной наглости, нагрянул домой, да не один, а с друзьями, и перебил заводил без малейших сомнений. Их тела развесили по деревьям на дороге, ведущей к замку, ради острастки для всех прочих.

Матушка была весьма рада видеть сына и горячо приветствовала его способ объяснить зарвавшимся, кто тут хозяин. Потому как нечего смотреть на соседей из-за гор – ни на восточных еретиков-гугенотов, ни, тем более, на южных еретиков-солнцепоклонников. Родились добрыми католиками – таковыми и следует жить и помирать. Она уже видела его в мечтах остепенившимся, женатым и лично стерегущим близкие горные перевалы от врагов, но Жан-Филипп никак не хотел оставаться дома. В свите Анри было намного веселее. Да и отвык он от дома, как стал в десять лет пажом, а после оруженосцем – так и болтался с тех пор по свету, и ему, страшно сказать, это нравилось. В замке остались матушка и её управляющий, а он отправился к Анри. И вовремя – там как раз завертелось такое, что без подмоги не обойтись.

Анри исполнял обязанности сеньора на своих землях уже почти два года, и король был доволен им, ну, или королевские советники и королева-мать, а это, считай, одно и то же. А полгода назад вдруг объявился младший брат его отца, которого уже лет пятнадцать никто живым не видел, и мёртвым тоже, и никаких слухов о нём не ходило. И этот самый Жиль де Роган затребовал себе если не титул герцога де Лимей, то часть владений и приличное содержание. Он утверждал, что в завещании его брата так записано, но никакого завещания не осталось, и Анри, как единственный сын, унаследовал всё согласно обычаю и волей короля.

Тот Жиль много лет назад отправился в путешествие на Восток, к неверным, и по слухам – где-то там и сгинул. Во всяком случае, из всех, кто отправился вместе с ним, вернулся только один старый слуга, и рассказал, что остальные либо погибли, как его хозяин, либо в плену. Из плена спустя лет пять или семь вернулись двое – близкие друзья Жилия, но они ничего не знали о его судьбе. А Жиль-то был не так прост – могущественный маг, по слухам – практиковав-

ший некромантию, кроме того – изучавший так называемых тёмных тварей, в которых верили живущие на Юге, у Срединного моря и его заливов еретики. Воротившись домой, он вёл себя, как самый обычный подданный его величества – разве что королю не глянулся, и во всей этой истории его величество был определён на стороне Анри, которого знал с детства.

А потом этот самый Жиль, судя по всему – пройдоха из пройдох, предоставил его величеству при свидетелях некий документ, якобы – то самое завещание. И в нём было сказано, что наследство делится пополам между его братом Жилем и его сыном Анри, а титул перейдёт к тому из них, у кого будет крепкая семья – жена и наследники, хотя бы один. Анри к тому моменту не был женат по молодости, но и Жиль не был женат тоже, кажется – ни разу в жизни. А на этот случай, как оказалось, в завещании есть соображение – жениться нужно на деве из семьи де Безье, потому что они – дальние родичи, и просить за ней в приданое замок Вилль, что в Безансоне, который вместе со своими землями торчит среди владений Роганов, как бельмо на глазу. Жан-Филипп завещания не видел, и знал о нём только со слов Анри.

У нынешнего графа Безье была одна-единственная дочь. И один сын, но сын тут без надобности, ему уже под тридцать, он сам давно женат и с детьми. И вот эта единственная дочь, прекрасная Анжелика, как раз достигла возраста шестнадцати лет и могла быть просватана. К ней посватались как Анри, так и Жиль. Далее события пошли совсем плохо, и сначала помер старый граф Безье, отец Анжелики. Да как-то нехорошо помер – говорили, что будто отравили чем-то, потому что он полночи бегал по замку в чём мать родила, орал нечеловеческим голосом, а потом упал и испустил дух. Тело за час после смерти почернело и едва ли не развалилось на куски, поэтому его пришлось хоронить очень быстро и с минимальными церемониями.

Далее прекрасная Анжелика приняла сватовство Анри, и в этом Жан-Филипп её понимал – Анри был молод и хорош собой, и хорошо принят при дворе, в отличие от дяди. Но свадьба должна быть очень скромной, потому что после ужасной смерти её отца прошло совсем немного времени.

Помолвку торжественно праздновали в Лимее, замке Роганов, немногочисленным кругом близких людей. Со стороны каждого – ближайшие сородичи и друзья, и даже младший брат его величества, принц Франсуа, оказал честь и почтил помолвку своим присутствием. Свадьбу назначили через две недели.

А на следующий день прекрасная Анжелика почувствовала себя дурно, и через два дня скончалась.

О болезни известили, о кончине – нет. Потому что это был бы крах. Следующая наследница из Безье – это племянница Анжелики Жанна, дочь её брата, и ей от роду три года. Пока она вырастет – Жиль придумает ещё множество каверз и подлостей.

Анжелика скончалась в замке Лимей, и знали об этом её жених, два друга жениха – они с Орельеном, её камеристка Жакетта и её тётушка Антуанетта де Безье, сопровождавшая племянницу к жениху. Антуанетта была красивой молодой особой, дальней родственницей и бесприданницей, и поэтому жила при дочери своего дальнего кузена. До свадьбы она была компаньонкой Анжелики, а после, скорее всего, осталась бы в замке и воспитывала их с Анри детей.

Это было крушением надежд Анри – он полагал, что с Жилем можно бороться, как с дворянином, и победить в навязанной им игре. Жан-Филипп не верил, что Жилия можно победить по-честному. Он предлагал и подослать к Жилию шпионов, чтобы разобраться, что он там мутит, и просто прирезать его по темноте – набрать головорезов невелика задача, но глупец Анри продолжал быть честным принцем и дворянином без страха и упрёка. Тогда Жан-Филипп предложил послать дядюшку к дьяволу – даже если он и попытается заграбастать себе наследство, король этого так не оставит. И своего верного друга и подданного Анри де Рогана он тоже не оставит без земель и без денег. Да если бы и оставил – можно отправиться на Юг и наняться куда-нибудь воинами, магами, телохранителями, себя-то уж всяко бы прокормили. Но для Анри все эти варианты оказались недостойными его великого древнего имени.

Анри впал в отчаянье, и его взялся утешать Орельен, виконт де ла Мотт. Тот был не то одногодком Анри, не то чуть помладше, сыном почти безземельного соседа, и воспитывались они вместе. Но Орельен из них троих был самым сильным магом, и мэтры магии при дворе утверждали, что его сила только прибывает, и будет прибывать ещё лет до двадцати пяти. Во всяком случае, мог он многое, но довольно бестолково. Мэтр Рене, ближний маг королевы-матери, рекомендовал Орельену поездку на Юг, либо в Фаро, где при трёх духовных и магических орденах были школы, либо в Монте-Реале, где тоже была неплохая школа. Но сирота Орельен отправляться в долгий путь в одиночку не хотел, вот и болтался при дворе и при своём старинном друге Анри. И не стеснялся оказывать магические услуги тем, кому это было нужно – за деньги, конечно же. Никто ещё не решился попросить Орельена об услуге и не заплатить – очень уж выразительно тот улыбался и при этом поглядывал на всякие свои кольца и прочие побрякушки, и обещал насладиться чем-нибудь неприятное, если вдруг что не так, и по слухам, даже насылал.

Орельен прямо фонтанировал идеями, одна одной краше – найти некроманта, поднять невесту Анри – хоть ненадолго, а после свадьбы пусть помирает обратно, или найти похожую девчонку и заплатить ей, чтобы представилась Анжеликой на время свадьбы, а потом отправить её восвояси. Но Анри же благородный дворянин, где ж ему согласиться на такое – упёрся и сказал, что ни за что на свете не запятнает своё имя подобными делами. Орельен, правда, смог законсервировать от разложения тело Анжелики, а потом он же придумал эту заварушку с обменом душами – вычитал в какой-то многоумной книге. На это Анри согласился – его Анжелика уже мертва, а Орельен убедил, что душа, которая придёт к ним таким путём, тоже спасётся от смерти тела и развоплощения. Но во время обряда что-то случилось, Жан-Филипп не настолько разбирался в магии, чтобы понять – что именно. И в итоге они получили девицу, несомненно – живую, абсолютно здоровую, похожую на покойную, как две капли воды, и она даже утверждала, что её зовут Анжелика, но...

Эта девица никуда не годилась. Никуда. Не. Годилась.

И что с ней теперь делать, Жан-Филипп себе не представлял.

08. Не та Анжелика

Анри сам взял из рук слуги поднос и поставил его на стол. Слуга только кивнул – мало ли, что там у господ за секреты. Правильно, такие секреты, что лучше не знать, целее будет.

И главный секрет – что они наделали? И не покарали ли высшие силы их таким образом за самонадеянность? Что они знают о других мирах? А о душах в них? И о телах? То-то же, ничего.

Он оглянулся на Анжелику – вот ведь, бывает так, что в двух мирах живут две необычайно похожие девицы, но одна из них – дочь графа и благородная дама, а кто вторая? И можно ли вообще представить эту особу вместо благородной дамы? Ей же стоит рот открыть, и все сразу же поймут, кто она такая? И взгляд – исподлобья, недоверчивый и суровый. Его Анжелика была нежна и ласкова во всём – и во взглядах, и в словах, и в лёгких стеснительных прикосновениях. Эта же – колючая, точно ёж, и недобрая. Но по повадкам она никак не похожа на простолюдинку – смотрит прямо, не смущается, говорит дерзко, будто привыкла, что её слушают. Хотя что там слушать-то!

Вправду нужно поесть и выпить, со вчера маковой росинки во рту не было. А сил ночью потеряли изрядно. И там уже соображать, что дальше.

Анри пригласил друзей и девушку располагаться вокруг стола. Анжелика по-прежнему смотрела настороженно – теперь на все блюда и тарелки, стоящие на столе.

– А что, руки перед едой мыть вас тут никто не учил? – вдруг хмуро поинтересовалась она, глядя на Жана-Филиппа, который уже взял было кусок хлеба.

Так смотрела, что бедняга едва не поперхнулся.

– Момент, госпожа Анжелика, – Анри поднялся, выглянул в коридор и велел принести воды и таз.

Конечно, можно и обойтись. Но можно и помыть. Он сам предложил ей полить воды на руки, она кивнула. Мыло осмотрела и обнюхала, будто это какая-то диковинка. Мыло да и мыло, у его Анжелики вроде бы были даже какие-то предпочтения в запахах, наверное, у этой тоже есть. Руки вытирала тщательно, пока не стали совсем сухими. Обвела тяжёлым взглядом их троих.

– А вы чего расселись? Быстро сюда, пока я стою, – и легко подхватила тяжелый кувшин.

– Благодарю вас, – опомнился Анри и подставил ладони.

Жан-Филипп кивнул и тоже подставил руки, а Орельен прямо рассыпался в благодарности.

– А что, водопровод-то ещё не изобрели? – она поставила кувшин и села в кресло.

– Вы о чём? – хмуро спросил Анри.

Тяжелая ночь давала о себе знать.

– Ну, вода у вас тут откуда? Раз её в кувшине принесли?

– Из колодца. В замке три колодца, у нас не бывает недостатка воды.

– А если помыться? Это что, целую ванну воды таскать и греть?

– А как ещё-то? – хмыкнул Жан-Филипп, его этот допрос тоже раздражал.

– Нормально, – пожала она плечами. – Когда приходишь в ванную, открываешь кран, и вода течет. Какая нужна – горячая, теплая, холодная.

– Ну, это только королевские маги во дворце делают такие купальни, – заметил Орельен.

– Ты же маг, – она впиалась в него взглядом.

– Да, и что?

– И чего ты не провёл сюда нормальную воду?

– Анжелика, нам и в голову не приходило, что так – нехорошо. До сегодняшнего дня, – улыбнулся он. – Но в подвале есть купальня с подогревом.

– Оно и видно, что не приходило, – пробурчала девушка и взяла себе на тарелку мясо, сыр и хлеб. Понюхала воду в кувшине, снова наморщилась. – А я-то, блин, не верила, когда мне говорили, что вода везде, кроме как у нас, хреновая.

Откинулась на спинку кресла и тут же сложила одну ногу на другую. А тарелку поставила сверху. С вилкой она управлялась легко, но держала её в правой руке. А для того, чтобы отрезать себе кусок холодной свинины, ненадолго переложила в левую.

Ей пытались предлагать помощь, но она делала вид, что больше никого, кроме неё, за столом не существует. Бред какой! Сидит за столом, ест, разговаривает. И даже голос немного похож на его Анжелику – когда не вопит. Она вообще умеет говорить тихо или нет?

– Расскажите о себе, госпожа Анжелика, – холодно попросил Анри.

Она выводила его из себя одним своим видом, а благородному человеку не следует выходить из себя по пустякам.

– А нечего особо рассказывать. Родилась, училась, подохла. Да и всё. Лучше вы мне расскажите, что за херомантию тут устроили.

– Анжелика, сколько тебе лет? – прямо спросил Орельен.

– Восемнадцать, а что? Паспорт надо показывать? У меня с собой, если не веришь.

Ещё и на два года старше!

– Что такое паспорт? – тут же спросил Орельен.

– Сейчас, покажу, – она взялась за свою суму, открыла странную застёжку сбоку и достала маленькую книжечку.

– Ух ты, – Орельен взял, открыл и стал смотреть. – Это твоя миниатюра? А как её рисуют?

– Не рисуют, фотают. Фотографируют, – девица достала ещё из одного кармана небольшой прямоугольный предмет и принялась давить на него пальцем. – С*ка, не включается!

Она потрясла рукой с этим самым предметом, потом ещё раз потыкала. Тем временем Орельен передал Анри ту самую красную книжечку.

Обложка из непонятного материала – не кожа, и не бумага, а неизвестно что. Золотой краской нарисован герб – приличный такой герб, с двухголовой птицей и коронами. Внутри какая-то блестящая страница, и написано так, что не прочитаешь ни слова. Только её миниатюру и можно посмотреть, остальное не понятно совсем.

– Что здесь написано? – спросил Анри.

– Что я, Чумакова Анжелика Алексеевна, являюсь гражданкой Российской Федерации. Что день рождения у меня тридцатого июля. Ну и где живу.

– А где вы живете?

– В Мухосранске Задрищенской области, – поджала губы девица.

И такое у неё при этом стало лицо, что Анри не усомнился ни на мгновение – что-то не так. Ну да не важно.

Тем временем Орельен изучал тот самый продолговатый предмет, который «не включается».

– Для чего это?

– Вообще для связи, ну, на расстоянии.

– Магическое зеркало, что ли?

– Нет, какое на хрен зеркало! Просто смартфон. Он, наверное, разрядился. А электричества у вас, поди, нет, и слова-то такого не слышали, глухомань!

– Сударыня, следите за своим языком, – дёрнулся Жан-Филипп.

Правильно, подумал Анри, а то уже сил нет держать себя в руках.

– Что такое электричество? – продолжал расспросы Орельен.

– Ну, как её, блин, электрическая энергия. Ну вот если взять его, – она кивнула на Жана-Филиппа, – и меня. И соединить.

– Чего? – Жан-Филипп даже привстал.

– Ничего, сядь, – бросила она, и он вправду сел, вероятно – от неожиданности. – Видишь, я ещё ничего не сделала, а его уже так растарасило, что искры летят. Если пробросить между нами провод, можно получать ту самую энергию. Я не всерьёз, на самом деле. Если по правде, то должна быть электростанция, например – на реке, а от неё провода. К розетке. А в розетку включать, что тебе надо. Лампу, например.

– Лампу я могу и так, – Орельен щёлкнул пальцами и зажег пару магических шаров.

– Сюда так же сделай, – и показывает на маленькую щель в той странной штуке.

Орельен взял предмет, осмотрел, а потом влил в него немного силы. А потом ещё. А потом надавил сбоку, и эта штука засветилась.

– Круто! – завопила девица. – Нихерассе, как ты умеешь! Меня научи, а? Тоже хочу!

Она схватила артефакт и стала быстро-быстро тыкать пальцем в гладкую поверхность.

– Зачем ты это сделал? – с тихим стоном спросил Анри у Орельена.

– Ну интересно же, – подмигнул он.

Всё-то ему интересно! Нашел время интересоваться, нечего сказать!

– Мля, сети-то нет! Ну и хер с ней. Никто не найдёт. Сейчас вылетит птичка! – громко объявила она и повернула артефакт к ним троим.

Раздался негромкий щелчок, она глянула сама, а потом показала им. С гладкой поверхности на Анри смотрело его собственное лицо, а рядом – Орельен и Жан-Филипп.

– Как ты это сделала? – восхитился Орельен.

– Кнопочку нажала, – пробурчала девица. – Хоть будет, что дома показать, если свезёт вернуться, а то ж не поверит никто.

Анри понял, что пора брать дело в свои руки.

– Про дом и прочее. Сударыня, извольте убрать ваш артефакт и послушать.

– Ну ладно, – она послушно убрала непонятную штуку и поставила свою суму на пол, обхватив её коленями. – Говори.

09. Попала так попала

Чумка продолжала охренивать от того, что видела вокруг. Замок, хрена ли, настоящий замок, как на картинке в сети! Электричества нет, водопровода нет, а одеваются они тут, как музейные экспонаты! И это она ещё про толчок не спросила, его, поди, тоже нет, а срут где-нибудь во дворе под кустиком! Не, когда они с пацанами ночевали в гараже, то до ветру тоже ходили на улицу под дерево, не вопрос. Но тут-то они вот прямо живут, а не только ночуют! И по всему – огромный домина, не хрущевка в сорок квадратов, куча народу помещается!

Жрачка, правда, вкусная. Дома такого сыра и таких копчёностей нет, или, может, есть, но стоят они как тот сбитый боинг. Хлеб тоже норм, свежий, корочка хрустит. Масло хорошее, сразу видно – никакого растительного жира или какая ещё там херня в нём встречается. Но остаться жить в этом навсегда? Хер там! Может, того, они нагнали, и получится как-то вернуться обратно? Она бы даже, может, постаралась получше сдать годовые экзамены и перевестись во что попримечнее?

Но то, что Чумка слышала, не оставляло никаких надежд на получше. Как там им говорили на художественной культуре? Оставь надежду навсегда? Во-о-о, тот самый вопрос. Сейчас она бы привела преподше Олечке Михалне пример с полпинка.

Принц – а вообще он красивый парень, что уж, вообще все они ничего так – говорил, и ей капец как не нравилось то, что именно он говорил.

– Госпожа Анжелика, три дня назад я потерял невесту, её звали так же, как и вас, и она была очень на вас похожа. Мы подозреваем насильственную смерть. Когда виконт де ла Мотт проводил свой обряд, мы хотели всего лишь призвать в тело Анжелики какую-нибудь бесприютную душу, тело которой погубило, и которая смогла бы вдохнуть жизнь... да во всё она бы вдохнула жизнь. Потому что мне очень нужно жениться на Анжелике де Безье. Вы похожи на неё как две капли воды, и отныне вас зовут – Анжелика де Безье. У вас есть камеристка, её зовут Жакетта, и тётушка, Антуанетта де Безье. Они пока не знают о вашем... чудесном исцелении, но как только мы закончим разговор – я извещу их. Мы скажем им, а потом и всем остальным, что вас исцелило чудо господне, и что свадьба состоится в срок, как и было объявлено. Вы слышите меня?

– Слышу, так-то не глухая, – пробурчала в ответ Чумка.

Сказанное надо было переварить. У него кокнули невесту, и эта невеста была одно лицо с Чумкой. Они хотели оживить ту невесту, а вместо неё призвали Чумку сюда, призыватели хреновы. И теперь труп невесты где-то дома на дороге валяется, а Чумка сидит вот тут, как живая, глазами лупает, еду жрёт и на толчок хочет. Оймля.

Когда Чумка видела такие вот страсти в кино, она не верила, потому что так не бывает. А выходит – бывает, ещё как.

– Погодь, Принц. Скажи, только честно: твою невесту кокнули, да? Она не сама коньки отбросила?

– Эээ... видимо, нет, не сама. Незадолго до того отравили её отца, вероятно, так же случилось и с ней.

– И ты решил, что я буду хорошо смотреться на её месте? Чтобы меня кокнули следующей? – надо же сразу понять, че-кого.

– Мы будем защищать вас ценой своей жизни, – сообщил Принц.

– Хер там, – не поверила Чумка. – Ту-то, поди, тоже типа защищали. И сдаётся мне, предыдущая версия тебе нравилась сильно больше, чем нынешняя, и то ты её не уберёг.

– Кто предупреждён – тот вооружен, – ответил Принц. – И раз вы услышали меня, то я продолжаю. Не знаю, где вас воспитывали, может быть, что и нигде. Но моя невеста не может говорить так, как вы. Поэтому настоятельно рекомендую вам закрыть рот и не болтать лишнего.

– Что это меня не воспитывали-то? Только и делали, что воспитывали, все восемнадцать лет, – вскинулась Чумка.

– Если я пойму, что вы умеете говорить по-человечески, тогда поверю, – усмехнулся он. – А сейчас повторяю: вы очнулись после болезни, ничего не помните. Это вызовет меньше вопросов, чем ваша изысканная речь, – он скривился, прямо как Зося, завуч из колледжа, когда слышала от студенток мат или что-то в этом роде.

– Если я тебе так противна, то хера ль ты вообще сейчас что-то от меня хочешь? Отпусти, да и ладно.

– А у меня теперь нет другого выхода, – сообщил он.

И Пират поддакнул:

– Мы не сможем отправить вас обратно, разве что убить – если не получится убедить, – и усмехается так мерзотно, гад. – Умерла, так умерла. Пусть тело хоронят, а Анри найдёт другую невесту. Крошку Жанну, в конце-то концов. Ну подумаешь, придётся десяток лет подождать, пока она созреет до постели, ну да это ж жениться ни на ком другом нельзя, а всё остальное-то можно.

– С этого и начинал бы, что лишь бы потрахаться, – пробурчала Чумка.

– Лишь бы – что? – нахмурился Принц.

– Что-что, сексом заняться! – но это тоже ни хера ему не сказало. – В постель пойти, как говорит Пират.

– А зачем ещё нужна жена, – усмехнулся помянутый Пират.

Принц только вздохнул. По ходу, Чумка совсем ему не нравилась и в постель с ней он не хотел. И ладно, это ж только после свадьбы, а та свадьба когда ещё будет.

– Ладно, ты – жених. А они кто такие? – кивнула Чумка на двух других парней. – Твои друзья?

– Именно так, госпожа Анжелика. Мои друзья. И я буду вам очень признателен, если вы станете говорить о них с уважением, – сказал, как отрезал.

Может, они не сделают ей ничего плохого? Может, к ним как-то можно привыкнуть? Те её друзья, что остались дома, тоже всем обычно кажутся дикими и дебильными...

– Мне видится некая проблема, – начал третий, Чумка сначала назвала было его Брошкой, но раз он смог оживить её телефон, то он реально маг.

Колдун, короче.

– Какая? – спросил Принц.

– Покойная девица де Безье была в сорочке. Если мы позовём Жакетту и покажем ей нашу гостью, она не поверит. Её надо переодеть. Ты знаешь, где лежит одежда твоей невесты?

– Представления не имею. Наверное, где-то в сундуках. Надо искать.

– Надо просто пригрозить девке хорошенько, – Пират отхлебнул из бокала. – Точнее, обеим девкам. И пусть Жакетта сама ищет ей одежду.

– Анжелика и так не будет говорить лишнего. Она же не хочет, чтобы её убили неизвестные нам слуги господина Жилья? – подмигнул ей Колдун.

– Кто это – господин Жиль? – насторожилась Чумка.

– Дядя Анри, – пояснил тот. – Мы подозреваем его в отравлении графа де Безье и его дочери.

– Так это, у вашей покойной ещё и родня была? – вдруг дошло до Чумки.

Там же, наверное, не только отец? Не хватало избавиться от одной гонимой семейки, чтобы тут же заполнить вторую.

– А как же, – сообщил Колдун. – Мать умерла родами давно, отец – от отравления и недавно, есть старший брат, он теперь граф де Безье. Он женат, у него двое детей.

– И всё? – у Чумки прямо отлегло от сердца. – И с ним жить не надо?

– Не надо, – покачал головой Принц. – Но у вас есть тётушка, дальняя кузина вашего отца. Она здесь, в Лимее, и она будет смотреть за вами. Рекомендую слушать всё, что она будет вам говорить.

Здравствуй, жопа, новый год, называется. Приплыли. Какая-то тётка. От тёток Чумка по определению не ждала ничего хорошего. Сейчас начнётся – не так оделась, не так разделась, не так, мать твою, нос повесила.

– Да они же всем растреплют, что я, ну, не та, кто вам нужен, эти тётки и камеристки и хер пойми кто у вас там ещё, – Чумка полностью растерялась, что с ней случилось не так часто.

– Пригрозим всем, – сообщил Пират.

Он был из них всех самый спокойный.

– Я наложу на них заклятье, – сказал Колдун. – Они не смогут сказать о тебе ничего лишнего.

– Твои бы слова да богу в уши, – не поверила Чумка.

– Согласен с вами, – проговорил Принц. – И сейчас велю Жакетте сюда прийти.

10. Тайны Жакетты

Жакетта ле Пти родилась и прожила все свои шестнадцать лет в замке Безье. Она была незаконнорожденной, и всякая собака знала, что мать её, Кати, родила Жакетту от благородного – когда в замок приезжали гости праздновать вторую свадьбу сеньора, то к кому-то из именитых друзей господина графа Кати и пробиралась в комнату всякую ночь, что они оставались в замке. Девочка родилась аккурат через девять месяцев после свадьбы, и была так пригожа лицом, что все сразу понимали – Кати ей мать, конечно, куда уж деваться, но отец – кто-то, кто очень хорош собой.

Более того, девочка оказалась слабеньким, но магом. Это, с одной стороны, было хорошо – без работы не останется, такая прислуга ценилась вдвое против обычной. С другой же – магам в нынешнее время ой как непросто живётся, если они не знатны, не богаты и не при королевском дворе, того и гляди – обвинят в ереси. Это благородные дворяне могут быть магами и разить врагов направо и налево хоть огнём небесным, хоть водами текучими, хоть твердью земной, а с простым человеком всё не так, пойдя докажи, что не еретик, что ходишь к мессе и что выполняешь всё, что положено доброму католику, и не больше, и не меньше! Там сам епископ запутается во всём, что хочет от своей паствы, простым-то людям вообще деваться некуда.

Жакетту учил применять её нехитрые способности сам господин граф. Тот был магом хоть куда, и очень огорчился, что ни сын его, господин Антуан, ни дочка, госпожа Анжелика, способностей ни на крошечку не унаследовали. Жакетта научилась греть воду, зажигать огонь – в камине, свечку и просто шариком, открывать-закрывать окна-двери на расстоянии, искать предметы в комнате. Позже, когда дочка господина графа ездила в монастырь святой Гертруды, и её тоже взяли в числе другой прислуги, там монахини научили Жакетту использовать магию в уходе за вещами – мол, они всё это делают, только тихо. И вообще, для магически одарённой девушки обитель святой Гертруды была самым тем местом, где жить – и поучат, и к еретикам не причислят. Да только не хотел господин граф отпускать ценную прислугу, уговаривал Жакетту – мол, останься, тогда матери твоей пенсион пожизненный будет, а уйдёшь – я её на улицу выгоню. Кати к тому времени была уже стара и нездорова, у неё страшно болели суставы на пальцах рук и её всё время колотил кашель. Постирай-ка бельё в холодной воде, ещё и не то себе заработаешь – а Кати была именно что прачкой, и стирала не тонкое господское бельё, а скатерти, простыни и прочее подобное. Что ж делать, выбора-то и нет, вот Жакетта и осталась. На материних руках училась унимать боль, и у неё понемногу выходило.

А потом она случайно узнала страшную тайну господина Антуана, сына господина графа. Подслушала. Шла потайным коридором, каких во всяком порядочном замке – как в муравейнике, и слышала. Как ему угрожал незнакомый человек, и как господин Антуан сначала бодро защищался, и на врага своего призывал громы и молнии. А потом тот человек возьми и скажи – а я-то, мол, знаю, что ты на самом деле не сын хозяину замка, ибо мать твоя родила тебя не от графа Безье, а от любовника, и имя его знаю тоже, и это покойный король, который ни одной юбки не пропускал. Жакетта прямо заслушалась, так ей интересно стало, даже забыла, как дышать, чтобы её, ни дай господь, не учуяли. И узнала, что враг господина Антуана зовётся Жиль де Роган, и ещё слышала, что этот господин много лет почитался покойным, и вдруг появился – откуда ни возьмись. И он обещал, что если господин Антуан не сделает того, что ему требуется – то он предоставит доказательства его незаконного происхождения, и тогда у господина графа останется одна наследница – госпожа Анжелика, к которой сватается его, Жилия, племянник. Но он сам тоже не против жениться на госпоже Анжелике, и будет весьма благодарен господину Антуану, если тот склонит свою даже, как оказалось, не сестру к правильному решению. И добавил, что сроку господину Антуану – неделя, а потом он снова придёт.

Жакетта не придавала значения этому разговору – ну наверное, господин Антуан что-нибудь придумает, он взрослый, ему уже тридцать лет, у него супруга и дети!

Но дальше события пошли так, что только убежать и прятаться.

Сначала помер господин граф, да так паршиво, что впору звать самого упёртого священника из католической Лиги и освящать замок. Потому что отравили какой-то чёрной магией высокого разбора, так сказал господин доктор, которого привели порталом из столицы. После оказалось, что госпожа Анжелика всё равно выходит замуж, и не за Жилия этого непонятого, а за молодого красавчика-принца Анри де Рогана. И, стало быть, её нужно собирать и везти к жениху.

Ну а что значит – графскую дочку замуж собрать? Это не девка дворовая, у неё одних платьев пять сундуков, и ещё украшения, посуда и постельное бельё!

Незадолго до того, пока ещё господин граф был жив, вскрылось, что Сюзетт, молочная сестра и камеристка госпожи Анжелики, умудрилась забеременеть. И ладно бы от кого приличного, а то – от смазливового красавчика Клода, замкового управляющего, вдовца с четырьмя малыми детьми. Он-то был только рад взять её за себя, ему надо, чтоб за его оравой кто-нибудь присматривал, а госпожа Анжелика осталась без камеристки. Тогда вспомнили, что от Жакетты вроде был толк, и господин граф распорядился приставить её на место Сюзетт, а матери дать-таки пожизненный пенсион. Жакетта, правду сказать, только рада была убраться из замка Безье, со всеми тайнами его хозяев, тем более, что матери можно было теперь не работать, значит, одним беспокойством меньше.

Но и это было ещё не всё!

Жених очень хорошо принял госпожу Анжелику, и помолвку отпраздновали, и дату венчания назначили. Но на следующий день после помолвки госпожа Анжелика занемогла. Да так, что на третий день отдала богу душу – никто и пикнуть не успел.

А дальше всем пришлось несладко – и Жакетте, которой очень уж не хотелось возвращаться в Безье, и госпоже Антуанетте, тётке госпожи Анжелики и дальней кухне господина графа, которую назначили за госпожой Анжеликой присматривать, и жениху – господину Анри, потому что в этой свадьбе для него было очень много разных интересов. И если бы не друг господина Анри, господин Орельен, тот бы вообще с ума сошёл, наверное. Но этот друг, и ещё один – господин Жан-Филипп взяли господина Анри в оборот и сказали, что непременно найдут выход. Только надо факт смерти скрыть, и всем сказать – госпожа нездорова, лежит в забытьи. А какой выход здесь можно найти, ну скажите?

И когда господин Анри прислал сказать, чтобы Жакетта пришла в гостиную, где у них обед, она бросила шелковые вышивальные нитки, которые держала для госпожи Антуанетты, чтоб той сподручнее было их сматывать, и пошла.

А в гостиной....

Нет, так не бывает.

В гостиной сидела госпожа Анжелика, живая и здоровая. Только волосы короткие, и одета как-то не по-людски. И глаза подведены, как у девок, которые вечерами на городской улице деньги зарабатывают.

А потом госпожа Анжелика открыла рот и заговорила... и тут Жакетта поняла, что это вовсе не госпожа Анжелика. Потому что та росла розочкой оранжерейной и слов таких не то, что не произносила, а отродясь и не слыхивала. И голос у неё был тихий и нежный, она даже злилась негромко. А эта... вот кого бы в Безье на денёк, всю прислугу бы живо заставила по струнке ходить!

А дальше господин Орельен, он тоже тут был, как и господин Жан-Филипп, начал говорить. Он рассказал, что эта девушка – издалека, там, у себя, она должна была погибнуть, но ему удалось провести обряд и вытянуть её сюда – в обмен на тело настоящей госпожи Анжелики. И теперь задача Жакетты – помочь ей освоиться. А если она хоть полслова об этом кому скажет

– без языка останется, и ещё заклятье наложил, будто она, Жакетта, дура первостатейная и не понимает, о чём можно болтать, а о чём – не следует ни в коем случае.

Дальше решили, что госпоже Антуанетте пока ни слова говорить не нужно – до завтра. Всем объявить, что госпожа Анжелика ещё пока не пришла в себя. А завтра она как бы проснётся утром и очнётся, тут всем её и показать. Вот, мол, госпожа Анжелика, слаба, но скоро будет совсем здорова.

И сроку им на всё – чуть, потому что свадьба господина Анри должна состояться через неделю с хвостиком, а через два месяца – свадьба сестры его величества, на которой им нужно непременно быть.

Всё бы ничего, но как выдать эту девушку за госпожу Анжелику – Жакетта себе не представляла. Однако, у неё снова не было выбора.

11. Туалетные вопросы

Жакетта подошла к госпоже Анжелике и поклонилась.

– Госпожа Анжелика, пойдёмте в вашу спальню. Я помогу вам переодеться.

Та встала и подхватила с полу какую-то круглую торбу из непонятной ткани и непонятного цвета.

– Куда идти-то?

– Я провожу, госпожа, – Жакетта попробовала взять у неё ту торбу, негоже ведь, когда госпожа сама торбы какие-то непонятные таскает, но была посрамлена.

– Не отдам! – сообщила новая госпожа Анжелика и вцепилась в свои вещи обеими руками.

Не очень-то и хотелось. Пусть сама тащит, раз ей так надо. Но только сейчас, потому что прежняя госпожа Анжелика ничего тяжелее платочка в руки отродясь не брала. И тут же морщила нос, если её вещи ей несли недостаточно быстро. А новая госпожа Анжелика должна походить на прежнюю во всём.

Идти до отведённых им в замке Лимей покоев было недалеко.

– Прошу вас, госпожа, – Жакетта отворила дверь и пропустила госпожу Анжелику внутрь.

Та вошла и уставилась на убранство комнаты, как будто жилья нормального раньше не видела.

– Это что, всё мне?

– Да, госпожа, конечно. Гостиная, гардеробная, спальня. Его высочество Анри очень вас любит, – Жакетта закрыла дверь на засов – мало ли.

И ещё немного прикрыла от подслушивания – господин граф научил её этой полезнейшей штуке незадолго до смерти. А потайных ходов замка Лимей Жакетта пока не знала, и откуда здесь можно подслушивать – не представляла совсем.

– Хрена собачьего он меня любит, – сообщила госпожа Анжелика, – сам сказал. Он ту любил, наверное, которая померла. Ты тоже её любила, а?

– Меня взяли служить госпоже Анжелике совсем недавно, когда отправляли из Безье, потому что её камеристка, она, ну, оказалась в тягости.

– Чего она? – не поняла госпожа Анжелика. – А, залетела, что ли? И осталась дома?

– Да не дома, её замуж выдали тут же, как вскрылось.

– И её парень не слился?

– Её парень не – что?

– Ну, не сказал, что это не он и вообще.

– А, вот вы о чём! Нет, да и не парень то был вовсе!

– А кто? – госпожа Анжелика вытаращила глаза. – Кто ещё это может быть? Не того же, как это, дух святой?

Жакетта захихикала. Тут же одёрнула себя – как разозлится сейчас госпожа, мало не покажется! Но госпожа ждала ответа.

– Я сказала, что он не парень, потому что ему уже тридцать лет, он вдовец и у него четверо детей мал мала меньше! Уж конечно, он хотел взять Сюзетт в жёны, чтобы было, кому за малышней смотреть, но если бы он просто посватался – ему бы её ни за что не отдали, а так – пришлось отдавать! И не просто отдавать, а ещё и с приданым!

– Во попала девка, – госпожа Анжелика неожиданно прониклась обстоятельствами бедняги Сюзетт. – А аборт у вас, поди, и не сделаешь?

– Что не сделаешь? – пришёл черёд удивляться Жакетте.

– Ну как, если не хочешь рожать, а залетела, у нас надо пойти к врачу, пока срок маленький, и тебе дадут таблетку, ну, не сразу, ясен хер, сначала мозги пополошут, но потом дадут, а если срок уже побольше – то будут под наркозом выскабливать. Это хуже, но если самим жрать нечего, то куда деваться, пойдёшь и сделаешь. Меня бог миловал, но подругам доводилось.

– А, избавиться от ребёнка! Ну да, есть такие женщины, к которым можно пойти и попросить средство, и тогда выкинешь. Но если тебя за этим поймают, и докажут, то потащат к судье, а то и к палачу, и дадут плетей, поэтому все, кому надо, стараются сделать тихо, – сказала Жакетта, а потом подумала – ну ничего себе она с госпожой-то разговаривает!

Прежняя госпожа Анжелика о таком и помыслить не могла.

– Тогда жопа, да. Только рожать. А ей сколько лет-то, той девке?

– Шестнадцать, как прежней госпоже Анжелике, они молочные сёстры.

– То есть, она ту Анжелику хорошо знала? И может, в случае чего, заметить подмену?

– Да, она знала её хорошо. И наше всеобщее счастье, что её здесь нет.

– Были бы проблемы? – ухватила суть вопроса госпожа.

– Скорее всего, – кивнула Жакетта.

– Значит, пусть там, где есть, и остаётся, и рожает, и чужим детям сопли вытирает, – припечатала та. – А зовут-то тебя как, я не помню, принц говорил или нет?

– Жакетта, госпожа. Жакетта ле Пти.

– Что за имя такое странное? Жакет – это как пиджак. Пиджак у мужиков, а жакет у женщин.

– Обычное, – удивилась Жакетта. – Я родилась в день святого Иакова, был бы мальчик – тогда назвали бы Жак, а случилась я.

– Надо запомнить, что не пиджак и не жилетка, – сказала странное госпожа. – А я Чумка, то есть Лика, если по-цивильному. – Скажи, толчок у вас где? Сил нет терпеть уже.

– У нас – что? – опять не поняла Жакетта.

Но госпожа пока не бьёт и иголками не тычет, так что живём.

– Ну, туалет. Поссать хочу, сил нет.

– Момент, – Жакетта метнулась в спальню и принесла ночную вазу.

– Что-о-о-о-о? Горшок? Как у младенца? – вытаращилась госпожа.

Где она жила-то, что от обычной ночной вазы её так перекорёжило!

– Я не знаю, госпожа, как у вас дома, но здесь – так. У хозяев, я слышала, прямо отдельные комнаты под это дело есть, они специально построены над замковым рвом, чтобы, ну, туда всё стекало и валилось, – Жакетта не смогла не рассмеяться – представила.

Но госпожа не сердилась и тоже рассмеялась.

– А если в том рву кто-нибудь окажется? Прямо на него и насрут? – поинтересовалась она, расстёгивая свои удивительные синие бриджи из хорошей плотной ткани.

– Ну откуда там кому-нибудь взяться, – рассмеялась Жакетта.

А потом вспомнила историю, которую рассказывали на кухне, о том, как из замковой темницы лет десять назад сбежал какой-то враг покойного господина герцога, отца господина Анри, и бежал как раз через тот самый ров с нечистотами. Никто не думал, что беглец будет там прятаться, а он так и сделал, и убежал. Ну и воняло от него, наверное!

Жакетта рассказала эту историю и посмеялась вместе с новой госпожой.

– Ни хера себе он вонючий-то потом был, – смеялась госпожа.

Забавно, о том же самом подумала.

Жакетта вынесла вазу, куда следовало, по чёрной лестнице – это ж просто счастье, что у покоев госпожи есть чёрная лестница! А если как у госпожи Антуанетты, то всё в одни двери – и люди, и дерьмо.

Госпожа Анжелика тем временем ходила по комнатам и всё-всё рассматривала, и трогала, и пыталась открыть окно. Она же не собирается сбежать?

– Окно заколочено, его можно будет открыть, когда на улице станет теплее, – пояснила Жакетта.

– Как в тюрьме, мать вашу, – вздохнула госпожа.

– Госпожа, вам нужно переодеться. Вдруг кто-нибудь захочет зайти?

– Во что переодеться-то?

– А вот, я сейчас достану новую сорочку, ни разу не надёванную, прежней госпоже Анжелике полный новый гардероб справили, ведь замуж шла, и не просто так, а богатая наследница, – Жакетта сходила в спальню и принесла сорочку из тонкого льняного полотна.

Госпожа посмотрела на сорочку, потрогала кружево и вышивку, понюхала.

– Красиво. И куда в этом?

– В этом только спать, ну или под платье.

– А платье покажи, – попросила госпожа.

Жакетта достала из сундука платье, в котором прежняя госпожа заключила помолвку – из бархата редкостного тёмно-синего цвета, расшитое жемчугом и серебряными нитями. И к нему – нижние юбки, корсет, вертюгаль, подушечку на бёдра.

– Это? Надеть? И в нём ходить? Сколько вся эта херь весит-то? – госпожа вытаращилась, как будто впервые увидела платье.

Или они там, откуда она родом, женщины вот в такие синие штаны одеваются? И в кожаный дублет? Как мужчины?

Госпожа тяжело вздохнула.

– А трусы где? И лифчики, или что там у вас вместо них?

– Что такое трусы? – изумилась Жакетта.

Госпожа, недолго думая, спустила свои изумительные синие штаны и показала. Предмет из тонкой чёрной ткани с кружевом ладно облегал зад госпожи, наверное, его высочеству Анри понравилось бы, хихикнула про себя Жакетта.

– А вы тут все что, с голыми жопами рассекаете?

– Ну да, – пожалала плечами Жакетта. – Что особенного-то?

– Да ну, стрёмно, – сообщила госпожа. – Ладно, у меня запас есть, но небольшой.

– Говорят, придворные дамы носят панталоны. Чтобы, когда кавалеры снимают их с коня, не видеть, что у дамы под юбкой. Вроде бы это её величество королева-мать ввела такую моду, а она иностранка, из Феррайи.

– Из откуда? – изумилась госпожа. – Ладно, это потом. Помыться тут где? Или из ковшика?

– Нет, не обязательно из ковшика. Можно сходить в купальню, в подвал, там даже есть магический нагреватель для воды. Но прежняя госпожа Анжелика велела тащить ей ванну и греть воду в её комнатах.

– Это сколько времени-то надо? – изумилась новая госпожа.

– Да, довольно много.

– Нет, пошли в эту вашу купальню. Ночнушку свою бери, там переоденусь.

И госпожа Анжелика подхватила свою большую суму, выразив тем самым готовность идти.

– А вещи зачем с собой? – не поняла Жакетта.

– Так я их тут без меня и оставлю, ага, – сообщила госпожа.

– Давайте, я наложу на вашу суму невидимость. Пока мы будем ходить – никто не увидит.

– Правда? – усомнилась госпожа, – А ты умеешь? Ты тоже маг, да? Вы тут все маги? А мне можно научиться?

Она говорила очень быстро, разбирать отдельные слова получалось не сразу.

– Я умею, – кивнула Жакетта, дождалась, пока госпожа возьмёт из сумки всё, что ей там надо, и наложила соответствующие чары.

И наконец-то можно было пойти.

12. На новом месте приснишь, жених, невесте

Чумка проснулась в полной темноте от холода. А потом вспомнила, где она есть и что с ней случилось. Попала так попала, что уж тут, как лохушка последняя. Кажется, для таких, как она, даже слово специальное было – попаданка. Вот реальная попаданка, надо ж было так встрять! Как там Лёха пел песню, что его отцу сильно нравилась? «Ты даже сдохнуть не сумел, как полагается»? Вот, это про Чумку. И она не видела для себя никакого способа вернуть всё обратно.

Правда, следовало подумать, причём хорошенько. А так ли ей надо обратно? Может, тут не хуже? Пока, во всяком случае, точно было не хуже, вон ей три какие комнатки отвалили, в замке-то! И стены не картонные. И вещей пять сундуков, у неё дома столько не было.

Дома, конечно, столько и не надо, дома она Лика-бестолковка, а вовсе не графиня какая-то там. Двух штук джинсов на год хватает, плюс цивильное платье и мини-юбка. И шорты на лето. И блузки-футболки-водолазки. А здесь если одно платье – это куча каких-то непонятных штук, вот на хрена они нужны? – то уж конечно, под них надо сто сундуков.

Вообще если уже смириться с тем, что вернуться нельзя, то жальче всего Лике было не одежды, и даже не ноута и крутых наушников, которые тоже остались дома. И не сети, и не удобной кровати. Жальче всего было – друзей. Их компашки, в которой её всегда поддерживали и были готовы выслушать, с какой бы нереальной хернёй она туда не свалилась. И смеялись они все примерно одному и тому же, и пацаны, и девчонки. И грустили о похожем. А здесь теперь что? Что-то не похоже, что у их покойной невесты тут было много друзей, если бы так – то о них бы сразу сказали. Уж конечно, если бы вместо неё, Чумки, пацанам в гараж подсунули бы какое-то чудище, которое выглядит так же, а говорит по-здешнему – те не повелись бы и не купились бы вот никак. А тут – эту их Анжелику толком-то и не знал никто, получается, кроме служанки да тётки. Тётку, кстати, утром покажут, и придётся знакомиться. То есть, тьфу, делать вид, что она тут в доску своя, только память потеряла.

Лика видела несколько фильмов, где герои теряют память, и вели они себя по-разному – кто-то тупил, кто-то вопил, кто-то молчал. Лучше, наверное, молчать, поистерить-то всегда успеется. Надо спросить, была ли покойница истеричкой. Почему-то Лике казалось, что была. Наверное, служанка расскажет – как там её зовут-то?

Служанка казалась нормальной девчонкой, и ещё Колдун – нормальным пацаном. В отличие от Принца и Пирата – те важные, и чуть что – кривятся, будто таракана проглотили или червяка какого. И что – вот за этого Принца придётся выйти замуж? С ним спать? А он ещё, поди, захочет с ходу размножаться – в исторических сериалах все герои были помешаны на наследниках. Хер ему, а не наследника. Они ж тут, зуб можно дать, про предохраняться и не слышали, ну да у Лики был некоторый запас презервативов в рюкзаке – на всякий случай, и пусть только попробует отказаться, скотина зазнавшаяся, быстро по яйцам получит.

Но вообще уже просто сил нет терпеть – как холодно. У Лики застучали зубы – одеяло тоненькое, а про отопление здесь, по ходу, тоже не слышали, во всяком случае, никаких батарей Лика в комнатах не разглядела. На её исторической родине жить без отопления можно было только, если ты мебель в сарае, и то первую зиму, а потом уже невозполнимые потери и хана. Если в доме нет отопления – то в нём есть печь, как у бабушки на даче. Или хотя бы обогреватель – как в гараже. Совсем в морозы, конечно, обогревателя не хватало, тогда завешивали дверь изнутри старым одеялом, чтобы не терять тепло, если бегать наружу, и спали в одежде, все под одним толстым спальником, и сбившись в кучу, чтоб тепло. А у этих придурков тут что?

Ли́ка встала и поняла, что не представляет, как добыть свет. Ну то есть вроде ей помнились свечки в большом канделябре, а канделябр на столе. В рюкзаке были и спички, и зажигалка, а сам рюкзак Ли́ка оставила возле кровати – широченной, как заправский траходром, и спать на ней в одиночку было капец как холодно. Хоть носки надеть, что ли.

Рюкзак не находился, как пропал куда. Очертания мебели не походили вот вообще ни на что из того, что Ли́ка помнила. Блин, куда её занесло-то опять?

И где служанка? Она же вроде сказала, что спит где-то тут, рядом.

– Жилетка... Одежка... нет, Жакетка! Жакетка, ты где? – тихонько позвала Ли́ка.

Ответа не было, и Ли́ка двинулась на поиски. Встала, сделала три шага, запуталась в длинной ночнушке, запнулась о какую-то деревянную херь и с грохотом завалилась на пол.

– Госпожа Анжелика! – испуганный голос Жакетки донесся откуда-то сбоку, потом вспыхнул свет. – Где вы?

Мягкий и неяркий, из магического шарика.

– Я здесь, – Ли́ка попыталась встать, но у неё не вышло.

Насмерть, блин, запуталась.

Жакетка подбежала и помогла ей подняться.

– С вами всё хорошо? Вы не ушиблись?

Нет, мать твою, не ушиблась. Так просто, полетать в темноте захотела. Но девчонка испугалась – смотрит, глаза вытаращила. Глаза у неё голубые, с красивыми длинными ресницами, и светлые кудряшки из-под чепчика торчат. То есть – сейчас нет никакого чепчика, а есть коса – толстая светлая коса. И такая же ночнушка, как у Ли́ки, тоже до пят, только без кружавчиков и вышитых цветочков. Холодно в такой ночнушке-то!

– Я замёрзла. Здесь вообще есть какое-нибудь отопление? – Ли́ка огляделась, увидела рюкзак сбоку от кровати.

Взяла его, нашла зажигалку и положила возле подушки.

– Что значит – отопление? – не поняла Жакетка.

– Ну чтоб в комнате тепло, а не вот этот дубак! Холодно тут, понимаешь? Или у вас у всех подкожный жир? Или вы храните себя при низких температурах, чтобы не испортиться? – Ли́ка гнала, она прекрасно понимала, что гонит, но ей было море по колено.

– Печи нет, и тёплый воздух из кухни сюда не попадает, кухня в другой башне. Есть камин, но его лучше протапливать с вечера, а я ещё не знала, что он понадобится. Завтра непременно сделаю. Можно было нагреть кирпич и положить в вашу постель, чтобы было теплее, но его взяла Мари для вашей тётушки госпожи Антуанетты.

– А он один во Вселенной? В смысле – больше во всём этом дурацком замке ни одного кирпича нет?

– Есть, я схожу, если надо. Только вам придётся подождать. Потому что идти далеко.

– А ещё одно одеяло есть? Ты сама-то как спишь?

– Я привыкла, – вздохнула Жакетка.

– У тебя есть одеяло?

– Да, – кивнула девчонка.

– А ещё что-нибудь, чем можно укрыться? Плед, покрывало, пальто какое-нибудь? Не знаю, что у вас тут, мать вашу, носят, когда холодно?

– Есть плащ, хороший тёплый плащ, сейчас покажу, – Жакетка с трудом подняла тяжёлую крышку сундука и занырнула в него практически вся.

И вынырнула с толстым свёртком. Развернула его с видом победительницы – это оказался кусок толстой ткани, точно, подходит, чтобы пальто из такой шить, а цвет в темноте не разглядишь. А внутри подкладка, мягкая. Сгодится.

– Клёво, – одобрила Лика. – Значит, так: берёшь своё одеяло, идёшь ко мне сюда. Складываешь своё одеяло сверху на моё, а вот этот плед – совсем сверху. И ложишься спать ко мне, всё теплее будет. Носки есть?

– Что? – опять не поняла девчонка.

– Ну, на ноги надеть, тёплое, чтобы не мёрзли

– Чулки? Да, сейчас я вам подам.

– Да мне не надо, у меня тёплые носки в рюкзаке, тебе самой! Ноги-то холодные, да?

Лика не поленилась проверить – ага, холодные, даром, что каменный пол застелен каким-то ковриком.

– Вы... вы правда не хотите, чтобы я мёрзла? – вытаращила глаза девчонка.

– А нафига ты мне замёрзшая-то, сама подумай, – Лика принялась рыться в рюкзаке. – Соплей ещё надываешь себе каких-нибудь, будешь потом их на кулак мотать.

Нашлась хорошая плотная длинная футболка, мягче этой дурацкой ночнушки. И носки, отличные термоноски. Эх, жаль весь комплект термухи, в гараже остался.

Лика переделалась, натянула носки, тем временем Жакетка тоже надела что-то на ноги.

– И правда, к вам под одеяло? – она всё ещё тормозила.

– Да залезай уже, что ли, да спать будем. Я так-то спать хочу, просто здесь капец как холодно, догоняешь? Или... – хрен их тут знает, а вдруг? – Если ты боишься, что я приставать буду, так нет, не буду. Я не по девушкам, мне в плане секса мужиков достаточно.

– Что? – снова вытаращилась Жакетка, уже забравшаяся было под одеяло.

– Не трахаюсь я с девками, ясно? Только с мужиками.

– Ах вот вы про что, – улыбнулась Жакетка. – И хорошо, прежняя госпожа Анжелика тоже на девушек не смотрела, хоть ей и предлагали.

– Кто предлагал-то? – Лика даже один глаз приоткрыла.

Врага нужно знать если не в лицо, то по имени.

– Подружка её, госпожа Жанна, она у её величества теперь служит, там во дворце и набралась всякого, наверное.

– А кто у нас её величество?

– Королева Екатерина, матушка его величества Карла.

– Ну, до королев мне, как до Китая пешком, так что ложись уже, вырубай свет и хватит. И не ори, если я к тебе привалюсь, я так привыкла, мы с друзьями под одним большим спальником спали, когда было холодно.

– Госпожа, вы же прошлую ночь спали у себя дома?

Лика задумалась. Прошлую ночь она спала хер знает где, в склепе она спала. Или в отключке валялась.

– Наверное, я вообще не спала, я была без сознания.

– А до того – дома?

– Да, – Лика не понимала.

– Тогда вы можете загадать, чтобы вам приснился жених. У вас нет такого поверья, что на новом месте во сне приходит тот, кому ты суждена?

– У нас никто никому не снится, – пробурчала Лика.

Хотя слышала, конечно, про все эти приговоры – «на новом месте, приснись, жених, невесте» и что-то ещё про пятницу. Только толку с них никакого. Хер с ней, с той пятницей, сейчас она наконец-то согрелась, перестала дрожать, привалилась к тёплому боку сопящей Жакетки и уснула.

И Лике кое-что приснилось, да такое, что впору сделать, как прабабушка в далёком детстве говорила, зажмуриться и трижды повторить – куда ночь, туда и сон. Потому что вокруг всё полыхало, в центре стояла она, Лика, и сдерживала полыхающее пламя, и рядом спина к

спине был кто-то ещё, судя по тому, как ругался – мужик, он тоже держал, и было больно рукам и очень страшно. От страха она и проснулась.

Было темно и тихо, никакого пламени и никакого мужика. Только Жакетка рядом под одеялом. И очень тепло. Лица высунула голову наружу – охладиться немного, и не заметила, как уснула снова.

13. Начинается утро

Жакетта проснулась от громкого стука в дверь.

– Жакетта, ты там? Жакетта, отзовись!

– Мать вашу три раза, кто там долбится? – пробормотала, просыпаясь, госпожа Анжелика.

Ох, спаси господи, у неё, у них же всех со вчера новая госпожа Анжелика! Совсем не такая, как прежняя.

И прошедшая ночь показала, что может быть даже – и получше прежней.

– Сейчас, госпожа Туанетта, подождите минуточку, – Жакетта сползла с кровати и пошла отпирать дверь.

Госпожа Туанетта упорная, она будет стучаться, пока ей не откроют. Придётся открывать.

– Что ты тут делаешь, Жакетта? А это ещё кто? – нахмурилась, входя, и заперла за собой дверь.

О, сейчас будет весело, Туанетта увидела госпожу Анжелику.

– Госпожа Антуанетта, у нас снова есть госпожа Анжелика! – радостно сообщила Жакетта. – Господин Орельен решил это дело, как и обещал.

Госпожа Туанетта пялилась на кровать, будто увидела привидение. Впрочем, так ведь оно и есть! Она сидела у постели умирающей и лучше всех знала, что с той случилось.

– Как так? – произнесла госпожа Туанетта дрожащим голосом и схватилась за стенку.

– Но похожа ведь, правда? – улыбнулась Жакетта и подмигнула из-за плеча Туанетты новой госпоже.

– Как две капли воды, – пробормотала Туанетта. – Девочка, ты кто?

– Как кто – Анжелика, – сообщила новая госпожа. – Это вы – моя обещанная тётка? Жакетка, она в курсе дела, да?

– Да, госпожа Анжелика, госпожа Туанетта всё знает.

– А чё она такая молодая? Она чья сестра – отца или матери?

– Госпожа Антуанетта – троюродная кузина вашего отца, – Жакетта вежливо поклонилась.

Ну да, Туанетте едва двадцать исполнилось, она не сказать, что юная, но молодая, и красивая очень, и замуж бы могла, и деток родить, но кто ж её возьмёт без приданого-то, если из ровни? А за неровню она сама не пойдёт, больно гордая.

– Ну привет, тётя, – кивнула госпожа Анжелика. – Как это – рада знакомству.

Она по-прежнему полулежала, закрывшись всей кучей одеял до подбородка. Только глаза зелёные и сверкали.

– Вы здоровы? – госпожа Туанетта приблизилась к кровати и попыталась потрогать госпожу Анжелику за руку, но та дёрнулась и спряталась под одеяло.

– Эй, не надо меня хватать! Ещё и холодными руками, хер вам в задницу!

Жакетта едва удержалась от смеха, увидев изумлённое лицо Туанетты. Ещё бы, та, наверное, отродясь таких слов-то и не слышала, тоже тот ещё цветочек. Ничего, новой госпоже хоть будет, с кого пример брать.

– Откуда вы взялись? – проговорила изумлённая Туанетта.

– Из дома, ясен пень, – донеслось из-под одеяла.

– Госпожа Анжелика, выбирайтесь, пожалуйста, – Жакетта решила попробовать позвать.

– Только пусть она холодными руками не хватается, – голова госпожи Анжелики осторожно высунулась наружу, блеснули глаза.

– Госпожа Анжелика, вообще пора вставать, я принесу вам сейчас воды умыться.

– Угу, только пусть эта... тётя выйдет. Она ж мне не камеристка!

– Она ваша ближайшая родственница. И знает нашу общую тайну. И поможет вам одеться и вести себя, как надо, чтобы никто ничего не понял.

– Ладно, – пробурчала госпожа Анжелика.

Выбралась из-под одеяла, и оказалось, что та сорочка, которую она надела ночью, была ярко-розового цвета, с какими-то непонятными пятнами. Ой, это не пятна, это котята! А короткие чулки, прикрывающие только щиколотку – зачем вообще такие? – тоже розовые, и тоже с пятнами, а потом Жакетта пригляделась – мамочки мои, это же черепа! Жакетта зажмурилась и перекрестилась. Ладно, у монахов на чётках, а тут у молодой благородной девицы на чулках!

Госпожа Антуанетта просто смотрела во все глаза. На короткие волосы, на стройную, стройнее прежней, фигуру, на тонкий кожаный браслет с непонятным украшением, обхвативший левое запястье.

– Тётя, может вы всё же того, выйдете?

– Благородная дама не должна оставаться одна, – покачала головой Туанетта.

Госпожа Анжелика думала-думала, потом выдала:

– И срать-срать тоже в компании? Не, я понимаю, когда в толчок все вместе ходят, а когда один ходит, а все вокруг пялятся, то это как-то не алё. Не в цирке, короче, ясно вам? А когда и толчка-то нет нормального, горшок приносят, как младенцу какому, или больному лежащему, то и вовсе.

Вообще, конечно, на взгляд Жакетты, госпожа развела какую-то глупость на пустом месте. Ну подумаешь, отлить с утра надо, и что теперь? А как его величество, там вообще сто слуг, наверное, в спальне толчется? Но пришлось выпроваживать Туанетту, нести ночную вазу и потом выставлять на чёрную лестницу. Заодно и самой по-быстрому, пока никто не видит, утро-то – оно у всех!

Далее госпожу следовало умыть. Госпожа запросила тёплой воды и достала из своей безразмерной сумы продолговатый футляр, а оттуда – щётку с длинной ручкой, тоже ярко-розового цвета, и ещё одну странную яркую штуку. Выдавила немного белого вещества и принялась просто чистить зубы! А потом мыла лицо, шею, уши, а под конец спросила:

– А голову вы тут чем моете? Ну там, шампунь, маски, ополаскиватели?

– Волосы? Есть отличное средство, принести?

– Давай, вода ещё осталась.

Дальше госпожа мыла голову, сбросив свою розовую сорочку. Средство было от королевского парфюмера, то есть – из проверенной лавки, в которую эти средства поставляли. Для прежней госпожи Анжелики годилось, а у той волос было в десять раз больше.

Пришлось подсушить ей волосы магией – потому что в спальне и вправду было холодно. А потом пришло время одеваться, и Жакетта предвидела с этим моментом некоторые сложности.

Но сначала она позвала Берту, местную служанку, чтобы вынесла всю воду, и горшок с лестницы – заодно. И подтвердила – да, госпожа Анжелика пришла в себя. Пусть носит слухи по замку, это полезно.

Госпожа Туанетта вошла, осмотрела ещё раз госпожу Анжелику, взгляд уперся в тот странный предмет, что госпожа носила на бёдрах и называла... как называла? О, трусы.

– Что это?

Трусы были белыми, в мелкий горошек, и с полосками кружева по краю. Очень мягкие. Наверное, приятные к телу.

– Трусы обыкновенные, в горошек, – сообщила госпожа. – Чтобы голой жопой всякую херню не собирать. У вас, говорят, ещё до таких не додумались.

– Извините, Анжелика, я вас не понимаю, – с видом оскорблённого достоинства сообщила Туанетта.

– Ещё бы, – вздохнула та. – Ладно, объясню. Я же того, на педагога училась. Так вот, есть такая фигня, называется – гигиена. То есть не фигня, а наука. Про то, что если ты сам чистый, то и болеешь меньше. Ну там, если голову не мыть, то вши заведутся.

Про вшей было понятно – старый господин граф если только слышал, что кто-то из слуг завшивел, то сам лично грел воду и велел бросать туда нечистого и нещадно мыть, и брить налысо, а одежду его сжигать, не глядя.

– Ну вот, а если письку не мыть, то туда тоже наберутся, не вши, или не только вши, но ещё и микроорганизмы – как вши, только маленькие и без микроскопа не разглядеть. И придёт письке хана. Так вот чтобы не пришла – мыть и носить чистые трусы. Мне моя писька дорога, поэтому так.

Это было уже как-то не очень понятно – какие там ещё организмы, которых не разглядеть без не пойми чего? Но с другой стороны, мало ли, какие у кого причуды?

– А вы без трусов ходите, чтобы вас было легче завалить в уголке, что ли? – продолжала бить по площадям госпожа. – Так снять – дело недолгое, а если сильно не терпится, то можно и не снимать.

Бедная госпожа Антуанетта только стояла, разевала рот, пыталась что-то сказать и закрывала его снова.

– А когда месячные, то что, тоже с голой жопой? – изрекла госпожа.

– Когда что? – не поняла Жакетта.

– Ну, когда кровь идет раз в месяц.

– А, регулы! Ну, тогда можно перевязаться полосой ткани, вроде мужских брэ.

– И что у вас тут вместо прокладок? – мрачно спросила госпожа. – У меня-то хорошо, если пара тампонов завалилась, и всё, я Кристе, дуре, последние полпачки запаса прокладок отдала, у неё, видите ли, денег не было, мать её так!

– Пропаренные тряпочки, – сообщила Жакетта. – Вот что, госпожа Анжелика, давайте одеваться, что ли. Да и завтракать уже пора.

– Ладно, – пробурчала госпожа.

– А что это у вас тут? – госпожа Туанетта боязливо придвинулась и потрогала рисунок, обхватывающий правую руку госпожи Анжелики чуть ниже плеча.

Чёрный и изящный, как витой браслет, из тонких линий. Похожий был на левой щиколотке. А на левой лопатке – дракончик, маленький. Кажется, ещё один рисунок есть под теми самыми трусами, Жакетта успела заметить вчера, пока госпожа мылась.

– Татушки, – пожалала плечами госпожа. – Ни для чего, просто чтоб красиво.

– Магические? – уточнила Жакетта.

– У нас нет магии, – пожалала плечами госпожа.

Как нет, так не бывает, подумала Жакетта. И поспешила принести госпоже свежую сорочку, чулки и туфли, пусть уже одевается.

14. Гардеробные трудности

Утро началось примерно как и дома – с воплей и грохота. Лика даже не сразу вспомнила, что она не дома, а хер пойми где вообще. Померла и вознеслась. Или наоборот, провалилась. Или есть же ещё, как там его, чистилище. Когда ты как не пришей кобыле хвост – ни туда, и ни сюда. Может, если она будет здесь вести себя хорошо, то ей предложат что-то ещё?

Дома Лика вела себя совсем нехорошо. Но по ходу, хорошо дома и хорошо здесь – это какие-то очень разные «хорошо». Дома было – учись, делай по дому, что надо, и проблем не создавай, а как выучишься – иди работай. А здесь вряд ли ей найдется, где работать. Да и учиться – тоже. Вообще, а учатся ли здесь у них? Надо спрашивать. Надо вообще всё-всё спрашивать, чтобы не встрывать по-глупому и не выставять себя круглой дурой.

Итак, вопли и грохот. Долбили в дверь, вопили снаружи. Чтобы Жакетта открывала. Лика повернула голову – ну да, Жакетта. Девчонка как будто помоложе неё, а может и такая же, шустрая и вроде не вредная. Ночью быстро сообразила, что надо, чтобы зубами от холода не стучать.

Жакетта скатилась с кровати и отодвинула нехреновый засов на двери. Вошла ещё одна девчонка, тёмненькая, в навороченном платье. Из ткани типа как для пальто, вроде плаща, которым они ночью укрывались, только какого-то рыжего цвета. Платье в пол, и внизу, по подолу юбки, какие-то полосочки и ленточки, чёрные, красные и ещё какие-то, и что-то нарисовано. Или пришито, хер разберёшь, надо ближе смотреть. Верх у платья тоже мудреный какой-то, и форма тела нечеловеческая – конус это называется, вспомнила Лика сведения из геометрии. На плечах как валики какие, ну вот на фигуа они там? Волосы собраны в дульку, а сверху – шапочка, такая же рыжая, как платье. Вот нах ли в доме в шапочке ходить?

И что, на неё, на Лику, сейчас такую же хреновину будут напяливать? Мамочки!

Но сначала пришлось выдержать битву за то, чтобы не устраивать спектакль из туалета. Блин, на толчок не сходишь в одиночестве, как они тут все ещё не свихнулись? Или как раз уже свихнулись, просто сами не поняли?

Чтобы помыться, ещё какая-то девчонка принесла согретой воды. Лика сбросила майку, в которой спала, почистила зубы, умылась, а потом Жакетка притащила ей какую-то фиговину, которой оказалось очень круто мыть голову – Лика прямо пальцами ощущала, как хорошо промылись волосы.

Тётка непонятная ещё спросила про татухи – что это, мол. У них, по ходу, так не делают. Лика набивала всю эту радость потихоньку весь прошлый год – зарабатывала тайком на рынке деньги и ходила к проверенному мастеру. Шифроваться от матери было сложно, она то и дело врывалась в Ликину комнату почём зря, и конечно же, Лика очень быстро спалилась с самой же первой – с драконом на лопатке. Ох, как мать на неё тогда орала, капец просто. Орала, стыдила, что нормальные люди так не делают, и всё ли в порядке у Лики с головой. Так-то Лика думала остановиться на том драконе, но тут её кто как под жопу подпнул. Так и появились две цепочки – на руке и на ноге, а потом ещё цветочек с листиками на копчике – розочка. Колечко в пупок Лика вставила уже перед последним новым годом, там всем в колледже отвалили вдруг денег, немного, но всё же хорошо – на рынке не стоять по морозу. Уши-то у неё давно уже были все в металле, и очень ей это нравилось. Хотела ещё верхнюю губу проколоть, чтобы типа родинки, и в бровь вставить маленькое колечко, но не свезло.

Тётка, конечно, на тётку не тянула никак. Девка молодая. Ну, может чуть постарше Лики, а может и такая же. Надо спросить, сколько ей лет. И не покрашенная совсем. У них тут вообще краситься-то умеют? Ладно, разберёмся.

Жакетта притаргала чистую ночнушку – ещё одну, сейчас-то её куда? Оказалось – под платье. Ну да, у тётки – как там её зовут? Госпожа Туанетта. Туалетта, блин её нафиг, если любит смотреть, как люди на толчок ходят. Так вот, у неё из подмышек рубаха торчит. Кстати! Дезодорант-то у Лики с собой, не надо забывать. В такой ночнушке весь день – это уже через час завоняешь.

Местные чулки Лике понравились тем, что в них однозначно тепло. Лучше б колготки, в комнате так-то прохладно, ну да не до хорошего. Колготки у Лики с собой были, и кажется, ещё есть запасная пара. Надо вообще проверить, что у неё с собой есть.

У чулок, правда, оказалась весьма сомнительная система крепления. Ленточками вокруг колена, да и всё. Даже не резиночки, и не пряжки никакие, пояса под те чулки тоже ещё не изобрели. Интересно, а что делать, если такой чулок спустился? Юбки до ушей задирают и поправлять?

Туфли напоминали кеды или балетки со шнурками. Так-то красивые, зелёнькие, зелёный цвет Лика любила.

– Госпожа Анжелика, какое платье вам подать?

– Зелёнькое есть? – первым делом спросила Лика.

– Конечно, – кивнула Жакетта и потащила что-то из сундука.

Точнее, не потащила, а откинула крышку, и держа её одной рукой, пыталась что-то найти внутри. Лика подскочила и придержала ту крышку – и тяжёлая же, холера!

Жакетка подняла голову и вытаращилась на Лику, будто на инопланетянина.

– Госпожа Анжелика, вы что?

– В смысле? – ну поняла Лика.

– Я справлюсь сама!

– Да ладно! Если эта херня упадёт тебе на башку, мало не покажется! Я держу, ты ищешь.

– Но...

– Это, вот, мне так удобно! – вспомнила Лика фразочку из какого-то фильма. – Хочу – и держу!

Туанетта-Туалетта стояла и тарасилась на всё происходящее, и ещё разевала рот – как рыба в аквариуме, мать её. А Жакетта нашла что-то в сундуке и вытащила на свет божий.

Ну да, зелёнькое, цвет красивый. Лика потрогала – точно, как пальто. Ну хорошо, не как пальто, потоньше, но как юбка на зиму – чтобы под неё ещё толстые шерстяные штаны надеть, или даже лыжные. Ещё девчонка достала какие-то левые предметы, наверное, расскажет, зачем они сдались.

А потом Лика всё прокляла. Потому что эта долбанная конструкция была дико неудобной.

Сначала на неё напялили нижнюю – так сказали – юбку и корсет, или как это у них называется. Самой фиг наденешь, там шнуровка сзади. И типа должен держать грудь, но хер там – бюстик в сто раз лучше держит, тут всё проваливается. И верхняя юбка не свалилась на пол только потому, что сначала вокруг жопы завязали толстую кишку с верёвочками. А если та кишка на пол провалится, то что, и юбка тоже? Туанетта ахала, Жакетта что-то подкалывала булабочками.

Дальше надели какую-то фень на шею, вокруг горла, и завязали под мышками. Типа чтобы закрыть грудь. Три раза закрыть, ага, как раз дырень-то посередине, всё видно. Ну то есть было бы видно, если бы та грудь в корсет внутрь не провалилась. Лика глянула на тётку – точно, у неё тоже так же, но, по ходу, корсет сидит плотнее, и сиськи чуток торчат наружу. Лика мрачно подумала, что знает кое-кого, кто бы с ходу подумал про такой костюм неприличное. Или у них это специально, чтобы мужиков завлекать? У нас раздеваются, а у них – одеваются, но трусов нет, а к сиськам – дырка? И все это типа знают? Я, мол, в броне, но на самом деле доступная? Охренеть система.

Верх от платья на Лику тоже не сел. Болтался, как на вешалке. Тоже Жакетта что-то куда-то прицепила, подколола, а потом ещё привязала рукава, они, оказывается, отдельно. С ума сойти можно от таких одежек, вот debil-то их придумал! А эти – носят, и ничего.

У пацанов-то вчера ничего не болталось, хотя тоже было много ленточек, шнурочков и всякой всячины. Мужская одежда удобнее? Или это просто ей так не повезло?

– А с волосами-то что делать? У нашей Анжелики очень уж красивые были, – влезла тётка.

Вот будет же теперь причитать на каждом шагу, дура. Лика повернулась к ней и взглянула – недобро так взглянула, она знала этот свой взгляд, его пацаны-то опасались, а девки так и вовсе.

– Теперь я – ваша Анжелика, ясно, тётя? Или мне тебя надо как-то по-другому звать? Ты предупреди, а то все лоханёмся, – сказала так весомо, чтобы подавить бунт в зародыше. – А про волосы – ну, какие есть. Мне так удобнее, если что. И после тяжелой болезни, я слышала, волосы обстригали – если человек валялся с температурой или ещё там с какой лихорадкой, я не помню, давно сдавала, в зимнюю сессию. Вот и скажешь, что обстригли и в камине сожгли. Ясно?

– Ясно, – пробормотала испуганная тётка.

– Волосы – не зубы, вырастут, – добавила Лика.

Хоть и не любила она длинные волосы – возни с ними больно уж много.

– Сейчас сеточкой накроем, – кажется, Жакетта хочет сгладить углы.

Ну, пусть.

Жакетта притащила из ещё одного сундука, поменьше, серебристую сеточку, и попросила Лику сесть в деревянное кресло с подлокотниками. И что-то там сделала ей с волосами. А сверху надела что-то типа шапки.

– Вот, готово. Госпожа Туанетта, смотрите.

Лика встала, сделала несколько шагов по полу, а потом с неё свалилась на пол та кишка из-под юбки, и сама юбка съехала на бёдра, потому что развязалась та верёвочка, которой она была на поясе завязана. Из-под корсета выбился кусок нижней ночнушки. Жакетта горестно вздохнула.

Гардероб прежней Анжелики был нынешней Анжелике безбожно велик.

На размер, а то и на два. А трикотажа и свободного кроя они тут не знают, со своим допотопным устройством.

Вашу ж мать. Ну и ладно, все эти одежки трындец какие неудобные. Лика и дома не любила платьев, юбок-блузок и вот этого всего, ей бы джинсы и футболку, зимой – ещё с водолазкой, а летом и вовсе шорты. А эти все вообще не понять, как ходят!

Вот Жакетка ходит попроще. У неё рубаха, юбка и верх к юбке, и даже никаких рукавов не привязано. И застёжка, то есть, тьфу, шнуровка спереди. И она сама быстро оделась. Может, Лике тоже так можно?

– Эй, а вы чего вообще хотели-то с меня в этой дурацкой одежке? – спросила Лика.

– Я вам не эй, а Антуанетта, – тётка обиделась.

– Ничего личного, – покачала головой Лика, – я к вам обеим обращаюсь. – Вы что со мной сейчас сделать-то хотели?

– Так монсеньор же ждёт, – пробурчала тётка.

– Кто такой монсеньор, кого он ждёт и зачем? – нахмурилась Анжелика.

– Монсеньор ваш жених ждет вас на завтрак, – сообщила тётка. – Уже неприлично так долго собираться, и что мы ему скажем?

Ох ты ж господи. Жених, мать его.

– А я-то думала, там что-то серьёзное, – отмахнулась Лика. – Если что, он в курсе той истории, которую сам и сочинил. И если у него хоть немного мозгов в голове есть, то должен

понимать – если кто-то ещё вчера был при смерти, то ожидать, что этот кто-то явится с ним завтракать, только пришедши в себя – немного глупо. Так-то я знаю, о чём говорю, мне в прошлом году аппендицит вырезали под общим наркозом. Так мне капец как не сразу встать решили.

– Госпожа Анжелика дело говорит! – вступилась Жакетта. – Я сейчас сбегаю и скажу монсеньору Анри, что вы пришли в себя, но ещё слабы, и выйти сегодня из комнат не сможете.

Она убежала, а Лика попробовала снять с себя оставшуюся одежду, и у неё ожидаемо ни хрена не вышло.

– Помогла бы, что ли, раз тётка, а то стоишь, как неродная, – глянула она на Антуанетту. – В смысле – помоги мне, пожалуйста, снять с себя эту дрянь.

– Это, между прочим, отличного качества одежда, – заметила тётка.

Но подошла и стала расшнуровывать.

– Да и бог с ней, просто мне она не подходит.

– Мы пригласим портного и швей, и всё под вас подгонят. Под вашу фигуру.

– Что ты всё «вы» да «вы», как училка! Мы ж типа родня? Или нет? Или ты ту Анжелику терпеть не могла?

– Воспитанные люди обращаются друг к другу на «вы», – сообщила Антуанетта чуть ли не со слезами в голосе.

– Ты чего? Ревешь удумала? – не поняла Лика.

Антуанетта только взглянула на неё – и вправду заревела. Чего это она?

– Моя племянница – да какой бы она не была, но видит бог, она знала, как разговаривать с приличными людьми! И умела себя вести! А с вами же на люди нельзя показаться! Вы же только рот раскроете, и всё, никто не поверит, что вы – Анжелика де Безье! Вы же дворовая девка, которую привели в замок смеха ради!

– Чего это я дворовая девка? – не поняла Лика. – Я обычная, это вы тут все выпендренные какие-то! Я так-то не просила меня сюда тащить, подохла – и с концами, и ладно! И если от меня что-то надо, так, может, имеет смысл мне про это рассказать? И вообще объяснить, что к чему? Вот скажи, тебе на хрена та Анжелика вообще сдалась? Ну нет её, и ладно, а тебе-то что?

– Я не хочу возвращаться в дом моего дяди по матери, – выдохнула Антуанетта.

– Не пустят, что ли?

– Лучше бы не пустили, – всхлипнула она.

– А своего у тебя нет? Родителей там? Бабок-дедок?

– Я сирота, нет у меня родителей.

– И за тебя, получается, и сказать-то некому?

– Некому.

– Кроме той Анжелики?

– Ну да. И она не очень-то радовалась, но не могла же девица прибыть к будущему мужу совсем одна, без компаньонки!

– А когда бы она вышла замуж, то тебя куда?

– Здесь бы осталась, смотрела бы за их детьми, когда бы они родились.

Охреть перспектива, эту Туанетту даже жаль стало. Тем более она теперь Лике вроде младшей, если Лика графиня, а она – её компаньонка. По-хорошему, за неё впрягаться надо, если что. И за Жакетку. Ладно, разберёмся.

Вернулась Жакетта и сообщила с порога:

– Господин Анри сказал, что вы правы, госпожа Анжелика. Он велел подать завтрак к вам в гостиную, и сейчас придёт. Сказал, что вам с ним надо поговорить. И сказал одеть вас. Во что получится. Кажется, я знаю, во что, было одно платье, которое стало той, прежней госпоже Анжелике тесновато.

В гостиной тем временем кто-то ходил и что-то делал, а Жакетта полезла в очередной сундук за очередной одежкой.

15. Договор

Анри пробудился с мыслью – что вчера они вытворили какую-то ерунду. О нет, на самом деле не всё плохо – обошли ведь неведомого отравителя, а он чем дальше, тем больше подозревал, что его невесту – его первую невесту – именно что отравили. Но вторая на вид была ничуть не хуже. Когда молчит. Правда, немного костлявая, но они же не знают, в каких условиях она там жила, кем была, и вообще ничего о ней не знают! Нужно это исправить. И нужно понять, что сделать, чтобы Анжелика новая стала похожа на Анжелику покойную. Не то, чтобы кто-то успел слишком хорошо рассмотреть прежнюю за те три дня, что она успела побыть его невестой, но есть какие-то общие моменты, которые сразу же бросаются в глаза.

Та двигалась очень неспешно и плавно, а эту всё время как будто дёргают. У той были прекрасные длинные волосы, а у этой – почему-то короткие, почти как у мальчика. Та была приятно округлая, а эту надо бы откормить, как с ней такой в постель-то ложиться, кости одни. Глаза вроде бы такие же – изумрудные, прозрачные. Красивые. Губы изящные.

Но когда она открывает рот – хоть из комнаты вон беги. Так даже уличные девки в Парижи не разговаривают с возчиками и солдатами. Так не говорят даже солдаты! Кто её вообще учил и чему?

Но ничего, она научится держать себя, как надо. Жить захочет – научится.

Анри поднялся с постели, кликнул слугу Флорестана, чтобы подал умыться и всё прочее, что подобает человеку с утра, и потом ещё побрил. И помог одеться.

По заведённой уже более года назад привычке утренние сборы Анри происходили разом с докладом управляющего господина Греви. Он явился и сегодня – благообразен и сед, голос его звучал бодро и радостно, и даже обычные какие-то слова о привезённых вчера в замок припасах казались исполненными надежды.

Оказывается, слухи о том, что госпожа Анжелика пришла в себя, уже поползли по замку. Пришлось Анри сказать – да, он на это надеялся, и очень рад, что в болезни произошёл счастливый перелом, и слава господе за это. Завтрак? Да, подавать. На сколько персон? На четыре, наверное. Ох нет, ещё же госпожа Антуанетта. На пять.

По дороге до малой столовой его подкараулила Жакетта и официальным тоном известила, что госпожа Анжелика пришла в себя, но пока ещё очень слаба и не может надолго встать с постели. Но она шлёт самый сердечный привет своему наречённому. Тьфу ты, точно. Если человек был при смерти, ему надо лежать. И лекаря бы показать, для легенды, но, может, не сегодня?

– А ещё, господин Анри, – прошептала Жакетта, – госпожу не во что одеть. Все вещи той госпожи Анжелики ей безбожно велики.

Вот не было печали, ещё о каких-то там бабских тряпках думать!

– Одень её ну хоть во что-нибудь, – раздражённо проговорил он. – И распорядись по дороге, чтобы завтрак подали к ней в гостиную. Мы придём, все трое, мне нужно с ней поговорить.

Друзья ждали в малой столовой – подтянутый и бодрый Жан-Филипп, сонный Орельен. Наверное, ему следовало бы пойти в покои невесты самому, но почему-то идти туда в одиночку не хотелось совсем. Эта новая Анжелика – вовсе не та дева, с которой хочется остаться наедине.

– Доброе утро, господа, – кивнул он. – Предлагаю перенести наш завтрак в комнаты госпожи де Безье. Её состояние пока не позволяет присоединиться к нам здесь, но она готова принять нас у себя.

– Да-да, верно, – закивал Орельен. – Дева после тяжёлой болезни. И ещё память потеряла, я верно понимаю?

– Верно, верно, – кивнул Анри со вздохом.

А Жан-Филипп только ухмылялся.

– Чего смеёшься? – Орельен пихнул его в бок, тот в ответ молниеносно вывернул Орельену руку.

На мгновение, и сразу же отпустил.

– Хочу и смеюсь, – добавил, потягиваясь. – Извините, но вся эта затея, если знать подробности, выглядит необыкновенно смешно. Превратить дворовую девку в дочь графа де Безье – такого я ещё не слышал.

– Мы не знаем, кем она была у себя дома, и кто её родители, – возразил Орельен. – Её одежда – из хорошей ткани, у неё с собой целая сума каких-то невероятных артефактов, а ты сразу – дворовая девка.

– Я вижу, как она держится и разговаривает, – скривился Жан-Филипп.

– Нагло она держится, дворовые девки не такие. Она как будто вообще ничего не боится. Смотрит в лицо, всех называет на «ты». В ней есть какая-то загадка.

Про загадки Анри с другом не был согласен совершенно, не видел он в свалившейся на них особе никаких загадок. Но вдруг к нему пришла мысль столь странная, что он не смог её тут же не озвучить.

– А её не станут искать? Оттуда, откуда она родом? Увидят, что девка-то не та, и возьмутся искать ту?

– Она сказала, что у них нет магии и магов, – покачал головой Орельен.

– Так не бывает, – не согласился Жан-Филипп. – Маги есть везде.

– А ты много других миров-то видел? – вскинулся Орельен. – И знаешь, как там всё устроено? Я вот – ни одного. И не отказался бы если не посмотреть самому, то хотя бы послушать рассказы.

– Ладно, идём. Если я что-то понимаю, рассказов у нас будет даже больше, чем нам бы хотелось, – завершил Анри.

Эти двое могут бесконечно подкусывать друг друга, даже если к тому нет совсем никакого повода. Если не знать, что они все трое – друзья, то можно подумать, будто наоборот. Но они очень гармонично дополняют один другого – Жан-Филипп из них самый сильный, самый искусный воин и отменный боевой маг, Орельен просто самый могущественный маг, а на долю Анри всегда выпадали дипломатия и связи, особенно при дворе. То есть – командование. Если Орельена не держать в руках, его унесёт в неведомые магические дали, а Жан-Филипп ленив и сам станет что-то решать только в бою, когда вокруг всё завывает и полыхает. Тут-то он ни за что не растеряется и не дрогнет, за что его Анри и уважал. И ещё за спасённую жизнь – год назад Жан-Филипп вытащил его из схватки тяжелораненым и если бы не портал Орельена, позволивший быстро доставить его к умелому целителю – не ходить бы уже Анри по этой земле. Поэтому и Жан-Филипп, и Орельен могли делать в его доме, что душе их угодно, и говорить тоже что заблагорассудится.

Опять же, в нехорошей истории с дрянным дядюшкой Жилем и прекрасной Анжеликой они ему тоже очень помогли. И Анри надеялся, что не оставят и сейчас, и вместе они эту историю как-то вывезут.

В гостиной покоев, отведённых им для невесты, уже накрыли завтрак на пятерых. Госпожа Антуанетта с достоинством приветствовала мужчин, невеста же смотрела затравленно. Дождалась, пока они войдут, а слуги удалятся, и произнесла:

– Привет! А я-то надеялась, что мне вчера всё это примерещилось, и я проснусь или дома, или на честном том свете. А вот хрен.

Орельен захихикал.

– Приветствую тебя, о грозная невеста нашего друга! – и ещё подошёл, поклонился и ручку поцеловал.

Анжелика смотрела то на него, то на свои пальцы.

– Тебе твой друг сейчас по башке даст. Я не верю, что он вздумал меня ревновать, наверное, он просто обиделся, что сам не додумался так сделать.

Жан-Филипп сзади уже не просто хихикал, а мерзко ржал.

– С добрым утром, госпожа Анжелика, – произнёс Анри. – С вашего позволения, мы присоединимся к завтраку.

Отставил стул и сел. Остальные сделали то же самое. И все стали ждать, пока она соизволит начать есть, но она смотрела на них – и молчала. А потом выдала:

– Чего уставились? Кусок в горло не лезет? Так я не виновата!

– Анжелика, вы, как хозяйка, должны приступить к завтраку первой, – недовольно пояснила Антуанетта.

– О, спасибо, подсказали, – кивнула та. – А то бы мы все тут с голоду подошли вокруг полного стола. Приятного аппетита.

Взяла нож и стала намазывать им масло на здоровенный кусок хлеба. А потом ещё сверху намазала мёдом, предназначенным для лепёшек. И стала это есть. Неужели это съедобно? Да как этот кусок вообще к ней в рот-то помещается?

Но так или иначе, начало было положено.

Дальше она ела и задавала тьму каких-то странных вопросов.

– А почему у вилки два зуба? Должно быть три или четыре. А сметана к лепёшкам у вас есть? Если есть молоко, должна быть и сметана. А кофе или чай будет?

– Что есть кофе или чай? – нахмурился Анри.

– То, что пьют с утра, – пояснила Анжелика, облизывая мёд с пальцев. – И нечего на меня пялиться, сама знаю, что неприлично, но очень уж вкусный мёд, а салфеток у вас на столе нет!

Кажется, это было в адрес Жана-Филиппа, который и вправду смотрел на неё, как заворожённый. Сморгнул, потряс головой.

– Дурная девка, – и уставился в свою тарелку.

– Чего сразу дурная-то, – вскинулась та.

Разнял Орельен.

– Анжелика, расскажите про кофе или чай. Что это?

– Чай – это такие листья, их заваривают. Они растут в Китае. Это до хрена как далеко. У вас тут есть Китай?

– Я не знаю такого города, – покачал головой Орельен.

– Это не город, это страна. Там должна быть великая стена.

– Это нужно спрашивать у путешественников. А кофе?

– Это такие зёрна, их нужно молоть и потом варить, но не кипятить. И получается такая жидкость коричневого цвета, с особым запахом. Его очень хорошо пить для того, чтобы потом не засыпать, и можно без всего, а можно с молоком или сливками.

– Арро что ли? – догадался Орельен. – Это невероятно дорогая штука, её привозят с юга или востока, и пьёт только её величество королева-мать, она как раз с юга, из-за гор, из Феррайи. Анри, тебе же ничего не стоит побаловать невесту заморской редкостью?

– Я узнаю, можно ли купить арро в Паризии, – сдержанно отозвался Анри.

Если это поможет приручить дикую девицу – нужно попробовать найти.

– Нет, я молоко тоже люблю, но кофе с утра – это ж святое! У нас даже в колледже стоял кофейный автомат.

– Стоял – что? – удивился Орельен.

– Такой ящик, который сам тебе варит кофе, – пояснила Анжелика.

– А говоришь, магии нет!

– Так это не магия, кто говорит-то про магию, это технология!

– Техно – что?

Так, похоже, нужно брать дело в свои руки, иначе оно грозит затянуться до бесконечности.

– Госпожа Анжелика, извольте послушать меня. Всё уже случилось, вы уже среди нас, и вам предстоит выполнить всё, что должна была выполнить моя... предыдущая, – он чуть было не сказал «настоящая», – невеста.

– Жду – не дождусь, когда вы уже огласите весь список, – пробурчала она. – Чего надо-то?

– Надо, чтобы вы полностью соответствовали покойной Анжелике де Безье. Вы похожи на неё внешне, и нужно, чтобы вы вели себя похожим образом.

– Извините – подвиньтесь, но я – другой человек. Кто вообще знал эту вашу Анжелику близко и хорошо?

– Она приехала сюда с Антуанеттой, Жакеттой и Мари.

– Кто это – Мари?

– Моя камеристка, – тихо пояснила Антуанетта.

– Она не в курсе дела? – быстро спросила Анжелика.

– Нет, – покачала головой Антуанетта. – Но она знает вас не так давно – мы с ней приехали в Безье, в замок вашего отца, а теперь брата, незадолго до нашего отъезда сюда. В дороге Анжелика почти не выходила из экипажа и не общалась со слугами.

– И ладно. Кто ещё? – продолжала спрашивать Анжелика. – Брат?

– Если что, ему всегда можно сказать, что вы изменились после болезни.

– Ага, похудела и мне отрезали волосы, – хмыкнула девица. – И ещё я потеряла память и ни хрена не помню, и вообще с трудом всех узнаю.

– Да, так и скажем. Скажем, что сейчас как раз пытались напомнить вам о том, что было, и кто мы есть, – кивнул Анри. – Что вы умеете делать? Чему вас учили дома?

– Да всему, – сообщила она. – Домашние дела все – стирка там, уборка, готовка. Разве что шить не умею, у меня и по трудам трояки всегда были. Читала много, ну, пока читала. В музычке училась, не закончила. Если у вас есть пианино или гитара – могу сыграть. Петь умею. Мы один раз даже в знакомой студии песню записали. В колледже училась типа на учителя начальных классов. Но проучилась чуть за половину первого курса. Ну и всё. Чего ещё-то?

Честно сказать, Анри не понял и половины из того, что она сказала. Кроме музыки и пения, и хозяйства.

– Хозяйство – это хорошо, вам потом заниматься делами этого замка. Музыка – тоже. Жан-Филипп, взглянешь потом, что там с музыкой, хорошо?

– А с какого перепугу он? – нахмурилась ужасная девица.

– Анжелика, он из нас троих лучший музыкант, – улыбнулся Орельен. – Мы все немного умеем, но Жан-Филипп учился у настоящего менестреля, тот жил у него в замке целую зиму, представляешь?

Нет, девица не представляла.

– Продолжим. Вы умеете ездить верхом?

– Нет, а что, надо?

– Моя племянница плохо держалась в седле, – сообщила Антуанетта.

Так и было, да. И это хорошо.

– Но если научите, я попробую. Ни разу в жизни не видела живого коня! Только один раз в цирке, в детстве.

– А на чём вы ездите-то? – удивился Орельен.

– На машинах и автобусах. Я умею на велике и на мотике, ну, на велосипеде и на мотоцикле.

– И самое главное, – перебил Анри очередную порцию их любопытства. – Этикет и манеры. Сейчас вы производите впечатление человека, которого не учили ничему хорошему и

который совсем не знает, как ведут себя воспитанные люди. Это необходимо изменить в самый короткий срок.

– Очевидно, воспитанные люди, все, как один, занимаются тем, что трупы в соседние миры выбрасывают, – заметила девица.

Очень ядовито заметила.

– Я не наблюдаю в вас никакой благодарности за то, что мы, фактически, спасли вам жизнь, – заметил Анри. – Благодарность – это тоже одна из добродетелей воспитанного человека.

– А я ещё не поняла, хорошо это или плохо, и нужно мне вообще или нет, ясно вам? – сверкнула она глазами. – Срать в ведро, воду таскать, отопления нет и ночью дубак, а туда же – воспитанные люди. Воспитанные люди не пялятся, когда другие срут, ясно вам? Так что пока я того, воздержусь от благодарности.

– Дело ваше, но извольте говорить, как приличный человек, а не как уличная девка. Иначе нам не поверит никто.

– Скажете, что после болезни я кукухой поехала.

– Да как бы не решили, что в неё бес вселился, – заметил, прищурившись, Жан-Филипп. – С такими-то речами.

Смотрит в корень, как всегда.

– Жан-Филипп прав, госпожа Анжелика. Сомнения в вашем поведении могут привлечь к вам неуместное внимание служителей церкви. Поэтому давайте договариваться. Я принимаю вас, как свою невесту Анжелику де Безье. Я даю вам время на то, чтобы свыкнуться с этой мыслью и научиться вести себя, как подобает девице из благородной семьи.

– Даёте время – это сколько? – зелёные глаза смотрели очень жёстко, и прямо на него.

– Свадьба была назначена через две недели. И первая из них подходит к концу.

– Мало, – выпалила она.

– Месяц, считая от сегодняшнего дня.

– Мало! Три. Хотя бы три.

Она что, торгуется?

– Месяц, госпожа Анжелика!

– Сам потом будешь локти кусать, когда окажется, что я не знаю чего-то важного, а ты со мной опозоришься, – и добавила издевательски: – Монсеньор.

– Через два месяца свадьба сестры его величества, принцессы Маргариты. Я должен быть там с женой!

– А будешь с невестой, что мешает?

– Свадьба должна упрочить моё положение, ваше, к слову, тоже.

– А ты, я смотрю, готов жениться хоть завтра, да? – усмехнулась она как-то очень уж нехорошо. – Вот представь – завтра. Я, такая, говорю тебе «да» при всём честном народе. Кстати, свадебное платье-то есть? Я оказываюсь идти замуж без свадебного платья, и фаты на три метра, и белого коня.

– Анжелика... моя племянница собиралась выходить замуж в том же платье, в котором была в день помолвки. После смерти отца она была в трауре.

– Вот! Ещё и траур! На тебя посмотрят, как на кусок идиота. Скажут, не утерпел, на родича покойного наплевал. А что там, сколько ждут-то нормальные люди?

– По-разному, бывает, что и не ждут, – сказала Антуанетта.

Вообще она права, конечно.

– Хорошо, месяц с половиной, – пусть так.

Может быть, за тот месяц с половиной она покажется ему более привлекательной?

– Ок. И про платье и всю положенную хрень к нему не забудь. Но ты, или кто там, кому ты скажешь, отвечает на все мои вопросы. Я жила совсем в другом всём, сечёшь, нет? В другом

доме, ела другую еду, носила не эту вот маскарадную херомантию, как у вас тут, а нормальную удобную одежду. И в жизни у нас всё было устроено по-другому.

– Это разумное требование, госпожа Анжелика.

– И ещё. А если откажусь – ну, быть этой вашей девицей де Безье?

– Вы умрёте, – быстро ответил Анри.

Вот ещё, слушать капризы этой невыносимой девицы!

Она помолчала немного, потом кивнула.

– Ок. Уговорились. Я буду Анжеликой де Безье. Давай руку.

– Что? – не понял Анри.

– Руку, говорю, давай.

Он протянул ей правую руку, она взяла своей правой рукой. Ладонь у неё была твёрдая, ничуть не похожая на мягкую ладошку той, покойной Анжелики.

– И что теперь?

– А теперь разбей, – кивнула Орельену.

Тот не понял сначала, но потом догадался, что она от него хочет, и разбил их рукопожатие ребром ладони.

– Что за странный обычай? – поднял брови Анри.

– Так делают, когда что-то важное, – сообщила Анжелика.

– Хорошо. Но вы должны следить за собой, начиная с сегодняшнего дня. Я допускаю, что вы могли быть привычны к более вольному содержанию, чем то приличествует благородной девице. Но теперь ни у кого даже и мысли не должно возникнуть, что вы способны не только вольно разговаривать, но и утратить целомудрие.

– Что? – вытаращилась на него девица, а потом как захохочет!

– Что с вами? – холодно поинтересовался Анри.

– А губу закатать не хочешь? Целомудрие! Три раза! Да я давно не девственница.

Что? Анри подозревал, что вытаращенными глазами и разинутым ртом похож на выброшенную на берег рыбу, но не мог поделаться с собой решительно ничего. Она – не – девственница?

– Ты б сразу сказал, что девственница нужна, я б домой пошла, – сообщила она.

Тьфу. Антуанетта смотрит в полном ужасе, Жан-Филипп и Орельен хохочут не хуже этой девки, служанка Жакетта стоит у двери и прикрыла глаза.

– Благодарю вас за компанию, госпожа Анжелика, – и это было всё, на что он оказался способен, прежде чем встать и выбежать наружу.

И даже не посмотрел, пошли за ним друзья или нет.

16. Ревизия

Ли́ка дождалась, пока гости отвалят восвояси, а слуги уберут со стола. Осталась Жакетта, но её никуда не денешь, и Антуанетта, она тут, похоже, тоже вместо мебели. Жакетта попросила позвать сюда портного – потому что надо подгонять весь гардероб. Да, именно что весь – у них тут всё должно сидеть, как влитое, не болтаться и не сваливаться. То есть разожраться можно, затянут, а похудеть – нельзя.

Пока девчонка ходила, тётка – ну, хочет быть тёткой – пусть будет, но тётка из неё никакая – начала выполнять задание сверху, то есть рассказывать об этикете. И это оказалась та ещё херня!

Одной никуда не ходить. Наедине с мужчинами не оставаться. Ли́ка уточнила – даже с женихом? Антуанетта подумала и сказала – с женихом можно. Голоса ни на кого не повышать. Смотреть в пол. Позволять мужчинам за тобой ухаживать – открывать двери, подавать предметы. Если что-то упало – не бросаться поднимать самой, а попросить. Не говорить пошлостей, двусмысленностей и грубостей. И никаких пошлых и грубых шуток. Научиться вышивать – это полезно. И вообще, благородная дама может вышивать, читать книги, слагать стихи, заниматься музыкой, танцевать, прогуливаться в компании камеристки или компаньонки, выезжать верхом с охраной. И ко всем на «вы», иначе трындец, всё, уже не благородная дама.

– Вы умеете танцевать? – спросила Антуанетта.

– А кто не умеет-то? – не поняла Ли́ка. – Только в этом вот, – она показала на серое платье, в которое её обрядила Жакетта, – не потанцуешь особо, в нём ни согнуться и ни повернуться.

А потом оказалось, что танцы тут тоже какие-то замороченные – под их дурные наряды. Нужно учить специальные шаги, знать их последовательности и уметь импровизировать. Короче, как с аккордами в музыке. Ну не должно же быть сильно сложнее? Понятное дело, надо пробовать.

Но сначала хорошо бы одеться. Это серенькое платье её покойная предшественница носила лет в четырнадцать, оно было не только меньше по размеру, но и короче. Антуанетта сказала, что это недопустимо – открывать ноги благородной даме.

– А верхом как? Там хочешь – не хочешь, а ноги все увидят? – не поняла Ли́ка.

– А верхом в дамском седле, – сообщила Антуанетта.

Вашу ж мать! Ли́ка видела в кино такое диво – тётка сидит на коне боком, как будто на диван с краю присела, а ноги свешивает на одну сторону того коня. Акробатика, так её растак!

Короче, ещё родная педуха раем покажется по сравнению со всем вот этим.

Пришла Жакетта, привела мужика. Мужик был толст и плешив, и одет в штаны и куртку коричневого цвета, прямо как известный смайлик.

– Госпожа Анжелика потеряла память после болезни, она вас не помнит, скорее всего, – говорила девчонка мужику. – Госпожа Анжелика, я представляю вам господина Кристофа, это замковый портной. У него под началом несколько швей, три белошвейки и даже одна кружевница. И сапожник.

– Очень приятно, – кивнула Ли́ка, надо же когда-то начинать быть воспитанной. – Наверное, мы с вами встречались, но я вас не помню.

– Госпожа похудела после болезни, на ней не держится даже корсет. Юбки спадают, – продолжала живописать масштабы бедствия Жакетта. – Ей не в чем выйти из комнаты, кроме вот этого старого платья, которое ей коротко.

– Сейчас посмотрим, – кивнул господин Кристоф. – Госпожа, извольте встать. Где корсет и прочее?

Жакетта метнулась в спальню и принесла корсет и прочие части зелёного платья. Дальше повторилась процедура одевания, только мужик тщательно осматривал каждый предмет, то и дело прикладывал к ней мерную ленту вроде обычного портновского сантиметра и отмечал себе в маленькой книжечке какие-то цифры – наверное, чтобы подогнать по ней.

– И нам бы ещё каких-нибудь сеточек на голову, понимаете – волосы пришлось остричь, – вздохнула Жакетта.

– О да, их необходимо прикрыть. Госпожа, что это? – бедняга переменился в лице и смотрел на неё, как на таракана в тарелке супа. – Что с вашими ушами?

– Это... того... лекарство, – выдала Лика первое, что пришло ей на ум.

И подумала, что для непривычных здешних мужиков её усаженные металлическими шипами уши могут выглядеть устрашающе.

– Магический амулет, его принёс господин Орельен, и он ускорил выздоровление. Снимать пока нельзя, – подхватила Жакетта.

Умница девка! Надо ей того, премию дать. За сообразительность. Кто там ей вообще деньги-то платит?

Портной изумился, покачал головой, но вроде поверил. А потом он велел Жакетте брать зелёное платье со всеми запчастями и нести в мастерскую, и он сейчас пришлёт своих девушек, чтобы забрали остальное – что там ещё нужно подгонять.

Хорошо, что после завтрака оставили воду – это нужно запить, иначе капец.

– Скажи, сюда могут зайти посторонние? – спросила Лика у вернувшейся Жакетты.

Та выдала пришедшим с ней трем девушкам ворох каких-то одежек и сказала, что она сейчас принесёт ещё одно платье, и этого пока хватит. А с парадным платьем разберёмся чуть позже, раз свадьба будет не через неделю, то успеется.

– Не должны, – уверенно сказала Жакетта. – В любом случае, сначала постучатся и спросят, можно ли войти, – подхватила платье и ушла.

Это вот прямо круто. Тогда можно пока одеться по-людски и сделать важное дело – выяснить, что у неё вообще есть с собой. Конечно, её рюкзак был всегда собран и помогал перекаптоваться несколько дней вне дома, но кто ж знал-то, что получится не три дня, а долбанная бесконечность!

Антуанетта вытаращилась на Лику, будто та решила пойти гулять по замку в голом виде. А Лика всего-то сняла ночнушку, отыскала лифчик, футболку и джинсы, и носки, и разве что обувь местная хороша, мягкие, вроде мокасин, из стопудово натуральной кожи, и даже, мать их, с вышивкой! И кстати, толпой-то надышали в комнатах так, что хотелось окна открыть на проветривание. Ладно, Жакетка придёт, обмозгуем вместе, подумала Лика. А пока взять рюкзак и сесть с ним прямо на ковёр.

– Что это? – тёткодевка показывала на футболку.

Что-что, принт красивый, девушка на мотоцикле. На фоне полной луны. И даже никаких надписей. Лика достала из рюкзака ещё одну футболку – та была белоснежная, и написано на ней было «пошли все на х*» – очень красивыми буквами, зелёными с чёрной обводкой. Однажды Лика надела её в колледже – ой, смеху-то было! Преподы начинали читать, что написано, а потом – кто краснел, кто бледнел, кто орал, чтоб сняла немедленно, кто хотел её отчислить прямо тут на месте, одна только Олечка Михална рассмеялась и сказала – сними, пока Ирина Изосимовна не увидела, то есть – самый злобный завуч. Та бы точно на месте отчислила. Зато идти в такой футболке по городу в компании пацанов было самое оно. Лика аккуратно сложила её и отложила в сторону. Вдруг и здесь пригодится?

Ещё из одежды в рюкзаке нашлись трусы – трое, правильно, на Лике одни, и одни вечерашние в карман запрятаны, их бы постирать. Носки – тоже три пары. Плюс ещё термо, они где-то в постели лежат, вместе со спальней футболкой. Ещё одна водолазка – вчерашняя была зелёная, а эта чёрная. Ещё один лифчик, тоже чёрный. Подружки говорили, что ей норм и без

лифчика, у неё грудь небольшая, ну да, ни два, ни полтора. Зато парни, кто ценил такое вот сложение, говорили – очень красиво. А с кружевным лифчиком ещё красивее.

Шарфы на шею, два. Один самый простой, китайский, но по нему круто змеились осьминожки шупальца, как бы фиолетовый осьминог в синем море, прикольно. Лица ни разу в жизни не видела своими глазами ни моря, ни осьминога, но думала, что это круто. Есть осьминогов, впрочем, пробовала – лучше в масле, чем в рассоле. Может, у них тут где море есть? Она бы хоть посмотрела, какое оно.

Второй шарф был подарен ей на прошлый день рождения её парнем – ну, когда у неё ещё был парень. Он был черно-зелёный, с абстрактным рисунком, но невероятно тонкий и очень приятный на ощупь. Лица его больше в потайном кармане рюкзака носила, чем на шее, очень берегла. Не потому, что сильно любила Егора, а потому, что хрен где купишь второй такой. И денег таких стоя на рынке хрен заработаешь.

Дальше были излишества. Колготки – сорок ден, на всякий случай. Две пары. Холодно – надеть под джинсы, тепло – снять. В отдельном пакетике – совсем красота, комплектик, ажурные черные чулки, стринги и прозрачная сорочка на тоненьких бретелях. На всякий случай. Случай в жизни Лики до того момента встретился ровно один, но если бы вдруг ещё раз, то обидно же – он есть, она есть, а красота – дома на самом дне в ящике шкафа?

Косметичка с украшениями – с самыми любимыми. Каффы в виде драконов, серебряная цепь хитрого плетения, колечки в виде черепа и ещё дракона, накладка на целый палец в виде когтя. И несколько браслетов – серебряные, простые, с подвесками и без. Ещё серьги и ещё колечки. Ну, будет, что надеть.

Косметичка с косметикой – вот тоже пригодится, как чуяла Лица. И карандаши, и тушь, и тени, и тональник, и кисточки всякие, и помада. Жаль только, тушь кончится быстрее всего, где ж тут новую-то брать?

Крем для рук, крем для тела, крем для лица. Гигиеническая помада. Дезодорант. Мокрые салфетки, почти полная пачка, ватные палочки, ватные диски – десяток. Лейкопластырь. Пацаны ржали, что у Лики не рюкзак, а сумочка Гермионы, в ней есть всё. Так ведь не от хорошей жизни, пожимала плечами Лица, никогда ж не знаешь, когда из дома сваливать придётся, вот всё и должно быть под рукой.

Тампоны – ух ты, целых пять. И две прокладки. И пяток ежедневок. И то хлеб. Презервативы, шесть штук нормальных и один от узи остался неиспользованным, после медосмотра зимой. По ходу, пригодятся. Станок, к нему два лезвия – хорошо. Зубную щётку она уже успела припрятать после умывания, а вообще тоже надо понять – чистят ли они тут зубы. И если да, то чем.

Завершал парад гигиены и косметики флакончик Ликиных любимых духов – терпких и сладких. Подружка Жанка подрабатывала в «Эйвоне» и притаскивала всякие штуки с хорошей скидкой, как для своих, вот Лице и свезло купить на рыночную зарплатку.

Дальше лежали тетрадки – две штуки толстых, каждая – на половину предметов из расписания. Хорошие, с красивыми разделителями, из плотной бумаги. И обычная тетрадь, чтобы вырывать из неё листы – ну там проверочные какие писать или записки. Пенал с ручками и карандашами – тоже пригодится.

Телефон, который вчера как-то оживил Колдун с красивым именем Орельен, так и показывал полный заряд. Но никакой сети не видел. Ладно, прорвёмся. В конце концов, там внутри есть музыка, много Ликиной любимой музыки, всякой разной. И мелкие наушники-вкладыши тоже есть. Лица сделала селфи и несколько кадров комнаты, а потом ещё и удивлённой Туанетты.

– Что это за артефакт? – снова вытаращилась та.

– Это не артефакт, это телефон, – снисходительно пояснила Лица.

Надо, короче, заводить какую-нибудь сумку на пояс, что ли. Карманы у них если и есть, то мало где, а ходить без ничего она не привыкла.

О, есть же складной нож! Очень крутой, между прочим, там много полезного. И вилка в том числе. А ещё – штопор, шило и три разных лезвия. В отдельном кармане – спички и зажигалка, правильно она ночью вспомнила, что они есть, надо будет положить поближе.

Колода карт – Лика любила играть в «дурака». Играли и в гараже, и в колледже на переменах. А ещё она умела раскладывать на желание – сбудется или нет. Правда, сбывалось предсказанное далеко не всегда, но сам процесс был увлекательным.

Маленькая косметичка с нитками, иголками и ножницами – вдруг колготки порвутся или что ещё. Пригодится.

Пилка для ногтей, расчёска, массажка, три резинки.

Ещё часы на руке, но они стоят. Надо попросить Колдуна, может, он сможет и их оживить? А пока снять.

Лика осмотрела вытащенные и разложенные вокруг на ковре вещи. Набор попаданки, чтоб их. Как в игре какой – вот у вас набор вещей, и вам надо с ним выжить. И каждый-каждый предмет для чего-то нужен, надо только догадаться, для чего.

За спиной громко ахнули – пришла Жакетта.

– Госпожа Анжелика, зелёное платье будет готово завтра к утру, – сообщила она. А потом потупилась и добавила: – Ой-ёй, как интересно, сколько сокровищ!

– Будешь хорошо себя вести – всё покажу и расскажу, – сообщила Лика.

С братом Ваней этот педагогический приём работал не стопроцентно, но часто. Значит, есть шанс, что сработает и тут. А пока нужно всё спрятать обратно.

17. Легко ли быть благородной дамой

Два дня до воскресенья показались Лике ещё хуже, чем дома. Нет, не так, чтобы вот уж совсем, дома, ясное дело, временами бывало похлеще. И нет, здесь никто не пил, не орал, не скандалил и не бил посуду, здесь отрывались по-другому.

Туанетта ломилась в дверь на рассвете – мол, пора вставать. Умываться, одеваться, завтракать и заниматься делом. Делом в случае Лики являлось спешное изучение местного образа жизни и местных же манер, мать их так.

Из комнат не выпускали. Выздоровливающая после тяжёлой болезни девица не имеет сил для того, чтобы бегать по замку. Мало было Туанетты, так долбанутый монсеньор прямо снаружи у дверей охрану поставил. Типа – чтобы никто посторонний не проник. Или чтобы Лика к хренам не сбежала?

Куда бежать-то? Это надо представлять, что и как тут устроено, чтобы бежать. Поэтому нет, пока никуда не бежим. Вообще, конечно, халява – кормят-поят, и очень вкусно, тут Лика спорить не станет. Одевают, да ещё и весьма богато по местным меркам. Другое дело, что в такой одежке только на косплейный фестиваль – там, где ты на сцену вышел, и стоишь, и не двигаешься, потому что не можешь. И ещё потому, что если пойдёшь, или не дай бог побежишь – и всё нафиг развалится. Или сама развалишься. Лика однажды была на таком – подружка Сонька позвала пойти с ней, ей одной ссыкотно было, вот Лика и посмотрела тогда на разные костюмы. Нуачо – теперь она тоже смогла бы выйти там на сцену. Аниме «Невеста принца», только у нас и только один раз, мать их за ногу.

Корсет переделали, теперь он плотно облегал корпус Лики и держал всё, что положено. Эффектно, но ни хрена не удобно. Потому что ни согнуться, ни разогнуться, только в бёдрах, даже туфли сам не снимешь, и с полу ничего не поднять. Сразу ясно, на кой ляд нужна такая орава слуг. Не только потому, что здешние тётки и девки ни фига сами не умеют, но ещё и потому, что попробуй сделать что-нибудь путное в таком убойном прикиде!

А потом ещё принесли мерить вертюгаль. Матюгаль, чтоб его. Подъюбник, обычный подъюбник, какие под свадебные платья надевают, чтобы получилось не платье, а торт. Подружка Дашка в таком замуж выходила. Только тот был из сеточки и лёгкий, а эта хрень несусветная – из плотной ткани, и в ткань уже вшиты кольца, и они не сгибаются, их только в кучу рукой собирать. Сидеть – только на самом краешке стула, потому что иначе эта холера задирается, и чуть шевельнёшься – а твои ноги и как бы не жопа уже на всеобщем обозрении. А на толчок как – первым делом подумала Лика, как только Жакетка надела на неё эту штуку. Как-как, аккуратно, блин их нахрен. Тебе дают горшок, ты его съешь под все юбки и там держишь. Ну, или тебе держат, так тоже бывает. Можно, конечно, задрать юбки до ушей, и вертюгаль этот тоже, и задерётся, но всё равно капец как неудобно. Да с обычным унитазом и то было бы проще – он хотя бы стоит насмерть и не шатается. Ты об него не запнёшься, и не снесёшь случайно юбкой, потому что у тебя вдруг другие габариты. Это приятель Колька рассказывал – он всю жизнь на мотоцикле и отцовской «тойоте» гонял, а как-то ему дали попробовать порулить большегрузный камаз, что ли. И вот там тоже были совсем не те габариты.

И ходила теперь Лика по комнатам, как тот камаз. Повернуться куда – это ж надо смотреть, нет ли там чего на полу, или какой мебели рядом по курсу. Маленькие табуретки она сносила юбками на «раз». За подлокотники кресел цеплялась – юбкой, а потом ещё вышивкой на юбке. Однажды они зацепились рукавами с Туанеттой – у обеих было много пришитых бусин и чешуек типа пайеток, вот и зацепились. Жакетка еле расцепила, чтобы ничего ни у кого не порвать.

Вообще ходить и не видеть, что там у тебя под ногами – нехреновый квест, кто не верит, пусть сам попробует. И когда ты делаешь шаг вперёд – а там у тебя юбка. Твоя собственная юбка, которую можно носить длиной только в пол и никак иначе. Но, блин, если не практиковаться, то навернёшься на первой же лестнице, вот Лика и практиковалась. Если Туанетта в таких юбках всю дорогу пересекает, и ничего, не падает, то и Лика сможет, не совсем же дурная, как бы они все не говорили?

Они все, гады такие, конечно же говорят, что Лика дурная. Потому что смотрит в глаза, говорит, как привыкла и ведёт себя тоже как привыкла. Не, нуачо – она ж всю жизнь жила вовсе не с ними! А дома начни кто-нибудь так выражаться – и его в лучшем случае оборжут, а то и побьют. Здесь же всё наоборот – побить могут, если выразишься недостаточно заковыристо, и это вовсе не про мат. Ну то есть, ей, по ходу, повезло, её не бьют, а вот была бы та помершая Анжелика служанкой – то стопудово били бы. Пока она не разобралась бы, кто есть кто.

Но оказалось просто – со всеми на «вы», со слугами можно на «ты». Принц на «ты» с Пиратом и Колдуном, но они типа друзья. При нём ещё человек пятнадцать ходит, но эти типа близкие, они и его на «ты» называют, а остальные – обычные. Вообще надо будет сесть и нарисовать, кто есть кто, и кто кем кому приходится, а то ни хрена ж не понятно.

И отлично работает правило – говорить навороченно. Тут Лике в помощь неожиданно оказались прочитанные книги – ведь когда-то она читала книги, и очень любила исторические романы. Там же, блин, всё зашибись – на холме древний замок стоит, красивые платишки у героини, и самый финиш – прекрасный принц в женихи, по уши в тебя влюблённый. Только ни фига в тех книгах не писали ни про ночной горшок, ни про мыться из ковшика – всегда, а не только когда воду отключили, ни про то, как в этом задрищенском замке холодно, ни про тяжеленные неудобные платья, в которых ни согнуться, ни повернуться, ни про то, в конце концов, что принцу-жениху вообще нет до тебя никакого дела, он только знай себе распоряжается. Всё врут в романах, короче. И в сериалах тоже.

За два дня нужно было научиться ходить в платье, смотреть в пол, есть-пить в этом платье – тоже то ещё дело, и выучить слова молитвы – потому что в воскресенье в замок приедет какой-то знаменитый поп, или кто у них тут, и это повод возблагодарить бога за чудесное спасение. Когда Лика заикнулась, что обманывать бога нехорошо и от болезни её никто не спасал, Принц поджал губы и сообщил, что лично её спас Орельен, и спас от кончины неминуемой. А ему это удалось исключительно потому, что было это всё богу угодно. Вот за это и благодарить.

Далее ещё была прочитана лекция о том, как себя вести в церкви. Ясен перец – молчать, смотреть в пол, рот открывать только разом со всеми. Креститься. Крестились они тоже не как люди, а как хз кто. Лика никогда не была верующей, в детстве её не крестили, мать её заделалась православной разве что в последний год, когда Лике она уже была ни разу не авторитет. Поэтому креститься Лика не умела никак, ну, пришлось научиться.

А возражения на тему – что она ничего не помнит – были отмечены сходу на том туманном основании, что, мол, хочешь, чтобы сочли еретичкой, или того хуже, ведьмой? Нет? Значит, крестись и молись. И благодари господу за чудесное спасение.

Про ведьм рассказала Жакетка, на ночь глядя, и это были самые те страшные истории. У них тут, оказывается, вообще капец с этим делом, потому что ведьм реально жгут, а доказать, что ты не ведьма – хер там, если заподозрили, то не отмоешься. Благородным, опять же, проще. А как же маги – спросила Лика, и получила исчерпывающий ответ – как-то так. Если маги знатны и могущественны – то никто им ничего не сделает. А если ты дочь прачки – молчи и не отсвечивай.

Ну, про молчать и не отсвечивать Лика понимала хорошо. Даже очень хорошо. Поэтому молчала, учила молитву на каком-то древнем языке типа латыни и ходила из угла в угол в комнате. Потом заставила Жакетку и Мари, служанку Туанетты, поставить кресла и сундуки не по стенам, а как попало, и стала ходить кругами, восьмерками и другими загогулинами. Под

конец – с закрытыми глазами. Но что в том толку-то, если она на первой же ступеньке запнётся и завалится?

Тогда Туанетта усмехнулась и велела принести плоский ящик, типа степа из спортзала, и заставила Лику подниматься на него и спускаться. Хорошо, че, всё одно почти тренировка. И ещё надо поднимать эту херову юбку правильно, чтобы ног видно не было. Вот не было печалито, думала Лика, а осталась бы она дома – и её бы уже похоронили, лежала бы тихонько, и никто бы её не трогал. Ни мать, ни отчим, ни братец, ни преподы, ни Туанетта с Принцем. Черви, может быть, жрали бы, но это не точно, март на дворе, они ещё там в земле не разморозились.

В субботу под вечер к Лике привели лекаря. Типа, чтоб убедиться, что она здорова и ей можно в церковь. Лика к тому моменту уже так истосковалась в трёх своих комнатах, что была готова хоть в церковь, хоть на крышу залезть, хоть куда. Но пришлось сесть в кресло и отвечать на дурацкие вопросы – что болит, что не болит, давать руки, позволять заглядывать в глаза. Впрочем, дома бы её уже на сто раз просветили – и рентгеном, и узи, и как бы не томографом, так что посмотреть в глаза смешно одетому мужику – фигня делов.

А мужик и вправду был смешнучий – у него был живот. Такой всем животам живот, и на животе – застёжка куртки на красивые металлические пуговицы. Живот появился в дверях даже раньше носа. Жакетка потом объяснила, что некоторые мужики себе пришивают на куртку внутри специальные накладки, чтоб живот вперёд торчал, как у гуся. Типа для солидности. Ну не дураки ли?

А после привели ещё одного, Орельен привёл. Говорил с ним уважительно, называл – господин Арно, а шёпотом пояснил, что это – придворный маг его величества. Маг был высок и статен, на вид лет тридцати с небольшим, одет выпендренно – в куртку и штаны из алого бархата, и всё расшито так, что колом стоит. Сколько же времени надо, чтоб такое сшить, думала про себя Лика, пока господин Арно трогал её кисти рук, голову – виски и лоб, касался кончиками пальцев разных частей её тела – к счастью, поверх одежды, иначе бы она не дала, заорала бы и спряталась.

Маг долго на неё смотрел, а потом сказал Принцу, Орельену и Туанетте:

– Госпожа де Безье здорова. Не могу сказать, что послужило причиной беспамьяства, но вижу в ней что-то необычное. Что-то, чего не могу объяснить. Орельен, ты понимаешь, о чём я?

– Не вполне, – покачал головой Колдун.

Тогда господин Арно стал показывать, и Лика ничегошеньки не поняла из тех объяснений. Орельен кивал, а потом пообещал наблюдать – вдруг что не так?

Господина Арно проводили, а потом Орельен вернулся.

– Уф, пронесло. Мы прошли проверку, госпожа Анжелика.

Называть её на «ты» при Туанетте ему было неловко – сам сказал. Правда, оказалось, что господин Арно его самого называет именно так потому, что является его учителем. Да, Орельен ещё совсем пацан, и его магическая сила ещё пробудилась не до конца, ему ещё предстоит несколько лет учёбы.

Лика вздохнула – лучше бы она на пары ходила, чем вот так.

– А девушки как учатся?

– Девушки – дома. Их не берут в университет.

– Ну и дураки, что не берут, – выдохнула Лика.

Спать они с Жакеткой наловчились, как в первую ночь. На вторую девчонка протопила камин, но стало только хуже – тепло, да, но дышать нечем. И они сошлись на том, что никакого камина, а спать будут в одной кровати под всеми одеялами. И нормально.

А завтра встанем и посмотрим на местное общество.

18. Сполохи огня

Утром в воскресенье Туанетта явилась раньше обычного – собираться на службу. Нормального завтрака не было – мол, всё потом, пока кусок хлеба да чашка молока. В четыре руки они с Жакеткой надели на Лику зелёное платье со всеми его периферийными устройствами – шапками там, сетками на волосы и поясом-цепочкой, к концу которого была прицеплена какая-то тяжёлая штука. Жакетка достала ящичек, из него бусы типа жемчужных, в несколько рядов, и застегнула у Лики на шее.

– Вытащи всю эту ересь, – брезгливо кивнула на что-то Туанетта.

Жакетка поняла и принялась вытаскивать из ушей Ликины сокровища.

– Зачем? – взвывла Лика, но Жакетка молча сделала своё черное дело, а потом сказала:

– Сейчас наденем вам другие, красивые. Все должны видеть, что красивее и богаче вас – никого нет. А эти я положу в шкатулку, потом наденете обратно, если захотите.

И вправду надела ей какие-то серёжки с зелёными камушками, кажется – в золоте. И потом ещё – пяток колец на пальцы обеих рук.

Интересно, это каждый день так ходить, или только в церковь по воскресеньям?

Про краситься Лика даже и не заикалась. Пока. Дальше видно будет.

А дальше её вывели наконец-то из комнат, и куда-то повели. Ещё в какой-то комнате ждал Принц – поклонился, подал руку, они пошли первыми, а сзади – Орельен, Пират, Туанетта и ещё какие-то люди, которых Лика до того не видела и понятия не имела, кто они.

Шли долго – через комнаты, коридоры, залы и лестницы. Пришли к высоким двустворчатым дверям, которые оказались входом в домовую церковь.

Внутри оказалось, что нужно пройти и сесть на лавку возле Принца. Это Лику устраивало. Видимо, им оставили свободные места, или у Принца там были всегда под него зарезервированные. В общем, они сели прямо перед главной частью, как там она называется, алтарь, кажется, и возле прохода. Лика украдкой разглядывала, что там вокруг – куча людей, куча золота на стенах и потолке, и вообще на хрена в эту одежду и в этот ремонт вбухали столько денег?

Пока она думала – началась служба. Языка она не понимала, смысл от неё ускользал, но она честно делала то же самое, что и остальные.

И так целый час, если не больше! Свихнуться можно. Жить неверующей куда проще!

Когда всё закончилось, Принц подвёл её к служителю, который был там главный. Лике ещё вчера сказали, что нужно поклониться и поцеловать руку, она так и сделала.

– Я рад, дочь моя, что ты снова с нами в добром здравии, – проговорил служитель красивым голосом. – Господь сохранил тебя для всех нас, несмотря на все нечестивые помыслы твоего отца, который преступил границу между дозволенным и недозволенным в своих бесовских магических делах, за что и поплатился.

Чего? Ей рассказывали, что графа де Безье отравили. Какого хрена? Что за чёрный пиар, после смерти-то? Или помер, так уже и можно говорить, что вздумается?

Лика подняла голову и заорала бы, наверное, то есть спросила, как думала – какого хрена, как вас там, не запомнила, не смейте говорить гадости про моего отца! Ну то есть, она подумала, что это более нормально, чем просто так стоять и слушать, как поливают покойника, с которым она как бы связана, и который, по легенде, ей ничего плохого не сделал. Уже открыла рот, вдохнула, но тут что-то мягко обхватило её сзади за шею... и Лика поняла, что не может издать ни звука.

Могла только дышать! И разевать рот! И слушать, как восторженно рядом Принц.

– Ваше преосвященство, откуда у вас эти сведения о покойном графе? – спросил Принц, да как сурово-то спросил!

– Меня известили, – сказало преосвященство своим красивым голосом.

– Вас обманули, – холодно произнёс Принц. – Граф был добрым католиком, и все его действия, в том числе магические, были направлены во славу господню, – он вежливо поклонился. – Я же, как человек, который вскоре женится на его дочери, заинтересован в сохранении его доброго имени.

– Может быть, и так, ваше высочество, всё это надлежит хорошенько выяснить, – пошло на попятный преосвященство.

– На мой взгляд, выяснять тут нечего, и всё это происки врагов – моих и графа. Но если вас ввели в заблуждение, то наверное, вам ничего не помешает принять моё приглашение на обед?

– Конечно, ваше высочество, буду счастлив принять его, – преосвященство всё поняло правильно.

Далее они так же пафосно пошли на обед. Может, он и был вкусный, но Лике кусок в горло не лез. Она так до сих пор и не могла издать ни звука, только вдыхать и выдыхать. К счастью, к ней никто не обращался. Кроме Принца – тот спрашивал, что ей положить, и она вынуждена была кивать головой, соглашаясь, или мотать, отказываясь. А другие гости за столом болтали, ржали над чем-то, и вообще чувствовали себя нормальными людьми!

Наконец-то вся эта бодяга завершилась, и Принц повёл Лику в её комнаты. Когда за ними всеми – его дружки тоже притащились, ясное дело – закрылась дверь, Пират сделал в её сторону какой-то жест.

Лица вдохнула...

– Так это был ты? Это ты не дал мне сказать ни слова?!

– Конечно. Вот ещё – слушать дурную девку и позориться, – усмехнулся тот.

– Урод, скотина безмозглая, собачий хер!

Лица подскочила к нему и со всей злости попыталась достать кулаком до его наглой ухмыляющейся рожи, но вдруг на кончиках её пальцев появились огоньки. Ярость подняла её и повела, и на охреневшего Пирата обрушились языки пламени.

Его руки взлетели в ответном жесте, завизжала Антуанетта, Жакетта вцепилась Лике в юбку и попыталась оттащить, Принц схватил её за руки, а Орельен встал между ней и Пиратом.

А потом ноги Лики подкосились, она сползла куда-то вниз, и сознание кануло в темноту.

19. Бессилие госпожи Анжелики

Жакетта испугалась, когда госпожа Анжелика набросилась на господина Жана-Филиппа. Ибо он человек ничуть не мягкий и терпением не отличается, он и так с трудом выносит её словечки и шутки, вот и решил отомстить, не иначе. Или не отомстить, но поберечься – потому что госпожа Анжелика уже была готова вступить за господина графа, да в своей обычной манере. За намерение Жакетта была ей благодарна, потому что нечего вытирать ноги о его честное имя, вот в самом деле нечего! Господин граф был замечательным человеком, и очень хорошо, что его высочество Анри тоже не побоялся схватиться с епископом. Впрочем, про епископа Фуши знала вся округа – он любит сладко есть и мягко спать, и ещё любит деньги и сплетни. Уж конечно, он согласится придержать язык ради вкусного обеда и милости его высочества!

А госпожа Анжелика оказалась очень доброй. Ни за что не подумаешь, если видеть только тяжёлый взгляд, а слышать только грубые слова! Но она понимает, что люди вокруг неё не всемогущи, и если ей пришлось немного подождать утром тёплой воды, или вечером лечь в не нагретую постель – то никого за это не накажут. Когда Жакетта удивилась её терпению, та только плечами пожала – это же ерунда, и вообще, раз ей дали новую жизнь, то она не будет уподобляться кое-кому из своей прежней жизни.

В общем, Жакетта одобряла намерение госпожи Анжелики, но совсем не одобряла методы исполнения. И господин Жан-Филипп тоже хорош – мог бы там на ухо ей что-нибудь сказать, или ещё как поступить. Но Жакетта отлично понимала, что у него нет причин жалеть госпожу Анжелику или быть к ней снисходительным. Поэтому он поступил, как на поле боя – быстро и действенно. И весьма унижительно для госпожи Анжелики.

Но госпожа Анжелика так переживала, что в ней проснулась магическая сила! Вот ничего же себе, кто ж мог подумать! И главное – сходная с силой господина графа, тот тоже был очень мощным стихийником. Значит, никто ничего не заподозрит. Вот если бы она вдруг оказалась целительницей, или там мысли внушать научилась – было бы странно, а так – очень даже хорошо.

Сейчас госпожа Анжелика лежала без чувств в кресле, напротив неё в таком же кресле тяжело дышал бледный господин Жан-Филипп. Господин Орельен держал госпожу Анжелику за руки и, видимо, пытался привести в себя, но она не отзывалась.

– Жакетта, помогай. Ты же чуток целитель, верно? – вдруг спросил её господин Орельен.

Он такой милый и такой весёлый, сделать что-нибудь для него или по его просьбе – всегда приятно.

– Да, но совсем слабый, – кивнула Жакетта. – Хорошо, я попробую.

Она опустила на ковёр возле кресла, в котором лежала госпожа Анжелика, и, повинувшись жесту господина Орельена, положила свои пальцы поверх его ладоней.

– Зови её. Она не рассчитала своих сил, не могла просто, у неё мощнейший откат.

Жакетта попробовала выпустить на госпожу Анжелику немного своей целительной силы – пусть уже приходит в себя.

– Может, она добила себя сама, и мы на этом закончим происходящий фарс? – слабо усмехнулся господин Жан-Филипп.

– Да ты что, она же необыкновенная! Она знает тысячу вещей, которых у нас нет и быть не может, и умеет много всего, и видела совсем не то, что мы, это же кладёшь уникальных знаний, – не согласился Орельен. – И мне очень любопытно, сможет ли она быть такой, как все мы, или нет.

Всё же, он замечательный. Не то, что этот... кот дикий. Ну а что – глаза, как у дворового кота, только зрачки обычные. Жакетта не удержалась от злого взгляда.

– А ты, дева, никак жалеешь свалившуюся на тебя госпожу? – сощурился кот.

– Она добрая и хорошая. А что говорит, как привыкла – мы же не знаем, может, там, откуда она родом, все так говорят? Или вот ещё – представьте, что вы оказались в таком месте, где всё другое, и говорят иначе, и одеваются. И на каждое ваше слово – или насмешки, или бьют. Каково бы вам было?

– Не думаешь же ты, что я дам себя побить, – усмехнулся невыносимый человек.

– Из-за угла пристрелят, – прошептала госпожа Анжелика. – Пока он будет понтоваться и нарываться – посмотрят, послушают, а потом отойдут на три шага и в спину из-за угла пристрелят.

– Уф, – выдохнул господин Орельен. – Анжелика, ты нас напугала.

– Я сама себя знаешь, как напугала? – она открыла глаза. – Ты помог мне, да? Снова помог? Ты и Жакетта? Спасибо вам, – и госпожа Анжелика пожалала их сложенные на её кистях руки, очень слабо, но пожалала. – А я снова чуть не подохла, да?

– Вы – маг, госпожа Анжелика, – сообщила Жакетта. – И это очень хорошо.

– Да ну, брось, какой я на хрен маг, – не поверила госпожа.

– Стихийный, – сказал господин Орельен. – И судя по всплеску – очень мощный стихийный маг. Но ты права, если не обуздать свою силу, то помереть – как нечего делать. Будешь учиться.

– У кого учиться-то?

– Я приглашу господина Арно, он посмотрит тебя и скажет, с чего начинать. Завтра приглашу. То есть, попробую. Но я думаю, что ему будет очень интересно, что за сила пробудилась в дочери графа Безье, – подмигнул, улыбнулся госпоже.

Та хоть задышала нормально, бедненькая.

– Но я чувствую, что до завтра помру, я ж ни рукой пошевелить не могу, ни ногой!

– Всё правильно, слабость. У меня сила пробудилась в восемь лет, какая там у ребёнка сила, я и то два дня пластом лежал, пока его высочество Франциск, отец Анри, не привез в замок нормального мага. Жакетта, а у тебя во сколько?

– А сколько я себя помню, – улыбнулась Жакетта.

– Ничего себе! Жан-Филипп, а ты?

– А меня отец взял на охоту, и по дороге мы попали в засаду. Он с нашими людьми отбил, но был момент, когда его чуть не убили, Вот тут-то оно и случилось. Кто уцелел – у тех здорово пятки сверкали. А было мне лет шесть, что ли.

– А чего он валяется и еле шепчет? – спросила тихо госпожа Анжелика.

– Так он отразил твой удар, – рассмеялся господин Орельен. – Ты его неслабо приложила.

– Будет пакостить – ещё приложу, – прошептала госпожа Анжелика и закрыла глаза.

– Неумехам лучше даже и не мечтать о таком, – усмехнулся господин Жан-Филипп. – Сегодня вам, сударыня, помог Орельен, он заблокировал ваш отражённый мной выпад. Иначе вы получили бы всё это обратно, ясно вам?

– Он прав, Анжелика, – согласился Орельен. – Когда тебе станет получше, будем тренироваться, помотришь, как это работает. Тебе нужно будет откалибровать и нападение, и защиту.

– Зачем ей нападение и защита? Её Анри защитит, точнее, его люди, – не соглашался господин Жан-Филипп.

– Затем, дурья башка, что сожжёт тут всё к дьяволу, – усмехнулся господин Орельен. – Будто сам не понимаешь.

– Да я ни разу не видел ни одну даму благородных кровей, которая была бы приличным стихийником, – отмахнулся господин Жан-Филипп. – Это же не языком болтать, это ж нужно держать себя в руках!

– Посмотрим.

– Господин граф Безье был мощным стихийником, – осмелилась вставить слово Жакетта.

– Ну да, нам в этом плане очень повезло, – согласился Орельен. – Ладно, тебя бы накормить немного, да и его, – он кивнул в сторону господина Жана-Филиппа – тоже. Госпожа Антуанетта, не могли бы вы распорядиться? Я думаю, бульон, нежирное мясо, немного хлеба и согреть вина.

Стоявшая всё это время у окна госпожа Антуанетта кивнула и вышла – распорядиться. Вернулась она с господином Анри, которого куда-то к кому-то отзывали.

– Ну как? Она пришла в себя? – спросил он первым делом.

– Да, Анри, только очень слаба, – сообщил господин Орельен. – Но это как раз нормально, так и должно быть. Представляешь, как тебе повезло – маг-стихийник!

– Только бы не спалила меня между делом, – вздохнул господин Анри и наклонился к госпоже Анжелике. – Как вы себя чувствуете?

– Как человек, который опять чуть не помер, – вздохнула она.

– Вам придётся учиться обращаться со своим даром.

– Я со всем удовольствием, – ответила госпожа Анжелика.

Собралась с силами и села в кресле нормально.

– Ты можешь? Тебе хватает сил? – встревожился господин Орельен.

– Я постараюсь, – кивнула она.

– Столько силы, да на что-нибудь бы доброе, – пробормотал господин Жан-Филипп и тоже сел.

– Зато представь, как хорошо, что госпожа Анжелика – с нами, а не с нашими врагами, – произнёс господин Анри.

– Это точно, – восторженно кивнул господин Орельен.

Тут принесли еды, и господин Анри взялся сам помочь госпоже Анжелике поесть. Держал чашку с бульоном, тарелочку, потом бокал с вином.

– Скажите, а чёрного хлеба у вас нет? – вдруг спросила госпожа Анжелика.

– Что за причуда? – нахмурился господин Анри. – У нас пекут отличный хлеб, а чёрный едят крестьяне, и то только те, чьи дела совсем плохи.

– Да? Ну ладно, – не стала спорить госпожа Анжелика. – Этот тоже вкусный.

– И то хорошо, – поджал губы господин Анри. – Жан-Филипп, ты дойдёшь до своего логова сам, или нам тебя дотащить, или звать твоего Марсея?

– Дойду, наверное, но с Марселем вернее, – усмехнулся тот. – А ты не боишься жениться на этой милой даме? Она ж спалит тебя без остатка, если что-нибудь окажется ей не по нраву.

– Пока мне хочется спалить только вас, – пробормотала госпожа Анжелика. – Не перестанете ко мне цепляться – подкараулю и попробую.

Господин Жан-Филипп попытался встать, но ему это оказалось не по силам – он смешно плюхнулся обратно в кресло.

– Зовите Марсея, – проговорил он, устраиваясь в кресле и закрыв глаза.

Господин Анри подошёл к дверям и отдал приказание.

– Орельен, – прошептала госпожа Анжелика, – что с ним? Он же сильный, как кабан?

– Ну да, – ответил тот так же тихо. – Но вся его сила ушла на отражение твоего удара. Ты, видимо, очень мощный маг.

– Только хрена ли, совсем неумелый, – рассмеялась госпожа Анжелика, и вдруг продолжила: – Господин Жан-Филипп, я прошу у вас прощения. Я не хотела... вредить вам так серьёзно.

– А что хотели? – он приоткрыл один глаз.

– Рожу расцарапать, нос разбить, – с готовностью пояснила госпожа Анжелика.

Господин Анри нахмурился, господин Орельен тихо хихикал.

– В следующий раз разбивайте нос, ладно? – усмехнулся пострадавший. – Там кровь унять, и всё, а тут вон как вышло.

– Договорились, – госпожа Анжелика прикрыла глаза.

– Раз так, то я тоже приношу вам свои извинения. Вас следовало предупредить, я согласен. Возможно, вы тогда были бы более осмотрительны в высказываниях, – произнёс господин Жан-Филипп, пристально на неё глядя.

– Да понимаю, не дура, – вздохнула госпожа Анжелика.

Дверь отворилась, и появился Марсель – худой болтливый парень, камердинер господина Жана-Филиппа.

– Кто тут меня звал? – возгласил он, входя в комнату. – Ой! Прошу прощения, ваше высочество, – поклонился принцу, сверкнул серыми глазами и увидел своего господина. – Это от кого ж вам так сурово досталось-то? Не скажете? Ну и зря, я бы хоть знал, кого за тридевять земель обходить.

Подошел, обхватил господина и потянул из кресла. Вместе с господином Анри они установили того на ноги.

– Доброго вечера всем, – промолвил господин Жан-Филипп. – Если какая-нибудь прекрасная дама пожелает скрасить моё выздоровление – я буду весьма рад и очень той даме благодарен.

Госпожа Антуанетта наморщила нос, а её служанка Мари, до того тихо сидевшая в углу, выскочила – только её и ждали.

– Я помогу вам, господин! Если госпожа Антуанетта меня отпустит, – потупилась, потом бросила быстрый взгляд на Туанетту.

– Ступай, коли хочешь, – та поджала губы точно как господин Анри.

– Анри, побудь с госпожой, а я помогу Марселю, – Орельен поднялся и подхватил Жана-Филиппа с другой стороны. – Ты тоже маг, ты тоже можешь ей помочь.

Господин Анри кивнул, дождался, пока они выйдут, сел напротив госпожи Анжелики.

– Госпожа Антуанетта, спасибо вам за помощь, а сейчас ступайте. В большом зале танцуют, если вас это развлечёт.

– Нет, благодарю. У меня отложены книги, – она поклонилась господину Анри и ушла.

– Жакетта, принеси ещё вина, и найди кого-нибудь в помощь госпоже Антуанетте, раз её горничная занялась спасением страждущих.

– Да, ваше высочество.

Или она сама поможет госпоже Туанетте, или кого-нибудь найдёт. А господин Анри пусть поухаживает за своей невестой, им обоим полезно.

20. Сомнения его высочества

Анри выпал нелёгкий день, и завершение его тоже вышло под статью.

Будь его воля, он ни за что не пригласил бы к себе епископа Фуши. Потому что очень не любил его, ни как священнослужителя, ни как человека. Этот пастырь господень был известным скрягой, обжорой и сластолюбцем, раздавал отпущения грехов по сходной цене и утверждал, что раз папа в Авиньоне может выписывать индульгенции, то он, Гаспар Фуши, чем хуже? Его паства стонала и временами жаловалась, но пойдя пожалуйся на епископа, тебе же хуже будет. Папа, по слухам, был доволен десятиной, которую тот исправно посылал в Авиньон, а его величество... то есть, её величество королева-мать – довольна поступающими с его земель налогами. Вот и нет никаких вопросов к его преосвященству, пусть живёт, как может, и как совесть позволяет.

В Лимей он заявился самолично, привлечённый слухами о близящейся свадьбе. Как же, погулять за чужой счёт – в этом он весь. И оказался его преосвященство, что называется, старшим по званию, куда там до него их замковому священнику отцу Полю! Правда, Анри вежливо известил гостя, что свадьба откладывается ввиду болезни невесты. О нет, дожидаться не нужно. Да, гостей пригласили в том числе и на свадебное торжество, но тут, понимаете ли, преступление, есть подозрения, что госпожу де Безье отравили.

Прослышав про отравление, епископ отбыл восвояси едва ли не прямо из-за праздничного стола. Сразу после, уж поест-то он не дурак, а повара сегодня расстарались. Вообще, кормить всю эту ораву родни – невеликое удовольствие. Но большая часть гостей, узнав про отложенную свадьбу, возрадовалась – это ж их будут потчевать и развлекать в Лимее два месяца! Пришлось запустить разные потайные механизмы. У кого-то вдруг случилось несварение. У кого-то в камине ночью призрак выл – как, вы не слышали про призрак Лимейского замка, которому подчинена сеть каминов? Уберечься невозможно, уверяю вас. У кого-то по спальне ночью мыши бегали – если гость дама, то тоже работает.

А лучше всего сработало известие о том, что прибывает дознаватель его величества – разбираться в таинственной болезни. Этот человек был известен своей придирчивостью и въедливостью, говорили также о его необыкновенной проницательности и умении докопаться до истины в любом, самом запутанном случае. Более того, этот человек имел сан – и год назад был назначен коадьютором в епископство Льена, официально – в помощь престарелому епископу Аделарду, а фактически – чтобы упрочить положение его самого в церковной иерархии. Кроме прочего, он был магом, но об этом уже знали далеко не все. Единственным недостатком блестящего прелата называли молодость – ему ещё не исполнилось и тридцати, но этот недостаток, как известно, проходит со временем сам собой. В общем, известие заставило покинуть гостеприимный замок ещё некоторое количество обжор и бездельников, без которых, как известно, не обходится ни одно семейное торжество.

А самым приятным было то, что этого человека Анри знал с детства. Лионель де Вьевилль родился третьим сыном в семье герцога Шарля де Вьевилля и его супруги, принцессы Катрин, урождённой де Роган, старшей сестры отца Анри. Сама тётушка Катрин пребывала сейчас в Лимее, очень жаждала познакомиться с потенциальной невесткой и весьма сожалела о её нездоровье. Она и подала идею пригласить господина коадьютора – мол, если Лионель не найдёт вам отравителя, то никто не найдет. Лионель, будучи спрошен по магической связи, согласился приехать, и даже отпросился по такому поводу у его величества, при котором пребывал последний месяц. Он сообщил, что и так собирался посетить свадьбу кузена, ну а раз кузен готов предложить ему вместо свадьбы иное развлечение – отчего бы не поучаствовать. Более того, Орельен предлагал свой кристалл портала, но господин коадьютор отказался – мол,

не так много в его жизни телесных удовольствий, и путешествие верхом – одно из них, грех отказываться. И обещал прибыть в Лимей через три дня.

Огласив за обедом эту новость, Анри понадеялся, что к ночи количество гостей поуменшится. И это он тогда ещё ничего не знал ни о том, что Жан-Филипп наложил заклятие молчания на Анжелику, ни о том, что она разозлится, полезет драться и пробудит в себе магические способности. Да что ж это такое, почему с ней всё не так, как у людей?

В одном права Жакетта – хорошо, что её сила совпала с силой покойного графа Безье. Конечно, магические способности наследуются, как бог на душу положит, а нередко не наследуются вовсе, но когда дети получают силы, схожие с родительскими – это считается хорошим и правильным.

Но этой дикой и вздорной девице не хватало только стихийной магии. Да она спалит весь замок к чёрту! Орельен предположил, что слабость продлится до завтра, то есть – пока можно спать спокойно. А там пусть он и вправду связывается с господином Арно, своим наставником при дворе, глядишь – тот чем и поможет. Анри совершенно не ощущал в себе способностей к наставничеству для юной девы, у которой пробудилась мощная стихийная магия. Конечно, сам он кое-что об этом знал, но Жан-Филипп знал больше, оттого и сумел заблокировать её спонтанный выброс. Орельен тоже знал, и смог нейтрализовать, и даже сам при этом никак не пострадал. Вот пусть и учит её держать себя в руках. Сам вытащил чёрт знает откуда, сам пусть и разбирается.

Эх, а ведь Анри только-только задумался о том, что Анжелику необходимо начинать выводить в люди. И решил уже было, что если она сможет удержать себя во время службы и обеда – то ей можно разрешать покидать комнаты. В сопровождении, конечно. Но оказалось, что в её приличном поведении её собственной заслуги никакой и нет! И что она как раз собиралась высказать епископу Фуши своё мнение по поводу кончины графа Безье. Интересно, почему она захотела это сделать, граф же ей, фактически, никто?

Правда, Анри сам получил некоторое удовольствие от того, что одёрнул болтуна и сплетника. Нечего трепать языком о его будущем родственнике, хоть бы и покойном.

И вот теперь Анжелика дремлет в кресле, а он, как дурак, сидит напротив. О нет, он знал действенный способ восстановить силы после чрезмерного применения магии или после магического отката, и Жан-Филипп его тоже знал – прямо тут, в комнате, себе девку и нашёл, времени зря не терял. Ночь любви – или хотя бы вечер – исцелила бы её уже к утру. И раз она говорит, что давно не девица, то ей бы никакого вреда с того и не было.

Анри смотрел на неё... и сомневался.

Она красива, она безусловно красива. Зелёные глаза, густые ресницы, алые губы, нежная кожа – так и хотелось дотронуться до щеки и провести по ней пальцем. Только вот он был уверен – что ответом на нежный жест станет не трепетание ресниц и не волнующий вздох, а очередное грубое слово. Она же не умеет иначе, ей, вероятно, не доступны тонкости любовной науки, да и откуда бы? Если она просто разговаривает с трудом, ей ведь сложно выразить свою мысль без грязных ругательств?

О нет, Анри, безусловно, не был трепетным растением, более того, в бою сам не очень-то выбирал выражения, когда нужно было донести мысль до людей покороче и пояснее. Но юная дева? Но юная дева в статусе его невесты? Немыслимо.

– Кто здесь? – прошептала дева.

Заморгала, пошевелила головой.

– Это я, Анри, госпожа Анжелика.

– А, это вы, – она попробовала сесть так, чтобы видеть его.

Он поднялся и помог ей.

– Как вы себя чувствуете?

– Очень слабой. Как будто весь день картошку копала.

– Что делали? – изумился он.

– Ну картошку, овощ такой. Её весной садят, в землю, а осенью копают. Чтобы потом было, что есть зимой.

Анжелика – крестьянская дочь? Она что-то знает о посевных работах?

– Вам доводилось копать эту вашу... картошку?

– Конечно, – сказала она. – У бабушки на даче под неё пять соток выделено. Каждую весну и осень, и ещё летом полоть и окучивать. А у вас что, нет картошки?

– Наверное, нет, – покачал он головой.

– Жаль. Она вкусная. Жареная. Ещё варёная, в пюре. И в салатах. И пирожки можно постряпать.

– Вы... умеете стряпать пирожки? – дочь крестьянина и поварихи?

– Ну да, – пожала она плечами, как будто речь шла о чём-то обычном. – Правда, у меня тесто через раз поднимается. Но друзья всё равно ели то, что получалось, – вздохнула, прикрыла глаза.

– Друзья? Не родители?

– Нет, – помотала она головой.

– А у вас вообще были родители?

Она приоткрыла один глаз.

– А как иначе-то? Даже когда совсем в пробирке, всё равно материал от каких-то родителей.

Он не понял, о чём это она, ну да и ладно.

– И кто были ваши родители?

Не то, чтобы это что-то меняло, но хоть узнать, как оно.

– Отца я почти не помню. Они с матерью развелись – я ещё в школу не ходила. Это когда формально развелись. А выгнала она его ещё раньше. Потому что он пил и ни хрена не работал. И толку от такого дома – фиг да ни фига, а проблем по горлышко. Ну если вы вообще понимаете, о чём я, – усмехнулась вдруг. – А мать на заводе работает, инженером. И если бы она второй раз замуж не вышла, то я бы, скорее всего, и не померла бы, и мы бы с вами никогда не встретились.

– Почему? – не понял он. – Обычно вдовы выходят замуж второй раз. А что значит – развелись? Им прямо разрешили аннулировать брак?

– Да у нас это запросто. Ну, назначили ему платить алименты. Ну, он их платил. Через раз, потому что то работал, то нет. И если до меня, то муж нужен, только если приспичило ребенка рожать, да и то – смотря какой, о некоторых лучше ничего не знать, не только домой их не тащить. В обычной жизни без мужа проще.

Что же это за жизнь такая?

– Как – проще? А кормит кто?

– Сама, – пожала она плечами. – Выучиваешься, идешь работать и как-нибудь крутишься. И проще одной, потому что ещё мужа и ребёнка кормить – нахрен это надо. А с мужем то ли повезёт, то ли нет. Я понимаю, что здесь не так, и что ваше высочество большая шишка, и что по сравнению с населением этого дома прокормить одну меня вообще не вопрос. У нас тоже есть богатые, я не из них. Если вас это не устраивает – ну, давайте расставаться, что ли.

– После того, как я уже показал вас всем, живую и здоровую? Не выйдет. Скажите, а ваша мать – она что, работала, чтобы прокормить вас и себя?

– Ну.

– И... что она делала? Работала в поле? Убирала чужие дома? Стряпала еду?

– Ага, шаз. Сказала же – инженер на заводе. Ракетное топливо она делала. И делает, как я понимаю.

– Что, простите, она делала? – не понятно.

Совсем не понятно.

– Эх, – Анжелика вздохнула и села поудобнее. – Ну вот представьте – такая, э-э-э... что у вас тут может быть? Наверное, повозка. В чём ездят крутые? В смысле, богатые?

– Верхов. Или в каретах.

– Во, карета. А теперь представьте супер-пупер карету, которая едет сама. Только ракета в миллион раз быстрее кареты. И летает.

– При помощи магии? Наверное, так бывает.

– У нас магии нет, но есть технологии. Двигатель внутреннего сгорания, во. Сгорает то самое топливо, выделяется энергия, карета едет. Простите, лучше объяснить не смогу.

– Наверное, достаточно. Она выполняла какую-то сложную работу?

– Именно. Сложную работу, требующую специального образования и высокой квалификации. За хорошие деньги. И когда она родила, то её чуть с той работы совсем не выперли, если бы она брата в частный сад в год не сдала, и обратно не вышла – хрен бы ей был, а не работа. И не деньги тоже, потому что отчим главным образом бухать, скандалить и драться, а денег – ну, такое, в этом месяце есть, а в следующем – уже не факт. А кормить его надо, как настоящего.

Анри не мог сказать, что всё уразумел, но какая-то картинка у него сложилась. Выходит, Анжелика – дочь какой-то весьма образованной дамы, предлагающей свои услуги за большие деньги. Про кареты он не понял ничего, но если у них здесь есть маги, то и там почему бы не быть чему-то похожему? Видимо, от матери Анжелике и достались её способности, это несомненно.

– И почему же мы с вами встретились, как вы считаете?

– Потому что я сбежала из дома. Потому что у них опять была драка и скандал. И на улице попала под машину. Под карету. Но машина едет быстрее кареты, тем более – по мокрой дороге. Поэтому – сразу насмерть, как я понимаю, – она вздохнула и снова закрыла глаза.

Анри поднялся, дошел до стола.

– Вина, госпожа Анжелика?

– Да, – теперь она смотрела в одну точку на стене. – А... ваши родители... они кто?

– Как это – кто? – нахмурился он, потом понял.

Она же ничего не знает. Ни о нём, ни о его семье. Ни о короле и королевской семье, ни о войнах с гугенотами и прочими, ни о чём!

– Ну, чем они занимались. Их же нет в живых?

– Нет, – подтвердил он.

Чем занимались, надо же! И это не оскорбление, это полное незнание. Анри вложил ей в руку бокал – вроде, сможет удержать.

– Мой отец, его высочество Франциск, был внуком короля Людовика Восьмого. Моя мать, Агнесс де Мар, была дочерью герцога Сомерийского. Это был равнородный брак, выгодный для обеих сторон. Из четырёх детей выжил только я, мой младший брат и две сестры умерли во младенчестве. У моего отца было два брата и две сестры, один брат погиб в войне с Южным союзом, ему не было и двадцати. Второй, его зовут Жиль де Роган, отправился путешествовать на Восток и недавно оттуда вернулся. Он претендует на отцовское наследство, и для этого хотел жениться на вас, чтобы упрочить своё положение. Но вы предпочли меня ему. То есть, ваша предшественница.

– А ему лет-то сколько? – нахмурилась Анжелика.

– Сорок шесть.

– Ну ясен пень, что его бортанули, зачем он нужен-то такой старый!

– Он могущественный маг.

– Вы вроде тоже маг.

– Полагаю, он сильнее. Но он полтора десятка лет не был на родине, он плохо принят при дворе и он не слишком ориентируется в нынешней политике.

– А чего вернуться-то? Ну и сидел бы там, куда подался!

В этом вопросе Анри был согласен с ней полностью.

– Увы, он уже здесь. В столице.

– И он хочет себе этот замок?

– И ещё некоторые другие.

– И как можно его обломить?

Эммм... Хорошее выражение – «Обломить». Да, как-то так с ним и надо поступить.

– Если я женюсь на вас и получу за вами в приданое, кроме прочего, замок Вильль.

– Так я типа богатая невеста? – сощурилась она. – Вот привалило-то! Только я ни хрена здесь не знаю, не понимаю и не ориентируюсь. И потерей памяти всё это не объяснить.

Она говорила в своей жуткой манере, но очень разумно.

– Да, и вам придётся учиться.

– Так уже надо начинать, наверное? Пока я своей тупостью тут всех не перепугала и не испортила в конец вашу репутацию. И репутацию этих, ну, как их там... семьи де Безье. У того графа, на которого сегодня после службы наехал его преосвященство, наверное же не могло быть тупой и необразованной дочери?

Звучало очень разумно. Анри ничего не мог сказать об образованности прежней Анжелики, потому что не успел познакомиться с ней настолько близко, но она абсолютно точно была хорошо воспитана.

– Вы совершенно правы, госпожа Анжелика.

– Скажите, это вы попросили вашего друга закрыть мне рот? Ну, после службы, когда я уже хотела спросить того борова в мантии, чего это он положит графа, моего отца по легенде?

Она думала, что это Анри? О нет.

– Нет, госпожа Анжелика. Это была инициатива Жана-Филиппа. Очевидно, он опасался, что вы скажете что-нибудь, подобное тому, что сказали ему самому при знакомстве.

– А что я ему сказала? – она не помнит или не поняла?

– Вы усомнились в его мужественности, чем смертельно оскорбили его. Будь вы мужчиной – он бы вас уже убил.

– А, я спросила, чего он так вырядился. Я ж не знала, что у вас тут мода такая. Ну, могу извиниться, мне не сложно вот вообще. Но знаете, появившись он в таком виде у нас, его бы крепко побили. Чисто за то, что в таком наряде ходит.

Анри улыбнулся – он имел своё мнение о том, кто бы кого побил.

– Мне будет спокойнее, если вы сможете сохранять мир с моими друзьями.

– Да мне он вообще не сдался ни разу так-то, – пожалала она плечами. – Век бы его не видела. Вот Орельен у вас классный пацан, опять же – в магии понимает. Если он мне что-нибудь объяснит про эту самую мою магию – я буду ему премного благодарна.

Она допила вино, он забрал у неё бокал и вернул на стол.

– Я помогу вам добраться до постели, – он легко подхватил её на руки и отнёс в спальню, где посадил на кровать.

– Спасибо, конечно, но толку-то мне с той постели в этой шубе, – показала она на своё платье, которое, к слову, шло ей необыкновенно, и сегодня ему не раз сказали о том, какая красавица его невеста.

Он усмехнулся.

– Поверите ли, но я знаю, как помочь даме раздеться.

Она взглянула на него с интересом.

– Это вы мне сейчас сказали, что не раз раздевали других, прежде чем с ними переспать?

Анри внутренне содрогнулся. Зачем, ну зачем называть всё своими именами? Зачем в лоб? А удовольствие от флирта? А тонкие иносказания, разгадывать которые – отдельное удовольствие?

– Вы правы. Но у вас был непростой день, и я не вправе настаивать. Я приглашу Жакетту, и она поможет вам снять платье и подготовиться ко сну. Доброй ночи.

– И вам доброй ночи, – кивнула она.

Ничего, пусть привыкает. И приручается. Может быть, из неё и будет какой-нибудь толк.

21. Беды Антуанетты

Когда Антуанетта пришла к себе в комнаты, на улице уже смеркалось. Спать ещё не хотелось, да после такого насыщенного дня сразу и не уснёшь, можно и не пытаться. На столике возле кровати лежала книга – сборник древних легенд, и ещё одна – записки придворного о нравах при дворе его величества. Первая навевала скуку, вторая – приводила в бешенство. Истории о древних героях в нынешней жизни никуда не годились, а неистребимый фривольный дух, царивший среди наиболее благороднейшего дворянства, выводил Антуанетту из себя.

О нет, она не была ханжой, не была она и чрезмерно верующей или опасующейся греха. Ей ли опасаться греха, подумать только!

Антуанетта была единственной дочерью Шарля де Безье, который, в свою очередь, был младшим сыном младшего сына. Он женился на красавице Ивонн ле Во, приданое которой так и не выплатил её брат – всё время отговаривался какими-то причинами, а семья в этом вопросе Шарля не поддержала, и семьи-то той было – старший брат, виконт де Безье, наследник земель и титула, да дальняя родня, которую можно не считать. Так и сказал – что ты за муж такой, что не можешь получить приданое своей жены. Брат Ивонн тоже в конце концов перестал даже упоминать об этом, мол – не было, и всё.

Антуанетта родилась хилой и слабой, но выжила, и со временем уже ничем не отличалась от сверстниц. Ей дали то минимально необходимое образование, без которого нечего делать на рынке невест. Правда, для полноценного вхождения на тот рынок нужно было ещё и приданое, а с этим вышла загвоздка. Поэтому к семнадцати годам жених у неё ещё не завёлся, даже какой-нибудь небогатый сосед.

Родители Антуанетты умерли от морового поветрия один за другим – гнилой весной три года назад. И сразу же на их маленький замок наложил руку дядюшка Филипп, старший брат отца, ему нужно было выделять отдельные владения для младшего сына. Антуанетте было решительно некуда деваться, но – её позвал погостить дядюшка Гастон, старший брат матери. У него не было дочерей, только сыновья, и сначала он растекался мёдом и говорил ласково – мол, она ему тоже как дочка. Однако же, иллюзия скоро закончилась.

К нему приехали гости – охотиться, или плести интриги, кто их там разберёт, уж точно не Антуанетта. И как-то вечером дядюшка не просто позвал её за стол, а велел надеть лучшее платье и красиво причесать длинные тёмные волосы. И сам подливал вина в её кубок, и говорил – пить. Когда совсем стемнело и гости захмелели, взял Антуанетту за руку и подвёл к одному из гостей – приезжему из столицы, она не знала, как зовут этого крупного лысого мужчину, по виду – старше её отца. Дядюшка вложил её руку в руку гостя и строго-настрого приказал ей идти с ним и выполнять всё, что он прикажет.

Антуанетта поняла всё почти сразу, но не сразу поверила. Она была совсем уж наивной, видела за подобным делом отцовских стражников и слуг в замке. Читала в книгах украдкой, что ради плотской любви люди теряют голову, и что иначе не познать наивысшего земного наслаждения в жизни. Она же не познала никакого наслаждения, только унижение и боль. Тот гость даже не стал её раздевать, просто задрал юбки, и ему хватило. А когда всё закончилось – без единого слова выставил её из своей спальни.

Наутро она попыталась не выйти из комнаты к завтраку, но пришла дядина жена, госпожа Мадлен. Она была худа и костлява, но надменна, как сто дьяволов, и сообщила, что раз её, Антуанетту, в этом доме кормят и поят, то она должна быть благодарна и стремиться помочь родне всеми своими силами. То есть так, как ей скажет старший родственник. Что? Как её теперь возьмут замуж? Да кому она нужна замуж, за ней ничего не дают, и это всем отлично известно! Бесприданницу не сговоришь за выгодного союзника, а сбыть её с рук просто так

успеется. Поэтому пока пусть приносит пользу семье, как может. И если Антуанетте что-то не нравится – она может отправляться жить туда, где ей будет лучше. Держать её никто не станет.

А куда пойти юной девице? Вот Антуанетта никуда и не пошла. Хотя она подумывала, что если вдруг наберётся смелости сбежать, то с дядюшки станется её поймать и вернуть обратно. Потому что очень уж рад он был тому факту, что у него в доме есть воспитанная, пригожая и полностью подвластная ему девица. Ну, то есть, какая там уже девица, но для дядиных гостей и соратничков по какой-то гнилой политике – самое то. И главное – никакого наслаждения во всём этом мерзком деле и близко не было.

Одно хорошо – в замке была лекарка, владеющая целительской магией. Она залечивала синяки, трещины и ссадины, и она же готовила зелье, не позволявшее Антуанетте зачать. Забеременеть и родить в такой ситуации было бы совсем плохо, куда она потом с ребёнком? Антуанетта думала, что если вдруг зелье Клодины даст осечку, то она заберётся на башню и спрыгнет на каменные плиты двора. Потому что ладно она, а ребёнку-то такая жизнь за что?

Всё изменилось, когда в гости приехал граф Флориан де Безье, могущественный местный вельможа и дальний родственник Антуанетты. Строго говоря, он приходился ей троюродным братом, и сюзереном злобному дядюшке Филиппу, отнявшему отцовские владения. Другое дело, что ему было уже под пятьдесят. Он внимательно рассматривал Антуанетту за столом, она было уже подумала – тоже захочет её после ужина. Но оказалось, что ему нужна не безропотная девка на ночь, а компаньонка. К дочери графа посватался его высочество герцог Лимейский, и нужна дама благородных кровей и хорошего воспитания, которая сопроводит невесту к жениху и останется с ней после свадьбы. Будет первой дамой её двора, а там, глядишь, монсеньор и её замуж выдаст.

Это означало – бегом из ненавистного дома! Но дядюшка Гастон заартачился. Мол, отчего это граф так легко распоряжается судьбой его племянницы? Граф, правда, усмехнулся, глянул на дядюшку недобро и велел тому замолчать. Потому что госпожа Антуанетта – тоже его родственница. И если ему, Флориану де Безье, нужна для каких бы то ни было целей его родственница – то Гастону ле Во лучше не препятствовать. Тут-то Антуанетта и вспомнила рассказы о том, что граф – могущественный маг. Интересно, а его дочь – тоже маг? Да какой бы она не была, эта Анжелика, главное в том, что она ключик к её, Антуанетты, новой жизни!

Правда, новая жизнь оказалась тоже не самой простой. Девица де Безье обладала ангельской внешностью и неуживчивым характером. Она заливала слезами всё вокруг по малейшему поводу – из-за плохой погоды и отмены прогулки, отсутствия на столе пирога с нужной начинкой, не того, как ей бы хотелось, порядка танцев после ужина. Служанки терпеть её не могли – потому что за малейшую провинность она тыкала в них иголками и веретеном, а за, скажем, испачканную случайно юбку или слишком горячую, на её вкус, воду в ванне могла и приказать, чтобы беднягу выпороли на конюшне.

Девица де Безье умела вышивать, но у неё не хватало терпения закончить работу. Книг она не читала, обычно ей читали камеристки – сонеты и сказки. Она неплохо пела нежным высоким голосом, но не умела играть ни на одном музыкальном инструменте. Танцевала она только самые простые танцы, скажем, могла с важным видом выйти в паване, но на гальярду уже просила своего кавалера проводить её на балкон или просто к её креслу. Если ей вдруг случалось оказаться в официальном бранле, где кавалерам по правилам нужно было поднимать даму и переставлять по другую сторону от себя, то она повизгивала, стоило только к ней прикоснуться, и совсем не могла подпрыгнуть вверх. И жаловалась, что её приподняли недостаточно аккуратно, и у неё теперь будут синяки на рёбрах. Уж конечно, синяки, через сорочку, двухслойный корсет и лиф платья! Да что она вообще знает о синяках!

Граф кривился, глядя на дочкины выходки, но терпел.

С другой стороны – а что ему оставалось? Только терпеть. Другой дочери нет.

Как-то вечером он выпил больше, чем обычно. Сын Антуан, приехавший проводить сестру к жениху, уже отправился вместе со своей супругой в спальню, Анжелика же и вовсе давно удалилась к себе – кавалеров в гостях не было, и танцев после ужина – тоже. Антуанетта сама не заметила, как они с графом остались вдвоём. Ей стало страшно – по опыту жизни у дяди Гастона, но кузен вдруг глянул на неё совершенно осмысленным взглядом и сказал:

– Скажите, кузина, как вы думаете – будет ли счастливой семейная жизнь моей дочери?

– Не знаю, кузен, – пожала плечами Антуанетта. – Всё будет зависеть от её супруга. Анжелика хороша собой, она может привлечь мужчину не только своим прекрасным приданым, тем более, мужчину молодого.

Его высочество герцог Лимейский имел от роду лет двадцать, что ли. Уж наверное ему понравится девица де Безье – с её-то зелёными глазами и пышными каштановыми волосами!

– И от неё тоже, увы. В её воспитание было вложено много сил, она умеет показать себя, как надо, но откровенно говоря, Анжелика – девица вздорная и капризная, и не всякому супругу такое придётся по нраву. Я буду вам очень благодарен, кузина Антуанетта, если вы присмотрите за Анжеликой и поможете ей в её первых шагах в новом доме. Ведь ей по силам восстановить против себя весь мир в очень короткий срок, – вздохнул граф. – А по нынешним временам жена с тяжёлым характером проживёт недолго. Его высочество получит приданое Анжелики, выполнит условия завещания и будет жить себе дальше счастливо, а она, всё же, моя единственная дочь.

Так Антуанетта впервые услышала о тёмной истории с завещанием его высочества Франциска, предыдущего герцога Лимейского, которое то ли было, то ли нет, то ли истина, то ли подделка. Правда, господин граф смешно фыркал и говорил – что они там за маги такие, что бумагу на подделку не удосужились проверить.

Ну да, маги. О магах до знакомства с кузеном Антуанетта только слышала. Маги есть, но их мало. Маги очень могущественны. Магами бывают не только мужчины, но женщины-маги ценятся главным образом за возможность передать свой дар детям. Потому что зачем, например, женщине боевая магия? Пусть научится обуздывать и поскорее рождает магически одарённых детей.

Кузен был магом, и не из последних, но дети его магической силы не унаследовали – ни сын, ни дочь. Возможно, магом был кто-то из тех детей, что не выжили, ну да что уж о том говорить! Господина графа этот факт расстраивал необыкновенно, но что тут поделаешь? Как есть. Возможно, поэтому он привечал девчонку Жакетту, мать которой – прачка Кати – говорят, и в юности особой красотой не отличалась, но дочь родила прехорошенькую. И родила от кого-то из приятелей господина графа, от кого – никто доподлинно не знал. Но Жакетте была подвластна магия – бытовая, а ещё немного стихийной и целительской. Граф с девчонкой носился и сам её обучал, Антуанетта даже подумывала, что та – его бастард. Но как-то, засидевшись после ужина за вином, кузен с сожалением сказал, что нет, Жакетта не его дочь, а он не отказался бы от такой дочери. Обеспечить бастарда нетрудно, всё же не наследница графа, а девочка хорошая и старательная.

И когда вскрылось, что камеристка и молочная сестра Анжелики Сюзетт спуталась с дворецким и понесла от него, граф распорядился назначить на это место Жакетту. Антуанетта подозревала, что тоже с наказом – следить и беречь от себя самой. И очень вовремя, потому что накануне приезда жениха граф скончался.

Умер кузен страшно. Антуанетта немного представляла вражду обычных людей – насмотрелась в доме дяди Гастона. Откровенно говоря, приятного мало. А вражда магов выглядела и вовсе жутко. Когда сильный, могущественный и очень разумный человек в одночасье сходит с ума, а стоит лишь остановиться его сердцу – как тело начинает буквально распадаться на куски – тут и не только двадцатилетняя сирота испугается, тут весь замок как с ума сошёл. Анжелика

в панике вопила, что не пойдёт замуж, потому что боится, и стоило больших трудов уговорить её, что как раз в замке жениха она будет в безопасности, и надо собираться поскорее и ехать.

Поскорее, уж конечно. Пока запаковали весь её новый гардероб и прочее – пять дней прошло. Сама-то Антуанетта одним сундуком обошлась. Ей господин граф тоже выделил денег, чтоб оделась нормально, и замковые швеи сшили несколько неплохих платьев и запас белья. И просто некоторую сумму денег граф ей выделил – чтоб была. И обещал упомянуть в завещании, но какое уж там теперь завещание, не было его, и нет. Антуан стал новым графом и приложил все усилия, чтобы выставить сестрицу из дома поскорее – под тем же предлогом, что ей безопаснее у жениха.

Как же, безопаснее! В замке жениха, неприступном и отлично защищённом, Анжелика провела неделю. Антуанетта подозревала, что племяннице подсыпали чего-то не того на пиру по случаю помолвки. И хорошо подсыпали – девица утонула в три дня, и ей не смогли помочь ни обычный лекарь, ни маг-целитель.

В момент смерти они с Жакеттой были в спальне Анжелики вдвоём, даже Мари, служанка Антуанетты, глуповатая девица из Во, где-то бегала. Впрочем, Антуанетта её не винила – сидеть у постели умирающего то ещё дело. И о том, что Анжелика отдала богу душу, сказали как раз жениху, монсеньору Анри. Тот впал в уныние, но его друзья принялись искать выход, и предложили их несколько – на взгляд Антуанетты, один безумнее другого.

Друзья сами выглядели весьма странно, причем, что она вообще знает о принцах и их друзьях? Один, Орельен де ла Мотт, на пару лет помладше монсеньора, сын небогатого соседа, вместе выросли. Он был невероятным выдумщиком и сильным магом. А второй, Жан-Филипп де Саваж, наоборот – постарше, тоже был магом, но преимущественно боевым. Он не выдумывал никаких планов, и вообще казалось, что желаний у него немного – поесть, поспать, помахать во дворе шпагой, покидать в Орельена огненные шары, которые тот, правда, всегда отбивал, и непременно – девку на ночь. Господин граф – о, он тоже был каким-то там захудалым графом, не чета Безье – не гнушался ни служанками, ни кухарками, и если верить скандальным слухам, не пренебрегал и мальчиками, если девка не ловилась. Камеристка Мари как-то попалась ему на ночь глядя, и осталась весьма довольна учтивым кавалером, который, в придачу, умел приготовить такое магическое зелье, чтобы встреча осталась без последствий. Но увы, ему она оказалась только на один раз. Она же страдала, оттого и побежала сегодня, стоило ему позвать.

Более того, как-то вечером, после ужина, пока ещё не отпраздновали помолвку и была жива Анжелика, этот Жан-Филипп вызвался проводить Антуанетту до комнат, при том глядя на неё характерным образом и поглаживая ладонь. Если он думал, что этим расположит её к себе, то просчитался, и очень удивился, когда в тёмном переходе из одной башни в другую попытался её поцеловать, а она стала вырываться.

– Так я вам не нравлюсь? – приподнял он бровь.

– Ни капельки, – выдохнула Антуанетта. – Вы сильнее, я не смогу вас одолеть, но знайте – вы мне не нравитесь.

– Одолеть меня? Вам? Зачем? Не очень-то и хотелось, – усмехнулся он. – Вы весьма хороши собой, но уговаривать девицу, которой ты не нравишься? Не было печали, другие найдутся.

– Вот именно, вам же без разницы, с кем, – она хотела задеть и обидеть.

– Почему же без разницы? Не на войне же. Даже такая скотина, как я, способна понять, когда ею восхищаются, и это, поверьте, намного приятнее, чем когда царапаются, кусаются и вырываются.

Он довёл Антуанетту до её комнат и с наглой усмешкой поцеловал руку на прощание. Наутро она видела его с кем-то из приехавших на свадьбу дам, состоявших в родстве с его

высочеством. Антуанетта старалась избегать встречи с Жаном-Филиппом, но если уж сталкивалась – то он всегда был с ней издевательски любезен.

А потом умерла Анжелика, и оказалось, что она всем была нужна живой. И ей, и Жакетте, и монсеньору Анри. Его друзьям же было нужно, чтобы у него всё было хорошо, тогда он и с ними поделится. Вот сумасшедший Орельен и нашёл сумасшедший выход, такое могло прийти в голову только безумному магу, но никак не нормальному человеку.

Найти где-то, в чужом мире, девушку, необыкновенно похожую на Анжелику, и обменять её на хладное тело? Пожалуйста, со всем нашим уважением. А то, что эта девушка там неизвестно, под каким забором росла и воспитывалась – это, скажите, как? И что с ней такой теперь делать, и как её людям показывать?

Самым страшным, на взгляд Антуанетты, грехом Анжелики приبلудной было то, что она со всеми вела себя, как с ровней. Ей не было дела – принц перед ней или камеристка. А ей ведь идти замуж за одного из первых вельмож королевства! То есть – быть представленной его величеству и всей его семье! А с неё станется сказать королю «Ты чего вообще», или попытаться разбить нос кому-нибудь из придворных за косой взгляд, а косых взглядов там будет предостаточно, Антуанетта не сомневалась.

Но больше всего на свете Антуанетте не хотелось возвращаться в дом дядюшки Гастона. Поэтому – она будет воспитывать эту ужасную девицу, и сделает из неё благородную даму, чего бы ей это не стоило. Правда, о магии она не знает ничего, но на то есть Орельен, пусть отдувается.

Была ещё одна причина, по которой Антуанетте никак не хотелось покидать Лимейский замок. Но в этой причине она толком не могла признаться даже себе.

Антуанетта отпихнула от себя обе глупые книги – да что они вообще знают о жизни, эти сочинители? Поплакала немного и позвала найденную Жакеттой служанку – готовиться ко сну.

22. Целители

Ли́ка проснулась, как обычно – от того, что кто-то долбился в дверь. Кто-кто, Туанетта, ясен перец. Ох, что ж так плохо-то, думала она, пока Жакетта скатывалась с постели и отпирала дверь. Будто вчера бухали до потери пульса, потому что голова кружится, стоит её только от подушки отодрать, и тошнит.

– Не буду вставать, – еле вышептала Ли́ка подошедшей Туанетте. – Что хотите делайте – не буду. Плохо мне.

– Жакетта, почему госпоже Анжелике плохо?

– Так вы ж помните, что вчера было! Теперь госпоже дня три лежать, не меньше, пока не восстановится после спонтанного-то выброса.

Тьфу, точно. Она ж теперь охерительно крутой маг, чуть не угробилась вчера с концами. И чуть не угробила сволочь Пирата. А жаль, что он отбился.

– Вы не слышали, как там господин Жан-Филипп? – Жакетка тоже вспомнила о нём. – Ему же тоже неслабо досталось!

– Представления не имею, – дёрнула плечом Туанетта.

По ходу, она любит Пирата примерно так же, как Ли́ка.

– А Мари разве не вернулась?

– Будь её воля – наверное, не вернулась бы. Но кому она там нужна!

– Вчера была нужна, – хихикнула Жакетта.

Да о чём они все? Откуда вернулась Мари? И на горшок бы, но сил нет совсем.

Впрочем, Жакетта всё понимала – как-никак, тоже маг. Наверное, когда из неё полезла эта самая сила, она тоже три дня тряпочкой валялась. Она всё и сделала – принесла горшок, потом сбегала куда-то и добыла какого-то отвара, после которого перестало тошнить. И отправила Туанетту восвояси – мол, что толку сейчас с госпожой разговаривать, ей лучше спать, пока её приличный маг не осмотрит.

Правда, пришёл Орельен – узнать, как она. И передать привет от Принца – тот уже куда-то отвалил с утра пораньше, по делам, сказал – позже зайдёт. И ещё сказал, что сегодня их снова навестит господин Арно – посмотреть на Ли́ку и типа проконсультировать. Ну да, она сейчас всё равно что больная, и нужен типа местный врач.

Орельен посмотрел на Ли́ку, подержал кончики пальцев на её висках и добил – восстановление идёт, но очень медленно. Такими темпами за неделю управимся, а надо бы побыстрее. И хорошо бы господин Арно что-нибудь присоветовал. А под конец ткнул её пальцем в лоб и сказал – спать. И Ли́ка без вопросов уснула.

А в следующий раз проснулась от того, что рядом разговаривали. Прислушалась – Орельен, Принц и тот самый крутой маг, господин Арно.

– Ваше высочество, на мой взгляд, всё так, как рассказывает Орельен – госпожа обладает очень мощными возможностями. Её аура пока хаотична, нужно время, чтобы всё это успокоилось и окончательно оформилось. Но учиться – обязательно. Если бы у неё были только слабые задатки – можно было бы оставить так. А силы госпожи достаточно велики, чтобы без умения ими пользоваться навредить и себе, и другим. Она просто-напросто всё вам здесь сожжёт. Орельен, ты понимаешь, что и как делать?

– Да, господин Арно, – улыбка прямо слышалась в голосе. – Я ещё помню, как учили меня самого.

Дальше старший маг рассказывал Орельену про какие-то упражнения, которые нужно будет делать ей, Ли́ке, когда она выздоровеет. Орельен с чем-то соглашался, с чем-то спорил, а о чём-то – уточнял.

– Неделю отзанимаетесь – скажешь, я выберу время и посмотрю, что у тебя выходит.

– О да, спасибо, господин Арно! И ещё здесь с нами граф де Саваж, он опытный стихийный маг.

– Госпожа его вчера чуть не убила, я предпочёл бы, чтобы мой друг остался в целости и сохранности, равно как и она, – сообщил стоящий поодаль Принц.

– Она не намеренно, – снова улыбнулся Орельен. – Мы поможем ей, конечно. Но сначала нужно восстановить её силы!

– Да, если бы сила пробудилась раньше, ей было бы проще, – согласился господин Арно. – Я пришлю вам целителя, он посмотрит вашу девицу. Берите её замуж поскорее, ваше высочество, вы ведь понимаете, что будет кругом сплошная польза? Конечно, жаль, что старый граф не дожил, вот бы порадовался, а то он очень уж расстраивался, что никто из детей не унаследовал его способности. А так глядишь – унаследуют внуки. Кстати, Орельен, возможно, то странное, о чём мы с тобой говорили в прошлый раз, как раз было предвестником пробуждающейся силы. Нужен был всего лишь небольшой толчок. Ты не видел, что послужило тем толчком?

– Видел, – рассмеялся Орельен. – Госпожа Анжелика... очень огорчилась.

– Всего лишь огорчилась? – усомнился маг.

– Ну так я и говорю – очень огорчилась, – усмехнулся тот. – И от огорчения у неё в руках возник огонь.

– Неплохо, – согласился маг.

Лица уже была готова спросить – долго ли они ещё ей кости мыть собираются, но тут вмешался Принц.

– Господин Арно, я буду рад, если вы задержитесь на бокал вина и расскажете нам последние новости из столицы.

– Да, ваше высочество, с радостью. Ещё немного времени у меня есть.

Звук удаляющихся шагов, а потом шёпот Орельена:

– Ушли. Анжелика, ты ведь не спишь?

– Уже нет, – она открыла глаза. – Но мне всё ещё хреново.

– Я попросил на кухне бульона и подогретого вина. Есть нужно, иначе не восстановишься.

– Чёт я не хочу, – глаза всё равно что сами закрылись.

Но оказалось, что Орельен умеет настаивать.

– Нет, Анжелика, надо, – сказал он так, что можно было, конечно, послать его на хер, потому что больше ничего на такое не скажешь, но проще оказалось ничего не говорить.

Жакетта принесла поднос с едой, поставила на столик у кровати, и они с Орельеном принялись кормить Лику этой самой едой. Сначала Орельен усадил её, а Жакетта подсунула под спину подушки. А потом вложили ей в руку чашечку бульона, а в другую – вилку с кусочком варёной курицы.

– Господин Арно сказал, что разносолы – потом, когда вы встанете на ноги, – Жакетта наколола на вилку ещё один кусок курицы и дала Лике. – А пока вот так. И запить вином с травами, он принёс мешочек.

Лица как раз допивала вино, когда дверь снова открылась, и вошёл ещё один неизвестный ей мужик в чёрном, с толстенной серебряной цепью поверх куртки. Вот же блин проходной двор, а не личная спальня! Дома только мать заходила, и ещё братец проламывался, а здесь – вообще все, кому не лень!

Но Орельен подскочил и склонился перед вошедшим в поклоне.

– Господин Сен-Реми, я рад вас приветствовать.

– Арно рассказал ваши новости, – мужик подкатился к постели Лики и устался на неё. – Госпожа Анжелика де Безье, значит. Невеста его высочества Анри Лимейского.

– Ну, – нахмурилась Лица, она пока не поняла, что за перец и чего от него ждать. – Здравствуйте.

– Анжелика, это целитель из Паризии. Вы совсем-совсем его не помните? – и хлопает глазищами, как кукла.

– Нет, – помотала она головой.

Очень аккуратно – голова снова кружилась.

– Вот видите, – вздохнул Орельен. – Анжелика, господин Сен-Реми был у вас в Безье, когда скончался господин граф. И потом ещё осматривал тебя здесь, когда ты заболела.

– Не помню, – отрезала Анжелика.

– Что ж, всё в воле господней, – вздохнул целитель.

И принялся её осматривать.

По ходу, им тут ни узи, ни томография ни за чем не нужны, так справляются. Во всяком случае, этот мужик кивал головой, тряс седыми космами, свисающими из-под шапки, хватался за Ликины руки длинными пальцами с желтоватыми ногтями и кончиками – в краске он бродился, что ли? – и бормотал себе под нос, что всё, как и должно быть.

– Итак, что я вижу, господин де ла Мотт. Кстати, где его высочество? С ним бы я тоже поговорил. Деточка, сходи и пригласи его сюда, – кивнул мужик Жакетте, та подскочила и выбежала наружу. – Так вот, о самочувствии госпожи. Госпожа совершенно здорова, что очень приятно – по сравнению с прошлой нашей встречей. Исключая последствия неумелого применения магической силы, имевшее место – когда?

– Вчера, – кивнул Орельен.

– Ещё суток не прошло?

– Нет.

– Тогда всё сходится. Деточка, – это уже Анжелике, – расскажите, как вы себя чувствуете.

– Херово, – честно прошептала деточка, потом спохватилась. – В смысле, очень плохо. Голова кружится, тошнит. А они ещё есть меня заставили.

– Правильно сделали, – кивнул мужик, потряхнув волосами. – Было бы ещё тяжелее. Сейчас я вас немного подпитаю, а Орельен посмотрит, как это делается. Конечно, у него нет целительской силы, но вдруг у кого-нибудь она есть?

– Так у Жакетки ж вроде есть, – пробормотала Лика.

– Точно, – кивнул Орельен. – Сейчас она вернётся, и тогда вы сделаете, хорошо?

– Девушка, которая пошла за его высочеством? Надо её повнимательнее рассмотреть, надо же, целитель!

Жакетта придержала дверь Принцу, и тихонько просочилась следом.

– Ваше высочество, – целитель поклонился и даже помахал шапкой, волосы от того стали совсем лохматыми. – Рад видеть вас в добром здравии, а также и вашу наречённую. Деточка, это ты – целительница? Иди-ка сюда, посмотри на твою ауру.

Он взял Жакетту за руку, вытащил из-за спины Принца и внимательно оглядел.

– Что не так с Жакеттой? – Лика даже приподнялась на постели.

– Господин Сен-Реми не сделает ей ничего плохого, поверь, – Орельен силой уложил Лику обратно.

– Деточка, ты кто и откуда? – расспрашивал тем временем целитель. – Надо же, вижу бытовую магию, вижу стихийную, целительской и вправду пока немного, а что тут у нас ещё? Ментальная, надо же!

– Я из Безье, – тихонько сказала Жакетта.

– Кто твои родители?

– Я дочь прачки, а отца своего я не знаю.

– Видимо, в нём все и дело, – вздохнул мужик. – Больно уж любопытная смесь вышла. Но это всё не имеет никакого отношения к нашему вопросу. Что ты знаешь о собственно целительстве?

– Очень мало, – ответила Жакетта. – Умею снять боль, убрать синяки и припухлости от ушибов, залечить царапины и ссадины, могу немного облегчить неудобства от больных суставов.

– Уже хорошо. Давай сюда руку и смотри, что я буду делать с госпожой де Безье, – мужик одной рукой взял Жакетту, а второй – Лику. – Нужно немного подпитать твою госпожу, чтобы она хотя бы на ноги смогла встать сама.

В общем, ничего не происходило, и Лика закрыла глаза. Все молчали, и она почти было задремала снова, но мужик заговорил.

– Понимаешь, так ведь? Вот сюда. И ещё сюда. И ещё вот так, – тут он как возьмёт да как надавит Лике на какую-то точку в ладони, и это оказалось так больно, что Лика взвизгнула и проснулась окончательно.

– Эй, вы чего творите? Так-то больно вообще-то!

– Всё-всё, уже ничего не творю, – мужик отпустил и Лику, и Жакетку. – Как тошнота?

– Прошла, – Лика с удивлением обнаружила, что так и есть.

– Вот и отлично. Так, а теперь ещё один важный момент. Все маги, никто в обморок не упадёт. Ваше высочество, отчего вы не поможете вашей невесте восстановить силы? Вы ведь уже были с ней близки, так что останавливает вас сейчас?

У Принца сделалось такое лицо, что Лика подумала – сейчас-то он въедливого старикашку и пришибёт. Нахрен пришибёт, от того и мокрого места не останется.

– Господин Сен-Реми, – начал он, но тот перебил.

– Ваше высочество, мы говорим о самой естественной вещи на свете. Когда вы приглашали меня к госпоже Анжелике в прошлый раз, она, несомненно, была девицей. И раз вы решили, как решили, то это дело ваше. Но мой долг как целителя указать вам на то, что сейчас и от вас зависит – как скоро госпожа восстановится после магического отката. А дальше вы уж как-нибудь сами.

Из этого заявления Лика поняла только то, что старый хрен углядел во время осмотра что-то лишнее, но как?

– Я услышал вас, господин Сен-Реми. Что-то ещё?

– Я запустил процесс при помощи этой очаровательной барышни, теперь дело за молодым и здоровым организмом госпожи Анжелики. Барышня, к слову, сможет помочь ещё и ещё. Но с вашим участием, господин герцог, дело пойдёт быстрее. А теперь я, с вашего позволения, хотел бы отправиться обратно, и буду весьма благодарен виконту, если он откроет мне портал.

Орельен открыл портал прямо здесь. Господин Сен-Реми поклонился им всем, шагнул в него и исчез.

23. Дурацкая магия

Ещё портал не растворился в воздухе до конца, а Принц уже подскочил к Лике и схватил её за руку.

– Вы невозможная, кошмарная и непредсказуемая. Зачем вы дали повод думать обо мне дьявол знает что?

Лица не въехала, что за предьява. Но сил ругаться не было.

– Извините, я не в теме, – закрыть глаза, и ну его.

– Где вы там гуляли, у себя дома? Почему мне теперь каждый пришлый лекарь будет этим тыкать в нос?

– Анри, спокойнее, – Орельен взял его за плечо. – Господин Сен-Реми всё знает о человеческом теле, но ничего не знает о лжи. Ты думаешь, было бы лучше, если бы он понял, что перед ним – другой человек? А второго столь же хорошего целителя я просто не знаю.

– А он не видит лжи? – нахмурился Анри.

– Нет, – улыбнулся Орельен. – И в этом наше счастье. Он целитель, и всё. Очень могучий целитель, который во всякой другой магии – обычный человек. Поэтому пусть он думает про тебя, что хочет.

– Он же расскажет, кому попало!

– Кому попало – не расскажет. Не дурак. Всё же, его клиенты – не последние люди, если бы он обо всех всё рассказывал – его бы уже в живых не было. А если кто вдруг и узнает о том, какая великая любовь связывает Анри Лимейского и Анжелику де Безье – так пусть восхищается. Да и вообще, Анжелика красива, и что тут такого? Ну подумаешь, не стал дожидаться свадьбы. Она уже в твоём доме и под твоей защитой.

– Вот именно, должна быть под защитой. А выглядит так, будто я её специально до свадьбы к себе притащил!

– Не всё ли тебе равно, как это выглядит? Ты и так достаточно безупречен, – рассмеялся Орельен.

– Я не хочу, чтобы «достаточно». Я хочу, чтобы во мне не сомневались ни друзья, ни враги, – Принц развернулся на каблуках, вышел и хлопнул дверью.

Лица слышала этот спор и не могла понять – о чём они вообще, гады такие? Открыла глаза, увидела перемигивающихся Орельена и Жакетту.

– Может вы того, объясните, что происходит-то? Какая муха его укусила? Что ему опять не так? – мужчины, которым всё не так, внушали Лике недюжинные опасения.

Не только мужчины, парни тоже.

Орельен подтащил кресло, поставил возле Ликиной кровати и сел. Жакетта пристроилась в ногах с краю постели.

– Анжелика, как верно было замечено, здесь все – маги. Что ты знаешь о магии?

– Что у вас она есть, а у нас – нет.

Нет, Лица, конечно, читала сказки, а после – и фэнтези, смотрела фильмы и даже немного играла в игры, где среди персонажей встречались маги. Ещё как-то раз в гараже толпой играли в игру-водилку. Одноклассник Мишка суперски умел придумывать истории по мотивам прочитанного и посмотренного, и он был за главного, а остальные – за каких-то придуманных персонажей, Лица как раз – за крутую магичку. Мишка вёл историю, а все они как-то реагировали на происходящие приключения. Было весело, они так месяца три развлекались. Что характерно, системы магии везде были разными, в каждую, по-хорошему, нужно было въезжать. И где-то даже что-то знать про свойства разных веществ и того нелегче – что-то считать! Неужели здесь тоже придётся?

– Может быть, ты просто ничего о ней не знала, потому что не сталкивалась? – усомнился Орельен.

– Да-да, а к вам попала и тут же начала сталкиваться, да так, что мимо не пройдёшь, – буркнула Лика. – У нас только шарлатаны и идиоты, которые тем шарлатанам верят и деньги таскают, да и всё. Ну, ещё сказки рассказывают и кино снимают.

– Ну смотри, у вас ведь тоже светит солнце? Растут деревья и цветы? Дует ветер? Снег-то точно идёт, я сам видел!

– Да ну нахрен, это же – просто природа, что в ней может быть магического, сам подумай?

– Так магия – это природная сила и есть. Просто раньше ты её не чувствовала, а теперь – чувствуешь, – Орельен не сдавался. – Скажи, ты умеешь разводить костёр?

– Ну, – чего там уметь-то, Лика и вправду разводила костры лучше всех в их компашке, даже в дождь и в сомнительных местах.

Дрова рубила хреново, и вообще у парней лучше получалось. А вот костёр всегда был на ней – развести и поддерживать.

– А плавать умеешь?

– Конечно, что там не уметь-то, – Лика всё ещё недоумевала.

В бассейн она ходила ещё до школы, потом забросила, но когда стали летом с пацанами на водохранилище купаться, оказалось, что умное тело всё помнит.

– А дождь вызывать не пробовала?

Да нахрен он нужен, дождь-то?

– Только песней, но это песня такая, я там не при чем.

Песню эту даже старались лишний раз не петь при хорошей погоде – чтобы не испортить, особенно в лесу.

– Вот видишь? У тебя и дома была такая склонность, просто твой мир от нашего сильно отличается. И теперь ты можешь не только чувствовать, а ещё брать и преобразовывать. Стихийные маги чувствуют природу, целители – человеческое тело, ментальные – человеческий разум.

– А душу? – усмехнулась Лика.

– А душу только господь бог, не знаешь, что ли?

– Я ничего не знаю, привыкните вы уже наконец, или как? Но ты давай, не переключайся, рассказывай дальше.

– А что дальше? Дальше тебе надо восстанавливать силы и учиться ими пользоваться. Они из тебя полезут, а ты будешь тренироваться владеть ими.

– Полезут – это как вчера?

– Точно, как вчера.

– Вчера было страшно. Я как будто совсем себя не контролировала.

– Не как будто, а так и было. Пробудись твои силы десять лет назад – было бы проще. А так – очень много накопилось. Если бы не Жан-Филипп, ну и не я тоже – было бы хуже.

– Был бы ядерный взрыв? – усмехнулась Лика.

– Ядерный – это какой? – тут же уцепился за незнакомое слово Орельен.

– Да я всю физику уже забыла, – пожалала Лика плечами, – так-то она нахрен нужна, в жизни-то. В общем, сильный. И с кучей последствий. А боевая магия – это куда?

– Это когда сила применяется для поражения противника. Но не всякая сила тебе сгодится – например, целительская не поможет, или сила жизни – тоже. Кстати, сколько-то магии жизни у тебя, скорее всего, есть.

– Сколько-то – это сколько? И зачем эта магия жизни нужна? Оживлять?

– Нет, оживлять не выйдет. А поддерживать жизненную силу в ком-то больном или раненом – сгодится. И сколько – непонятно пока. Увидим. То есть, покажем кому-нибудь, кто увидит. Я-то не вижу, и Анри тоже, и Жан-Филипп. Жакетта, а ты не видишь?

– Нет, – покачала та головой. – Я же слабосильная.

– Неправда, – не согласился Орельен. – Ты очень даже хороша, я ещё вчера почувствовал. Тебе тоже нужно тренироваться. Ты поняла, как господин Сен-Реми запуская восстановление для Анжелики?

– Да, вполне.

– Вот, через некоторое время советую попробовать так же ещё раз. Нужен будет резерв силы – зови, поделюсь.

– Спасибо, – Жакетта вытаращилась на него, как будто он сказал что-то удивительное.

– Но вы ведь так и не объяснили мне, чего дёрнулся ваш Принц, – нахмурилась Анжелика. – Это была системная ошибка или сиюминутная придурь?

Жакетта и Орельен переглянулись.

– Понимаешь, он очень хочет быть достойным героем, как в балладе. А такому герою не положено соблазнять невесту до свадьбы, – пояснил Орельен.

Но так-то это ничего не объясняло.

– Но он же и не соблазнял?

– Господин Сен-Реми видел и умершую Анжелику, и тебя. И он способен уловить разницу между вами в этом вопросе. И уж конечно, ему и в голову не пришло, что до невесты герцога Лимейского мог дотронуться кто-то помимо него самого.

Лица не сразу уложила в голове сказанное, а когда уложила, то поняла – нет, не сиюминутная придурь. Системная ошибка. Тьфу, блин.

– Но тут я, извините, ему ничем не помогу, – почему-то разъяснения ухудшили и без того нерадостное настроение. – Сам пусть разбирается со своими тараканами.

– С чем? – не понял Орельен.

– Да тараканы в башке у вашего принца, ясно? Жирные и усатые, и лапками шевелят, понятно?

– Нет, – ему было непонятно, но смешно, по ходу – представил содержимое принцессой башки.

– Ну и хрен с ним. А сейчас можно мне поспать? И чтобы никто не будил и по комнате не шаркался?

– Можно, – улыбнулся он. – Не будем тебе мешать.

Они ушли, а Лица так и не смогла собрать себя в кучу – дурацкий мир, дурацкий замок, дурацкая магия, дурацкий принц. Дурацкое всё.

Но потом организм одолел, и она уснула.

24. Перемирие

Анри чувствовал себя последним идиотом.

Наверное, нужно было принимать удары судьбы с достоинством, и не пытаться переиграть – ни судьбу, ни дядюшку Жилия. И не играть в господа бога, пытаюсь спасти какую-нибудь несчастную душу. Потому что спасти-то спасли, да вот что же дальше? Мало того, что она нуждается в серьёзном обучении всему, так ещё и эта магия!

Конечно, глобально друзья правы, магические силы у невесты – это подарок судьбы и высокий шанс на рождение магически одарённых наследников. Но почему бы ей не выдать немного бытовой магии, например? Или, хотя бы, целительской? Для чего женщине огонь? Конечно, ещё может, что окажется сильная земля, тогда будет цветочки выращивать в оранжерее. Или, если будет неплохая вода, как у тётушки Катрин – то пусть делает в замке систему водоснабжения, тётушка у себя во Вьевилле неплохо устроила. А какое применение можно найти в хозяйстве столь сильному огненному дару – Анри не представлял. Но очень хорошо понимал, что применить надо, эту девицу вообще нужно постоянно чем-то занимать, иначе она всё тут разнесёт просто от скуки. Ну и от бесконтрольной магической силы тоже, конечно.

Пусть уже встаёт на ноги. Анри переговорил с господином Перро, его наставником в общих науках, и с управляющим господином Греви – чтобы занимались с ней делом. И пусть она только попробует сказать, что не может, или не хочет, или не будет. Сможет и будет.

И ещё пускай Орельен учит её магии.

Откровенно говоря, Анри девицу жалел. Потому что мог представить, как ей сейчас плохо. У него самого магические силы пробудились достаточно поздно – в двенадцать лет, отец уже и не надеялся. И было ему ох как худо, а приглашённые маги все, как один, твердили – это потому, что мальчику уже тринадцатый год, чем раньше это случается, тем легче дети переносят стихийную вспышку и откат после неё.

И то – он-то парень, и магических сил у него не сказать чтобы много, а она? Девчонка, и едва не пришибла своим всплеском Жана-Филиппа, а того вообще мало чем можно пробить. Нет, её обязательно нужно учить. Орельен сказал, что помнит, с чего начинают, вот пусть займётся.

Мысли сделали круг и снова вернулись к Анжелике и её магическим силам.

И дело было в том, что с одной стороны свалившаяся на них дева не вызывала никаких добрых чувств. Невоспитанная и грубая. Ничего не знающая о том, как должно поступать приличному человеку. А с другой стороны, она презрительно волновала Анри.

Когда стараниями госпожи Антуанетты и Жакетты девица приняла подобающий вид, да ещё замолчала – она оказалась необыкновенно красивой. Ну да, он любит, чтобы попышнее, но это – дело наживное. Высокие скулы, изящный подбородок, нежная кожа, изумрудные глаза – всё это оказалось точно таким же, как у прежней Анжелики, в которую Анри всё же, как сейчас понимал, успел немного влюбиться. А когда она сверкает глазами – молча! – то выглядит привлекательно и вдохновляюще. Наверное, ей очень пойдёт лёгкий румянец – от танцев ли, от конных прогулок – к её-то алым губам!

И правду говорит господин целитель, отчего бы не попробовать эти губы на вкус? Она – его, и обряд – дело времени. Может быть, им так будет проще привыкнуть друг к другу и принять неизбежное? Да, он предполагал, что его супругой станет девушка совсем другого характера, но вышло-то так, и не просто вышло, а они сами это устроили.

И более того, будет хорошо, если он поможет ей восстановить силы после магического отката. Это дело определённо доброе и благое, глядишь, к утру уже поднимется, а так и вправду ведь может неделю лежать, а у них и без того мало времени!

Анри глянул на играющих в шахматы друзей. Жан-Филипп выигрывал, Орельен жульничал, но ему не помогало – противник видел его ходы наперёд и не поддавался на провокации вроде упавшей фигуры или предложения выпить, а потом продолжить. То есть – пил, и продолжал, и всё равно выигрывал. Орельен жалобно вздыхал, взывал к милосердию, рассказывал какие-то уморительные истории, подхваченные не то на кухне, не то меж гостей, но Жан-Филипп не вёлся.

– Нет, ты представляешь, епископ Фуши, вот этот боров размером как три меня, и получил наследство от собаки?

– Ты ври, да не завирайся, – глянул на него с усмешкой Жан-Филипп. – Какое ещё наследство от собаки?

– Представь себе, что где-то неподалёку отсюда один деревенский священник держал собаку. И такой умной была та собака, что не мог хозяин на неё нарадоваться. От воров охраняла, еду добывала, вещи пропавшие находила, прямо золото, а не собака. Одна только беда – старая была, и как срок ей пришёл – померла. И схоронил её тогда хозяин в дальнем углу кладбища, потому что был уверен – есть у неё живая душа, и хорошо ей будет в освященной земле. Да только люди-то вокруг злые и завистливые, они и пожаловались епископу – мол, последний ум потерял, хоронит собаку в освящённой земле! Велел епископ Фуши тому священнику явиться к нему. Тот понял, в чём дело, да и задумался – как ему быть-то теперь? Решил, что погорячился он с собакой, взял лопату и пошёл её обратно выкапывать. Раз ткнул лопатой в землю, а там будто лежит что-то. Наклонился посмотреть – и нашёл увесистый кошель с золотом. Взял священник то золото, треть отложил на нужды прихода, треть взял себе, потому что у его дома крыша давно протекала, а треть взял с собой, когда сел на своего осла и отправился к епископу. Тот принялся его ругать, на чём свет стоит, а священник и говорит – всё так, ваше преосвященство, грешен я, и собака моя – тоже, да вот только она оставила завещание, и по нему вам полагаются эти полсотни золотых – и выложил кошель на стол. Наш Фуши так обрадовался, увидев золото, что тут же позабыл, зачем звал к себе того беднягу, и отпустил его восвояси, решив, что такая собака достойна лежать в освященной земле. Сам слышал сегодня эту историю своими ушами, вот тебе крест! – и Орельен истово перекрестился.

– Мне крест, а тебе шах, – усмехнулся Жан-Филипп.

Анри тоже посмеялся и выскользнул из гостиной.

К счастью, Жакетта встретила его в коридоре, с подносом.

– Как чувствует себя госпожа Анжелика?

– Ещё слаба, монсеньор, – вздохнула девчонка. – Спала, проснулась, я уговорила её немного поесть. И полечила магией.

– Я навещу её. Принеси нам вина, – и кивнул, отпуская её идти дальше.

– Да, монсеньор, – Жакетта поклонилась и шустро убежала.

А Анри направился в спальню Анжелики. Постучался – тихо. Открыл дверь, вошёл.

Видимо, пару неярких магических шаров над кроватью засветила Жакетта. Это совсем несложно, но для такого действия нужны и силы, и умения, а у Анжелики пока их нет.

Девушка сидела, опершись на подушки, в руках у неё был таинственный оживлённый Орельеном артефакт, она водила по нему пальцем. Короткие волосы не спадали на плечи волнами, а торчали во все стороны, но было в этом что-то... милое, вдруг с удивлением понял Анри. Изящные плечи и ключицы в обрамлении тонкого кружева были видны из выреза сорочки.

– Добрый вечер, госпожа Анжелика, – Анри поклонился, снял шляпу, положил её на сундук, сел в подставленное к кровати кресло.

– Добрый вечер, – она подняла на него свои невероятные зелёные глаза, но артефакта из рук не выпустила.

Может быть, дикую девушку удастся приручить, если спрашивать о ней самой?

– Что там у вас? Этот предмет напоминает вам о доме?

– Точно, – она говорила тихо и горько. – Ещё недели не прошло, а меня уже заела ностальгия. Приходится всё время говорить себе, что там бы я сейчас тоже не жила.

– Все в господней воле. Иначе нам не удалось бы найти вас и перенести сюда.

– Наверное, – пожала она плечами, и вдруг спросила: – Хотите посмотреть?

– Не откажусь, – кивнул он и принял из её рук прямоугольный светящийся артефакт.

Появилась Жакетта, принесла кувшин с вином и серебряные кубки. Поклонилась и ушла.

Внимание Анри привлёк рисунок – очень много воды, наверное, это море, каменистый берег, деревья на берегу. Ровная водная гладь, а далеко впереди – видимо, другой берег.

– Чтобы смотреть дальше, проведите пальцем, вот так, – она ловко чиркнула подушечкой пальца по светящейся поверхности.

Картинка сменилась – тот же берег, но немного по-другому нарисованный.

– Это море? – он взглянул на неё.

– Нет, озеро. Просто очень большое. И в нём очень вкусная вода. На море я никогда не была.

– Вы там жили?

– Нет, ездила. Отдыхать. И в поход. Ну, когда идёшь где-то в красивом месте и несешь с собой всё, что тебе нужно – палатку там, спальник, еду.

Про поход было понятно, но что в таком походе делать даме?

– А вы зачем туда пошли? В поход?

– Ну как, красиво же. Есть места, куда не доехать на транспорте, а только дойти ногами.

Мы с друзьями ходили.

Ходить в красивые места – это, в общем, было понятно. Но Анри не особенно обращал внимания на красоту природы вокруг себя, его намного больше вдохновляли рукотворные красоты.

Он попытался провести пальцем по поверхности, картинка дрогнула, но не сменилась.

– Да нет, не так, – она, не церемонясь, взяла его за палец и провела им.

Получилось. Он улыбнулся, перехватил её руку и глянул на неё.

Анжелика смотрела настороженно, но руки не отнимала. Хорошо. Можно поцеловать сначала пальцы, потом ладонь.

– Благодарю вас, вы замечательно умеете объяснять, – улыбнулся он ей.

Она выдохнула, вот прямо выдохнула. Бойтся? Неужели боится? А зачем его бояться-то?

– Да тут всё просто так-то, – смутилась она.

Можно было уже и продолжать, но Анри решил не торопиться и перевёл взгляд на артефакт. И чуть не задохнулся.

Там была изображена она, Анжелика. Раздетая. Совершенно раздетая, не считать же за одежду три зелёных клочка ткани – два на груди, и один – там, снизу. И это было посильнее любых торчащих из сорочки плеч, потому что все изгибы её стройного тела – вот они, напоказ. Она стояла на носочках на большом камне и тянулась вверх, как будто хотела достать что-то с неба.

Анри взглянул на неё, сглотнул. Сидит, смотрит, как ни в чём не бывало.

– Скажите, кто вас так изобразил? – выдавил он из себя.

– Лёха фотал, – пожала она плечами. – Друг. День был жаркий, и мы купались, а вообще там вода очень холодная, не сильно-токупаешься. Ну как купались – забежал, выбежал. Или долго входишь в воду и привыкаешь к температуре, потом можно хоть полчаса там сидеть. Ну да, фотка удачная получилась.

– Вы... проводили там время с этим другом? – может, у них таков ритуал любовной игры?

– Да толпой мы там время проводили, – рассмеялась она. – Дальше на фотках все остальные.

Анри провёл пальцем по поверхности – точно, много людей. Ещё три девушки, и одеты подобным образом – в клочки ткани. И десяток молодых людей, тоже раздетых, и на них что-то вроде брэ, разноцветных и облегающих.

– Вы там что, вот прямо так и ходили? – изумился он. – Прилюдно?

– Да мы просто купались, – рассмеялась она. – Это одежда такая, типа специальная. Чтобы потом быстро сохла. В ней купаться и загорать. Если на улице жарко, то мгновенно высыхает.

– Одежда? – не поверил Анри. – Простите меня, Анжелика, но где вы здесь увидели одежду?

– Да ладно, нормальные купальники, у меня так даже не стринги, а приличные трусы.

– Вы очень красивы в такой... одежде. Скажите, у вас дома был жених?

– Скажете тоже, жених. Он мне зачем, в восемнадцать-то лет? У меня были друзья, много, и был парень, один раз и недолго, и всё.

– Простите, а какая разница между парнем и друзьями? – не понял он.

Она вздохнула.

– Ну как, друзья – это просто друзья, даже если ты с кем-то из них иногда спишь, по дружбе. А парень – это вот прямо твой парень, вы встречаетесь. Эксклюзив. А если не эксклюзив, то пошёл... далеко.

Он уловил эту заминку, успел внутренне содрогнуться, понимая, что она сейчас скажет, и едва ли не выдохнул с облегчением, когда она завершила фразу. Понимает и умеет. Не безнадёжна.

Анри попробовал провести пальцем в обратную сторону. И ура, получилось – там снова была она, только она одна. Вдохновляющая и прекрасная. Нет, он бы никогда в жизни не позволил даме из своей семьи ходить так вот по улице, но господи боже, как же это красиво!

Он отложил артефакт, дотянулся до столика, разлил вино. Привычно выполнил несложную манипуляцию, потом подал ей один из бокалов.

– Давайте заключать мир?

Она взяла, оглядела его, бокал, а потом неуверенно кивнула.

– Ну... хорошо. Давайте.

Пустые бокалы были отставлены, Анри пересел на её постель, осторожно взял её руку.

– Вы невероятны, Анжелика. Самая утончённая красота, которую я встречал. И сплошные загадки.

– А вы, наверное, неплохой парень. Вас можно называть Анри? Вы не подумаете, что я хочу чего-то не того?

– Буду рад слышать из ваших прекрасных уст своё имя, – улыбнулся он. – И если вы позволите, буду рад немного помочь вам восстановить силы.

– Ну хорошо, помогайте, – она смотрела растерянно и всё время переводила взгляд с его лица на руки, и обратно.

Анри дотянулся и поцеловал её.

25. Оказалось – показалось

Ли́ка проснулась с ощущением чуда – как после очень хорошего сна. Бывало такое иногда – сны-сказки, о том, как она побеждала всех врагов и совершала что-то необыкновенное, и о хорошем друге рядом, или даже не друге, а в сто раз лучше... Правда, в жизни она ни разу пока не встретила это самое «в сто раз лучше», но кто ж сказал, что его не бывает?

А потом она вспомнила. Как накануне вечером пришёл Принц, и даже ради разнообразия вёл себя не как важный дурак, а как человек, с ним иногда случается. Было смешно, когда он увидел её фотку в купальнике, вот прямо реально смешно – ну да, в здешних условиях так не походишь, и под мотками ткани фигуру фиг разглядишь. Хотя как, у того же Принца очень ничегошный разворот плеч, мощный, и осанка, и хозяйский взгляд. И глаза красивые, синие. И сильный он – когда она после магического всплеска не могла пошевелиться, легко взял и утащил на постель. Только «на», не «в». В тот раз. Потому что вчера получилось то самое «в», хрен знает, как оно так вышло. Он настаивал, а у неё не было ни сил, ни желания возражать.

И снова было смешно – он в своей сотне одежек, это вам не ремень расстегнуть и стянуть джинсы с трусами вместе. Она-то была почти ни в чём – ночнушка да трусы, и то он трусам долго изумлялся. Думала, ещё про татушки скажет, но он их, по ходу, не заметил. Спины её не видел, не дошло до того, нога тоже далеко, а на руку не обратил внимания. У неё же вышел такой экспресс-курс – раздень здешнего парня, называется. Расстегни его куртку – называется дублет, и стопятьсот пуговичек спереди и на рукавах, красивые пуговички, серебряные, ажурные. Развяжи шнурки, которыми штаны к куртке привязаны – иначе потерял бы, наверное, у тех штанов нормального пояса нет, и ремень вставить тоже некуда. Ремень-то был, кстати, но тонкий, с тиснёным рисунком и как бы не золотыми кончиком и пряжкой, и люверсами вокруг дырочек, и на нём – нож, нет, не нож, кинжал. Красивый, с камушками в рукояти, Ли́ка попросила посмотреть, он разрешил – но недолго, потому что потом снова стал её целовать. Целуется он классно, что уж. Как будто знает во рту кучу кнопочек, куда нажать, чтобы голова-то и отключилась. Ну, у Ли́ки и отключилась. Настолько отключилась, что она сама была готова искать на нём чувствительные местечки и кнопочки, хотя вовсе и не собиралась. Нет, вышло отлично, и потом, после всего, он ещё и обнял её, и остался с ней... А потом она уже спала, и дальше были только хорошие сны.

Холодная мысль о том, что вчера она переспала с парнем и ни хрена при этом не предохранялась, заставила подскочить на постели. Вашу ж мать, вот он задурил-то ей голову, ну она ему сейчас покажет по первое число!

Однако, рядом с ней в постели шурилась Жакетка – обычная, нормальная Жакетка, а никакой не Принц.

Стоп. Так ей что, вообще всё приснилось?

– Госпожа Анжелика? С вами всё хорошо? – встревожилась Жакетка.

– Не знаю. Что вчера было?

– Вчера? – не поняла та.

– Ну да, вечером. Здесь правда был Принц, или мне приглючилось?

– Да, его высочество был здесь, всё верно, – кивнула Жакетка.

– И куда делся?

– Наверное, к себе пошёл.

– А зачем? – Ли́ка не понимала, вот совсем не понимала.

Одно дело – когда у тебя даже своей комнаты нет, или есть, но стены у неё все равно что картонные и слышен каждый вздох, не то, что каждое слово. Там да, где свезло, там и

того, и потом разбежались. Но когда у тебя целый замок, и он весь твой со всеми толчками и дымоходами, то от кого шкериться-то?

– Ну как – чтобы утром камердинер и управляющий нашли его на месте, – по ходу, Жакетка тоже чего-то не понимала.

– Или он не хочет, чтоб знали, что он, ну, спит с невестой до свадьбы?

Наверное, у них вообще нельзя? До свадьбы-то?

– Да, его высочество всегда поступает так, как должно, и лучше, чтобы сплетен не было.

Но вы ему нравитесь, и ещё он хотел, чтобы вы быстрее восстановили силы.

– А силы-то тут причём? – Лица продолжала ничего не понимать.

– Так это же первейший способ, – сообщила Жакетка. – Для магов-то.

О как. До свадьбы нельзя, но восстановить силы – можно?

– Постой. Значит, чтобы восстановить силы, надо потрахаться? И Пират тогда, когда я его приложила, Мари с собой зазвал, чтобы типа полечиться? И ты так же силы восстанавливаешь?

– Я так сильно не теряю, – опустила глазки Жакетта. – Во всяком случае, здесь. А вы сами ещё неделю бы лежали, а сейчас уже, смотрю, бежать готовы.

– Ну, готова, да. И ещё готова ему по шее дать.

– За что? Он плохо с вами обошелся? Вам не понравилось? – Жакетка как будто не поверила.

– Да нет, всё хорошо. Но скажи, вы ведь не умеете предохраняться? От беременности? – пояснила Лица, увидев очередное недоумение на лице Жакетты.

– Почему это не умеем? Умеем. Его высочество разве не сделал вам с ним зелье? Вино я приносила по его просьбе, – Жакетта скатилась с кровати в свою сторону, взяла со столика стоявшие там с ночи бокалы и понюхала.

Лица задумалась. Вообще, Принц давал ей это вино в бокале, да, но делал ли он с ним что-нибудь? Откровенно говоря, она просто не обратила на это внимания.

– Ну, мы пили вино, из бокалов, было дело, и что?

– Судя по тому, что я вижу – всё в порядке. Он не потерял головы настолько, чтобы забыть. Ничего не будет, не беспокойтесь.

– Постой. Ты думаешь, он умеет как-то по-хитрому магически предохраняться?

– Все маги умеют, это просто, – пожалала плечами Жакетта.

– И ты умеешь?

– Конечно. Этому сразу учат.

– Меня научишь? – надо сразу разобраться, что к чему.

Вообще Принц вчера был котиком и зайкой, но сбежал же потом! А котика, который сбежал, доверия нет.

– Научу, но вы сначала на ноги встаньте, – кивнула Жакетта.

– Так я уже, – Лица без проблем сползла с кровати на пол.

Некоторая слабость ещё сохранялась, но в целом ноги держали. Не то, что вчера. И позавчера. Значит – можно вставать, умываться, одеваться и идти. Припирять Принца к стенке и спрашивать – что это было? Или сам скажет?

Лица даже согласилась не надевать свои многочисленные серёжки, а надеть небольшие жемчужные капельки. Но у неё нашлась малахитовая брошь – в косметичке, её можно приколоть на лиф платья, и будет крутотень. Жакетка тоже одобрила. Лица ещё и ресницы накрашила – совсем чуть-чуть, но Жакетка аж рот раскрыла, сказала, что очень красиво. Лица счастливо улыбнулась и сказала – будет надо, говори, тебе тоже накрашим.

Туанетта явилась узнать, как Лица сегодня себя чувствует, и очень обрадовалась, увидев, что та встала, оделась прилично и готова выходить.

Лица же чувствовала себя во главе маленькой армии – и подхватив Туанетту под руку, от чего та сначала дёрнулась, направилась в гостиную его высочества. Жакетта показывала путь

– Лика же так до сих пор и не знает ничего об этом чертовом замке, надо уже походить по нему и осмотреться.

В гостиной нашлись все трое – и Принц, и его друзья. Похоже, Пират тоже в порядке – только зевает. Орельен увидел их и радостно завопил:

– Смотрите, смотрите, госпожа Анжелика встала на ноги! Ура!

– Воистину ура, – пробормотал Пират тихонько, но Лика услышала.

Захотелось показать ему язык, или треснуть по башке, но тут к ней обернулся Принц.

– Доброе утро, – Анжелика сделала реверанс, как учила Туанетта.

Он смотрел на неё с некоторым изумлением. Думал, она необучаемая дура? А вот и нет.

– Доброе утро, госпожа Анжелика, – он тоже поклонился.

Ну, а дальше? Что, так и будет стоять и смотреть? Может, хотя бы подойдёт и за ручку возьмёт?

Но он не торопился подходить и брать за ручку. Он позвал слугу, распорядился подать завтрак на пятерых, и предупредить какого-то господина Перро, что после завтрака он будет нужен – как договаривались. И кивнул на свободные кресла – Анжелике и Туанетте разом.

Кресла отставил Орельен, он же, спросив у Принца взглядом разрешения, взял ладонь Анжелики и стал надавливать на разные точки, и на кончики пальцев.

– Анжелика, ты практически в порядке.

– Ты же не целитель? – нахмурилась Лика.

– Но целостность организма увидеть могу. И для всех нас это очень хорошая новость.

За завтраком Принц сидел рядом, но уделял Лике ничуть не больше внимания, чем Туанетте. Подать, передать, поблагодарить. Она-то то и дело пыталась поймать его взгляд, коснуться руки – но он не реагировал. Лика даже не заметила, что там она ела, не до того было.

После завтрака он распорядился – госпоже Анжелике пойти в библиотеку. Так-то она и сама была не против пойти в ту библиотеку, и вообще пройтись по замку, но можно было хоть пару слов ей сказать! Спросить – как она вообще. Улыбнуться, в конце-то концов.

Ну, то есть, в Ликиной жизни встречались парни, которые наутро были – вот так. И значило это, что «спасибо, хорошо, останемся друзьями». Но тут-то какие друзья, он же типа жениться на ней хочет! А какой тут жениться, если слово доброе сказать не получается?

Лика подумала и решилась на отчаянную попытку. Дождалась, пока Пират и Орельен отвлекутся на какой-то разговор с Туанеттой, и подошла к Принцу.

– Монсеньор... Анри! – сам разрешил, в конце-то концов!

– Да, госпожа Анжелика? – обернулся он к ней. – Вы что-то хотели?

Взгляд его не выражал ничего особенного, ну, так, кто-то левый мимо шёл и обратился.

– Нет, извините, – замотала она головой. – Ничего.

Пробежала мимо и со всех ног, задрав неприлично юбку, понеслась в свои комнаты. Хорошо, почти не заблудилась, всего лишь раз попала не в тот коридор.

Разревелась уже в спальне. Размазала по подушке всю тушь к хренам. Ну и зачем было к ней приходить, если на самом деле она ему ничуть не нравится? А если нравится – то почему бы не сказать ей что-нибудь хорошее, только ей, никому больше? Она же не просит, чтобы он был только с ней, она понимает, что принц – человек занятой. Но весь прежний опыт говорил, что если наутро парень не хочет даже улыбнуться – то туши свет и не вспоминай. Типа, ничего не было. Ну да и ладно, но зачем тогда на ней жениться?

Прибежала Жакетка, заохала, попросила кого-то принести воды. Пришла Туанетта, оглядела место действия и велела Жакетке привести Лику в порядок. Умыть и переодеть, потому что в библиотеке ждёт господин Перро, его высочество распорядился.

Лика прорыдала, что господин Перро пусть идёт в жопу, хоть прямо вместе с библиотекой, хоть по отдельности. И пусть прихватит с собой по дороге его высочество. И все остальные

пусть тоже стройными рядами идут туда же. А если Туанетта не хочет туда идти – ну, ничего личного, да? – то пусть остаётся, ладно, но только молчит.

Но Туанетта была въедливой, и принялась расковыривать – что же, собственно, произошло. Жакетта, поганка, кто её просил-то, высказала подозрение, что дело в его высочестве. Который был тут ночью, а утром не сказал по тому вопросу ни слова.

Туанетта несказанно удивилась.

– А вы думали, вас начнут носить на руках? Как крестьянку? Его высочество отлично знает, как должен вести себя человек, который всегда – понимаете, всегда! – находится среди других людей. Когда вы поженитесь, у вас будут разные спальни, и он будет навещать вас, когда сочтёт это необходимым. Он не станет гулять с вами под ручку – у него есть более насущные нужды, поверьте. Вы ведёте себя, как ребёнок, это глупо.

– А я подумала, что нравлюсь ему, – всхлипывала Лика. – Может быть даже, что он любит меня, или полюбит потом.

В ответ она услышала, что любовь к браку не имеет никакого отношения, и откуда она, Лика, на них свалилась, если не представляет таких простых вещей! Браки совершаются из соображений разума и всеобщего блага, потому что это союз не столько двух людей, сколько – двух могущественных родов. И не Лике это изменить! И если у неё есть хоть капля разума – то и не ей об этом плакать.

Лика выслушала отповедь и отвернулась. Ну да, можно послать Туанетту далеко – ещё раз и лично. Но смысл?

Правда, ещё на один вопрос её, всё же, хватило.

– А если замуж из общего блага, а потом вдруг любовь? С кем-то другим, ясное дело, не с мужем?

– Если вы уважаете мужа и тот статус, что он вам дал – терпите. Если он обращается с вами по-человечески – терпите тоже. Потому что если вас застанут с любовником – то не поздоровится ни любовнику, ни вам.

Обсуждать что-то дальше Лика смысла не видела. Отвернулась и стала рыдать дальше. За спиной приходили, уходили, что-то говорили – она ничего этого не слышала. Ну, или слышала, но ей было по барабану. Пусть что хотят, то и делают. Ей всё равно.

– Да посмотрите, она не плакала даже тогда, когда поняла, что не сможет вернуться домой, и что здесь всё не так, как у неё дома, – торопливо говорила Жакетта. – Я понимаю, что это вроде как не моё дело, и пусть меня накажут, если что, но монсеньор зря госпоже даже не улыбнулся. Она же прямо нарядилась, и застёжечку красивую нашла, и в лице что-то подкрасила, да так, что глаз не отвести, а он что? Ему трудно ей что-нибудь доброе сказать? И не ругалась с утра, ни одного бранного слова не сказала – ну, пока он её не расстроил. Если вы не скажете – сама пойду.

– Нет, Жакетта, не надо ему ничего говорить, – Орельен, только его ещё не хватало. – Ты же видишь, какой он – сам, всё сам. Захочет – придёт и скажет. И сама не ходи, не зли его.

– Да мне дела нет, пусть злится.

– Кто тронет Жакетту – пожалеет, – отрезала Лика. – Урою, сожгу, ещё не знаю, что сделаю.

– Анжелика, ты меня слышишь? – Орельен сел рядом, взял её за руку. – Анри уехал, вернётся завтра. Просил, чтобы ты начала заниматься магией – и ещё с господином Перро.

– Не хочу я никакой магии и никаких занятий тоже не хочу, – прорыдала Лика.

– Ну хорошо. Как скажешь, – согласился он, но руки не отпустил. – Будем сидеть здесь. Жакетта, носи еды, вина, и что там ещё бывает.

– Ничего не надо. Иди отсюда. Ты ничего плохого мне не сделал, не заставляй говорить тебе гадости.

Пришлось повторить раза три, пока услышал. И Жакетку тоже выгнать.

Потому что здешняя жизнь повернулась такой стороной, что не хотелось видеть вот вообще никого.

26. Калейдоскоп

Антуанетта

Эта невозможная Анжелика просто выводила её из себя. Ну как так-то? Ну положим, у себя дома она не была благородной дамой, но всё равно она же видела какую-то жизнь и должна представлять, как в этой жизни всё устроено! Глупости какие – а если любовь, а если нелюбовь. Ну какая в браке может быть любовь? Любовь вообще отдельно от всего, и если вдруг настигла – то это великое господне чудо, которое не нужно мешать ни с браком, ни с постелью, ни с чем! Брак – это договор. Постель – это животное влечение. А любовь – это то, чего никто не видел, но все хотят, вот и говорят без умолку, и в стихах, и в прозе. Да что она вообще знает о любви, глупая девчонка!

Когда любишь – достаточно видеть объект своей любви. Хоть изредка. Знать, что он существует. Иногда, при случае, обменяться парой слов или мимолётным взглядом. И радоваться, если есть возможность услужить ему. О да, он не любит, он не полюбит никогда, и даже не заметит, если уж откровенно. Потому что зачем ему такая, как она? Нет, она не будет досаждать назойливым вниманием, она будет восхищаться издали. И на фоне дикой невоспитанной Анжелики она всегда будет смотреться выигранно и достойно.

Какая разница, что представляет из себя Анжелика, если благодаря тому она, Антуанетта, может находиться в Лимее и каждый, или почти каждый день видеть того, к кому у неё есть сердечная привязанность?

И слава богу, что его высочество не поддался чарам этой невоспитанной девицы и не влюбился. Потому что иначе было бы в высшей степени несправедливо. Когда всё – и богатство, и титул, и принц в женихи – досталось настоящей дочери приличного человека Флориана де Безье, Антуанетта не роптала. В конце концов, та родилась в достойной семье, и это принадлежало ей по праву рождения. Но когда всё то же самое упало с небес на приبلудную наглую девицу – это Антуанетта переносила с трудом. Правду говорит де Саваж – дурная девка.

И раз уж так случилось, то богатство и титул – бог с ними. А сердце его высочества пусть остаётся для кого-нибудь, кто его на самом деле достоин.

Жан-Филипп

Если ты, дорогой друг Анри, хочешь, чтобы твой чертов замок был готов к возможной обороне – то дьявол его забери, этим нужно заниматься. Нужно готовить людей, нужно запастись достаточное количество оружия, пороха и прочего, нужно добыть ещё где-нибудь пяток пушек, в конце концов.

Да-да, нынешний замок Лимей построен совсем недавно, при твоём отце его высочестве Франциске, и он даже сам его проектировал, я всё это помню, но насчёт «всё учтено» – я бы поспорил. Предыдущее поколение жило в более спокойное время, там можно было и огромные окна, и сады, и пруды, и любую чушь, какая только на ум придёт. А теперь у нас еретики, да не простые, а наглые, и их одни видом пушки и огненной магией не испугаешь, они, сволочи, отвечают, сам знаешь. Армия принца Марша состоит наполовину из оборванцев, наполовину из наёмников, они хотят жрать, убивать и переиметь всё живое, там говорить не о чем и не с кем, только бить, а бродят они не сказать, что прямо по соседству, но близко. Поэтому, друг мой Анри, нужны хорошие стены, а где, скажи на милость, стены у замка Лимей? Вот это

– стены? Стены были у старого замка, от которого один донжон остался, что теперь вместо привратной башни, вот там – да, стены, можно неделю обстреливать, и ничего не будет, а за неделю и подмога какая-никакая подойдёт. А здесь что? Загородочки? Красивые, ажурные, кто б спорил, но кроме красоты, там никакого смысла-то и нет.

Ну да, озерцо само по себе некоторая защита, но притащат десяток пушек – и прострелят твоё озерцо как нечего делать. Красота, никто не возражает, конечно, но красоту можно развести где-нибудь на югах, где много магов и есть, кому эту красоту защищать, все эти сады, парки и прекрасные лабиринты.

И насчет кому защищать. Если этих лентяев, разевшихся на твоих добрых припасах, не гонять, как следует – то они от первого магического залпа разбегутся, а если не от него – так от первого ядра. Поэтому раз уж ты попросил заняться обороной – то я буду это делать в силу своего разума. А ты решай, что важнее – безопасность твоей шкуры и твоих людей или спокойный послеобеденный сон твоего доблестного войска.

И вот это – важно. А учить дурную девку, чудом оказавшуюся на месте твоей невесты, магии, танцам и чему там ещё – и без меня хватит бездельников. Ну хорошо, не бездельников, умелых людей. С магией справится Орельен, а со всем остальным – ну, тоже он. Или ещё кого там найди, народу в замке много.

А я буду ждать вас обоих завтра на рассвете во внутреннем дворе. Как это зачем? Тренироваться. Завтра утром – только шпага и кинжал, без магии. Да, без магии, потому что с магией любой дурак сможет, а ты просто так сумей. А дальше посмотрим.

Орельен

Он искренне считал, что замена Анжелики мёртвой на Анжелику живую оказалась самым удачным его магическим деянием. Если бы в ту, прежнюю, просто вселилась душа нынешней – о-о-о-о, это было бы нечто.

Анжелика нынешняя удивительно гармонична во всём. И в изящном своём сложении, и в лёгкости-гибкости, та-то, прежняя, местами на подушечку для булавок походила, а в платье своём красивом была неповоротлива, как тяжеловоз. И это при том, что такие платья она носила всю жизнь, в отличие от нынешней, которая бегала по своему миру в какой-то очень лёгкой и удобной одежде, Орельен сам бы от такой не отказался. И в нраве своём Анжелика тоже казалась гармоничной, с одной стороны – резкая и порывистая, и могущая показаться неприятной, а с другой – когда дело касалось людей, с которыми она уже успела подружиться, то и защищала она их с такой же страстью. Свою камеристку Жакетту, или кухонного мальчишку Шарло, который таскает ей сладости, или госпожу Антуанетту, к которой как-то после ужина взялся приставать пьяный кузен Анри. И даже язык свой она приучается держать на привязи, хотя Орельену и случалось ловить слухи о том, что госпожу Анжелику лучше не сердить – так отбреет, что долго потом будешь помнить. И при этом она никого ни разу не ударила и не отправила на порку. Ха, если не считать Жана-Филиппа, тому, конечно, досталось, но Орельен искренне полагал, что тот сам виноват. Зачем злить девушку, с которой можно просто договориться?

Первые занятия магией дались Анжелике очень тяжело – она никак не понимала, что от неё требуется и почему она не может взять своё собственное тело под контроль. Даже плакала от злости, они с Жакеттой тогда её долго утешали, рассказывали, какая она замечательная и что у неё всё получится. Она посмотрела на них хмуро, спросила только – правда, что ли? – а потом встала и всё сделала. Сотворила три магических светящихся шара разного размера в нужной последовательности, и зажгла по очереди свечи – полтора десятка, тоже по очереди и ровно так, как надо было. И потом ещё – дрова в камине.

С водой было сложнее, но вода – она такая, требует не сколько силы, столько умения, а умения-то пока немного. Поэтому всё разливалось, куда не надо, ванна не хотела нагреваться, а лёд в форме для сладостей – замерзать. Но с таким упорством, которое показывала Анжелика, всё это представлялось Орельену делом времени. За воздух же и землю они пока ещё не брались.

Но оказалось, что Анжелика, кроме чистых стихийных сил, слышит металл – это давало в будущем возможность создания артефактов. И магии жизни ей тоже щедро отсыпали – тренировалась на семечках, выросли у неё какие-то невиданные цветы огромного размера.

И ещё с ней было весело. Она обладала чудесной способностью смеяться над всем и всеми, и даже если минуту назад злилась и ругательски ругалась, то стоило увидеть что-то хорошее, то – сразу же прямо расцветала. Ещё она была великой придумщицей всяких каверз, и в этом деле Орельен её отлично понимал. Ничего злого она не совершала, а повеселиться – святое ж дело!

И Анри дурак, что всего этого не видит и не слышит.

Жакетта

Спасибо тебе, господи, говорила Жакетта.

За то, что направил мою матушку в спальню моего отца семнадцать лет назад. Потому что именно от отца я получила магическую силу, а если бы не она – не видать бы мне в жизни ничего хорошего, была бы прачкой, как мать.

За то, что мать работала на графа Безье, и он не повелел меня утопить, как поступали с магически одарёнными детьми крестьян и прислуги некоторые его приятели. А сам взялся объяснять, что и как с этой магией.

За то, что позволил побывать в монастыре святой Гертруды и поучиться там. Граф-то думал, что святые сёстры как-то пробудят силу в его дочери, но там всё было глухо, а вот мне они очень помогли.

За то, что толкнул Сюзетт в объятия дворецкого Клода, и дал им дитя, и Сюзетт не поехала в Лимей с госпожой Анжеликой.

За то, что господин граф вспомнил обо мне, когда надо было найти новую камеристку для его дочери.

За то, что уберёт меня от той кончины, которая настигла госпожу Анжелику, а ведь повелела бы она попробовать всю её еду – и не было бы уже меня на свете.

За то, что дал новую госпожу Анжелику, стократ лучше прежней. Потому что она добра и великодушна, а те, кто говорит иное – дураки и еретики. Потому что с ней всегда можно и поболтать, и посмеяться, и обсудить всё-всё-всё, и поплакать – если уж совсем туго. О нет, она не железная, что бы о ней не говорили, она не капризная и не глупая. Она просто чужестранка, для неё здесь всё – не родное, и ей очень сложно привыкнуть к тому, как живут у нас. Это как принцесса из далёких краёв, которую привезли, чтобы выдать замуж за наследника престола. А тот наследник совсем её, бедняжку, не любит, у него свои резоны и свои желания. Ну, хотя бы заботится.

Спасибо, господи, что дал мне услышать сплетню о том, что у его высочества в столице – давняя любовь, замужняя дама, служит при дворе её величества королевы-матери. Спасибо, что можно было подготовить госпожу к этому известию, и что госпожа оказалась стойкой – даже и не плакала, а только плечом дёрнула и выругалась нехорошо, ну да тут всякий бы выругался, я бы тоже не устояла. И добавила ещё – не больно-то и хотелось, и сразу стало понятно, отчего его высочество то и дело в столицу порталом шмыгает, вот в чём там причина – любов-

ницу навещает. Правда, господин Орельен сказал, что это чушь и сплетни, но – очень похожие на правду.

И спасибо тебе, господи, за встречу с господином Орельеном. Он знает и умеет столько же, сколько знал и умел старый граф. И он добр, как госпожа Анжелика. И хорош собой, как ангел с церковной фрески. И никогда не говорит со мной надменно и свысока, как другие. А если услужить ему – радуется и благодарит.

И дай им, господи, здоровья и благополучия, и госпоже Анжелике, и господину Орельену. И мне при них. И аминь.

Анри

Что значит – быть достойным своего имени человеком?

Поступать, как должно. Помнить, что над тобой – господь бог и его величество, а под твоей рукой – люди. Твои крестьяне, твои воины, твои слуги. А рядом с тобой – твои друзья, которые – друзья и в горе, и в радости, и в бою, и за бутылкой.

Дядюшка Жиль, гореть ему в вечном пламени, всю жизнь пробегал, пропутешествовал, проинтриговал. А теперь он хочет стать владетельным сеньором? А он вообще знает, какой на лимейских землях собирают урожай? В чем разница между двупольем и трехпольем? Где хорошие поля, где болотистые низины, а где каменистые пригорки? Какое есть зверье, где можно охотиться, а где – не следует? Что взять со своих владений, а что – покупать на ярмарках, и что – заказывать из далёких земель? Лимейский замок красив, но знает ли Жиль, сколько стоит его содержание и прокорм всех живущих здесь слуг? Он себя-то не всегда может прокормить, судя по тому, что о нём рассказывают. И судя по тому, что когда он, по слухам, попал в плен, никто не разбежался его из плена выкупить, или хотя бы дать знать брату, чтобы выкупил – так и друзей у него никогда не было.

Как отдать такому хоть часть семейных владений? Что будет с землёй и с людьми, которые живут на той земле?

Вот, то-то. Поэтому – брак с девицей де Безье, кто бы ни назывался этим именем.

Друзья ему тут не советчики, потому что оба жениться пока не стремятся. Орельен вечно в кого-то влюблён, и пишет сонеты, и пробует очаровывать – с магией и без. Жан-Филипп вечно тащит кого-то в постель. И придворные нравы им обоим в помощь.

Анри было бы проще, если бы свадьба уже состоялась. Или если бы он позволил себе раз в несколько дней навещать невесту вечерами. Ибо она красива, хоть и невоспитанна. Её внешность – за неё, а её выходки – против. Грубости, которые она нет-нет да и позволяет себе, панибратство со слугами, какие-то глупые шутки на пару с Орельеном... хорошо не с Жаном-Филиппом, у того шутки бывают одного-единственного толка.

Орельен прав – никто не знает, как бы повела себя настоящая девица де Безье, выживи она после покушения. Что она знала и что умела, смогла бы взять на себя хозяйство замка или нет. Нынешняя – судя по всему, сможет. Хватка у неё железная, управляющий господин Гриви очень её хвалит, а он зря говорить не станет.

В конце концов, если она не справится со своей ролью, когда окажется в Паризии – то всегда можно оставить её в Лимее, и пусть управляется здесь. И рожает наследников, с воспитанием он уж сам как-нибудь разберется.

Она красива, а иногда бывает – невероятно красива. Когда её глаза сверкают от гнева, или от предвкушения победы, или от какой-нибудь очередной каверзы, которую они устроили с Орельеном. У неё гибкое тело молодой кошки и сладкие губы, а её руки могут быть очень ласковыми. Но какой бы ни была женщина, она никогда не займёт в его сердце главное место,

потому что на этом месте – долг. И она или научится с этим жить, или будет страдать и лить слёзы, но – это её удел и её судьба.

Либо рыдать из-за каждого взгляда, либо стать великой рядом с ним.

Пусть выбирает сама.

Анжелика

Вот живешь себе, никого не трогаешь, а потом раз! – кто-то другой накосячил, а по тебе прилетело. Нет, даже и не в тебя целились, просто так вышло. Ты оказалась не в том месте и не в то время. Рок, чтоб его так-перетак, судьба.

Мать вышла замуж – и огреблись все. И она сама, и Лика, и даже братец Ваня. Решил какой-то уродец на старости лет забрать имущество у племянника – и снова огребают все, и племянник, и племянникова невеста, которую потравили и не поморщились, и друзья племянника, которые взялись разгрести его жизненные трудности, и снова она, Лика, потому что очень уж удобно отдала концы, да ещё и оказалась похожей на покойницу.

Но правду говорят, привыкнуть можно ко всему. И к этому замку, в котором удобств – по минимуму, что бы они не говорили, и как бы им не гордились, что, мол, новый и хороший. И к платьям этим дурацким. И к вычурной речи. И даже имя её несусветное здесь оказалось ко двору и в строку.

И дружить здесь есть, с кем. Жакетка, надежда и опора, и Орельен, классный парень. Одна – помощь и поддержка во всём, что бы Лика без неё делала – кто бы знал. Второй – да он тут единственный нормальный человек из всей этой сумасшедшей компании! Не то, что Пират, которому только бы подраться и потрахаться, или, прости господи, её жених.

Может, всё же, ну её, эту свадьбу? Может они того, как-нибудь так? Может, он найдёт себе другую, треплют же о какой-то там любовнице в столице?

Тот неловкий момент, когда он пришёл к ней ночью, а утром едва поздоровался, давно проехали, но осадочек остался. И теперь Лика смотрела на жениха так, чтобы у того и мысли не возникло снова к ней прийти. Вот правда, она бы лучше с Орельеном замутила, но во-первых, тот честный, и не станет мутить за спиной друга, а во-вторых, он нравится Жакетке. А отбивать парней у близких подруг – так это мигом без тех подруг останешься. Парни приходят и уходят, подруги остаются. Во всяком случае, дома было так. А здесь она без Жакетки, как без рук, ни одеться, ни раздеться, ни на горшок сходить. Жакетку обижать нельзя, Жакетка девчонка хорошая. И пусть только кто-нибудь на неё рыпнется, вмиг пожалеет, уж Лика постарается, чтобы пожалел.

Туанетта, наверное, тоже неплохая девчонка, но очень уж задирает нос. Лика жалела, что нельзя отыграть всё назад и не посвящать Туанетту в тайну. Потому что та Туанетта никак не может пережить, что не понять откуда упавшая Лика получила всё, что принадлежало её помершей родне. Ну извините, как есть. И ведь приходится о ней тоже заботиться – то к ней какой козёл пьяный пристанет, то дурная Мари голову ей помоем холодной водой, то ночнушки плохо стирают, то постель не просушат нормально, а Мари реально дура, только тупит да Пирату глазки строит, не то, что Жакетта. Вот и приходится впрягаться – орать и строить. Ничего, работает. Но чему их только по жизни учат, этих хороших здешних девочек? И если её помершая тёзка была такая же лохушка, как она собиралась с этим замком управляться?

Это в начале Лика ничего не понимала и только ругалась да ушами хлопала. А теперь она госпожа, скоро хозяйка и ещё маг. С магией вообще чётко вышло – дома ей такое и присниться не могло. Но изучение этой премудрости оказалось пока самым сильным из всех здешних впечатлений. Лика и не думала, что она сможет так много, а вот ведь, смогла. И Орельен её похваливает, а он разбирается, и просто так говорить не будет. Конечно, хорошо бы ещё

поучиться драться при помощи магии, но это, как говорят, не сразу. Орельен вздыхает и говорит – судьба у тебя такая, чтобы не Анри тебя защищал, а ты сама умела. И хорошо, потому что супруга принца – зверь ценный, могут и охотиться начать, всякие дурные заговорщики и еретики, которых тут хватает.

А раз есть и хорошее – то, значит, живём дальше. А там – как вывезет.

Часть вторая. Невеста его высочества

01. Замок Лимей и его обитатели

Ли́ка изучила замок довольно быстро. Ну да, большой. Ну да, башни, переходы, три этажа, подвалы, чердаки. Озеро, мост, привратная башня-донжон, оставшаяся от предыдущей версии замка, которую отец Принца заменил на нынешнюю. Если смотреть снаружи – красиво. Такой прямо замок из сказки, стопудово – про заколдованную принцессу, только настоящий. Ещё красиво, если забраться на верхушку самой высокой башни и смотреть вниз, на озеро, парк вокруг, и красивые белые стены. Пират ругается, что эту шкатулку фиг защитишь нормально, и если не дай бог придут еретики, то они тут всё вынесут, раздолбают и засрут. Но пока не пришли, и ладно.

Это ж догадаться надо было – построить замок на острове посреди озера, и часть его сделать вообще над водой – вроде, там сначала был просто такой широкий мост, обрывающийся в воду, а потом Принцев отец придумал построить сверху три этажа. В самом верхнем – бальный зал, большой и пустой. Ни одного бала пока не случилось, но вдруг? Лику же собираются учить танцам, и прежде, чем вести её ко двору, надо же устроить генеральную репетицию? В первом этаже – склады и мастерские, а во втором – гостевые спальни. Принц сказал, что замок может принять до двух сотен гостей, и в нём постоянно живет две сотни слуг и прочих людей. Так-то нехреново много.

Самую первую экскурсию по замку Принц провёл для Ли́ки лично, и за ними даже не таскались ни его друзья, ни его другая обычная компания. Это было прямо как-то удивительно. Но он сказал – мол, вам здесь распоряжаться, вот и смотрите. И он был очень горд своим замком, говорил, что он новый, благоустроенный и соседские замки ему в подмётки не годятся. Ли́ка пока ни одного другого замка здесь не видела, сравнить ей было не с чем, поэтому она кивала и помалкивала.

И ещё Принц рассказал, что этим чудесным замком его владения не ограничиваются, а вокруг ещё несколько десятков деревень и город Лим. В деревнях живут крестьяне, в городе – торговцы и ремесленники. Ли́ка удивилась – как, вот прямо крепостные крестьяне, как на уроках истории? Принц изумился – вы что, какие крепостные, давно уже арендаторы, ещё при прадеде всё заменили, потому что так выгоднее.

Дальше Ли́ка прослушала лекцию об особенностях здешнего землевладения. Оказывается, это была капец какая сложная система, потому что земля была вся разная – где-то хорошие плодородные участки, где-то низины с болотами, где-то пригорки, и на них лучше пасти скотину, чем что-то выращивать. Да-да, пшеница и рожь, ячмень и овёс – конский корм. Овощи – морковка там, капуста, свёкла, лук, чеснок, сельдерей, укроп, и всякие травы-приправы. В садах – яблоки, сливы, вишни, абрикосы, и даже лимон. И сейчас всё это как раз цветёт, очень красиво, хотите посмотреть? Сходим на днях. И ещё виноград, конечно же, виноград, а из него – хорошее белое вино.

Вот кто бы знал, а? Ли́ка всегда думала, что принцы, они... ну, ничего не знают про грядки. А этот почему-то знал. И не только про грядки, он ещё рассказывал про домашнюю скотину – коровы там, свиньи, куры, гуси и утки, а в лесу – дичь, на неё охотятся. Ли́ка спросила – неужели и он охотится? Принц ответил, что – конечно. И не далее как накануне всех этих помолвочных дел добыл отличного кабана. Ли́ка удивилась – как же, ведь жалко! Зверюшки же! Принц посмотрел на Ли́ку, как на дуру, и рассказал, что такому кабану она, Ли́ка, была бы на один зуб. Потому не жалко. А волки нападают не только на домашний скот, но и на людей, и отстреливать хищников – дело благое и удобное господа, и он каждую зиму назначает награду за каждую голову. Ну и сам этой зимой подстрелил троих. А охота с ловчими птицами – это

искусство, птиц нужно специально обучать. И если она хочет – он купит ей сокола, будет у неё своя охотничья птица. Лика подумала и согласилась – у неё никогда не было сокола, ни охотничьего, ни какого другого, она в глаза-то не видела ни одного.

Ещё, оказывается, кроме людей, в замке жили кони и собаки. Конюшня показалась Лике огромной, там были и крупные жеребцы, и маленькие жеребята, и изящные кобылки. Принц сказал, что будет рад, если Лика научится держаться в седле, и предложил ей для этих целей очень красивую белую кобылу по имени Серебрянка, она и впрямь была с серебристым отливом, просто невероятная. Лика узнала правила, каждое утро ходила к ней в денник и носила яблоки и морковки – чтобы приучить к себе и к своему запаху. Правда, Серебрянка угощение брала, но косилась на Лику настороженно.

Собаки делились на сторожевых, охотничьих и просто так. Сторожевые были большие и мохнатые, охотничьи – стройны и изящны, а остальные – всякие и разные. Оказалось, что у Принца была любимая белая борзая, и звали его – Зверь, или Лютый Зверь, Орельен ржал и называл Лютиком. Зверь Лютик осторожно обнюхал Лику, выслушал наставления Принца о том, что она – своя, принял к сведению и удалился на свою подстилку возле камина.

К сожалению, конями и собаками замковая живность не ограничивалась. Довольно скоро Лика повстречала ещё крыс и мышей, и это привело её в бешенство. Мышей как таковых она не боялась, но было неприятно – бегают и пищат, особенно ночью, ещё и скребутся. С крысами вообще капец – они же всё жрут! И заразу таскают. Но все вокруг только плечами пожимали – мол, что ты хотела, без мышей и крыс не бывает ни замка, ни дома, ни амбара, ни склада. Однако Лика была уверена, что бывает, и с этим вопросом просто нужно поработать. Ладно, хоть тараканов не было. Зато ей рассказали, что летом в сырых местах, куда не достаёт солнце, водятся мокрицы, а на сухих камнях парка – змеи, крупные рогатые жуки и скорпионы.

В озере водились лягушки, вечерами они задорно квакали где-то там, на берегах. Ещё обещали кувшинки – когда наступит лето. А в парке был фонтан, его включали тоже по теплу, ну, это как раз понятно.

С одной стороны к берегу озера подступал лес. В лесу водились те самые кабаны, а ещё – зайцы, лисы, и кто-то ещё. Лика не отказалась бы посмотреть хоть на зайца, хоть на кабана, но за пределы замковой территории её пока не выпускали. Принц обещал прогулку в лес – как-нибудь. Но пока было не до того. У него вечно было много дел, но теперь Лика хотя бы представляла, что за дела и из какой оперы. И у неё тоже было много дел, что уж.

Принц познакомил Лику с господином Жисленом Греви, управляющим Лимейского замка. Тот отнёсся к ней весьма серьёзно, и провёл по рабочим, подсобным и складским помещениям. Лика узнала, что продукты в замок доставляют, во-первых, из подвластных деревень – мясо, птицу, яйца, молоко, овощи, фрукты-ягоды, зерно. Во-вторых, что-то привозили из города, с торгового, который бывал по воскресеньям, то, чего не было в своём хозяйстве. Город стоял на реке Лиме, там был приличный по местным меркам порт, и господин Греви рассказывал, что товары на ярмарку привозят с самого Срединного моря.

Местную географию ещё требовалось постичь. В замке были карты, книги, а ещё – подзорная труба и телескоп. В первую же ясную ночь Лика взглянула на небо... и обломилась. Ничего знакомого! Вот совсем! Она кое-что знала на обычном земном небе, самое простое – ну там Медведица, Кассиопея, Ориона, Северную Корону – а здесь всё было другим! Она даже опешила, повернулась к стоящему рядом Орельену и пожаловалась:

– Понимаешь, ничего знакомого, совсем ничего!

– Понимаю. То есть – благодаря тебе могу такое вообразить. Что бы я испытывал, увидев другой рисунок небес – вообразить, увы, не могу.

Он было взял её за руку... и тут же отпустил. Ну да, это дома можно было по-дружески обниматься с кем угодно, а тут – нельзя. Только жених. А жениха не вдруг обнимешь. То есть,

у неё ни разу не возникло такого желания – обнять его хотя бы по-дружески. А сделай она так – он бы, скорее всего, ничего бы не понял и очень удивился.

Поэтому – не думать о глупостях и продолжать изучение того места, в котором оказалась.

Замковая кухня поражала размерами. Ну да, место, в котором готовят еду на вплоть до четырёхсот человек, маленьким быть не может. Огромные котлы с кипящей водой, печь, сверкающая посуда, пар, дым, запахи. Впечатляло, реально впечатляло. Лика познакомилась с главным поваром, господином Атэном, который родился и вырос в этом замке, с детства помогал на кухне, а когда подрос, был отправлен в обучение в столицу, на королевскую кухню, а потом ещё – на юг, в Феррайю, откуда происходила её величество королева-мать. В итоге он считался невероятно крутым и умел очень многое, делал вкуснейшие подливки к мясу, пёк пирожные и невероятно вкусные пироги со сложными начинками.

С обитателями швейной мастерской – портным Кристофом и его девушками – Лика познакомилась первым делом, но потом ещё не раз приходила к нему – это было проще, чем таскать его со всеми ворохами тканей и прочего к ней, на верх западной башни. То есть, никого бы не удивило, прикажи она именно что таскать – но зачем гонять пять человек, если можно пробежаться по замку самой? В мастерской работали больше десятка женщин всякого возраста – от совсем молодых, младше Лики, девчонок, до тёток в годах. Швеи, белошвейки – они шили и вышивали рубахи, воротники, носовые платки, вышивальщица – она украшала одежду Принца вышивками и жемчужинами, и особым пунктом – госпожа Анна, кружевница. Её, как оказалось, переманил в Лимей отец Принца, пообещав защиту, зарплату и взять её сыновей к себе на службу, и она радостно плела кружева в специальной мастерской, ей там даже магический свет устроили, помимо большого и нормально застеклённого окна. Кружева у госпожи Анны выходили совершенно чумовые – в прежней жизни Лика таких и не видела. Здесь же их носил Принц, да ещё некоторые гости – Орельен и Пират одевались в целом скромнее, это она сейчас уже отлично видела. Но Орельен одевался, как раздолбай, которому пофиг на то, как он выглядит. А Пират – наоборот, как щёголь. У него даже обычный шерстяной дублет был с вышивкой, и все рубахи вышитые, и на полосочках штанов рисунок, и гульфик пафосно торчит. Типа, здесь так понтуются.

Ещё был сапожник, господин Болье. Он шил невероятно мягкие и удобные туфельки – пожалуй, единственное из здешней одежды, что Лике нравилось без вопросов, потому что было красивым и удобным. Вместе с господином Болье работали два его сына – мальчишки тринадцати и семнадцати лет. Работали, как взрослые, с утра и до вечера.

Кузница показалась Лике очень интересным местом – ну где, скажите, в прошлой жизни она бы увидела кузницу? А здесь есть. Подковывать лошадей, и выполнять кучу ещё какой-то работы. Лика как-то целый час просидела в углу – смотрела, как отковывают какую-то штуку, с которой потом ходить на охоту. Выглядело круто.

А всякое дорогое оружие, с которым тренировались во внутреннем дворе замка Принц и компания, привозили издалека.

Кроме занятых делом людей, в замке тусовалась толпа гостей. Ну как толпа – пара десятков, которые садились за стол в обед и ужин. Как объяснил Принц, все эти люди – его так или иначе родственники или вассалы. И приехали на его помолвку и свадьбу, потому что это – событие. Из тех, о которых потом внукам рассказывают, вроде – а вот помните, наш принц женился? Лике совсем не улыбалось оказаться местной селебрити-звездой, но вот пришлось. А Принц усмехнулся и сказал – это самые стойкие, их было в три раза больше, остальных удавалось выпроводить.

Антуанетта заставила выучить, кого как зовут. Ладно, хотя бы главных. Лика достала тетрадь и выписала себе, кто есть кто, но потеря памяти оказалась классной отмазкой – чуть что, можно уставиться на подол юбки и проговорить – ах, простите, мы, наверное, знакомы,

но я после болезни всё позабыла. Работало – ей тут же принимались напоминать. Незнакомые имена лезли в голову туго, но лезли.

Самой приличной из всей этой толпы гостей выглядела тётка Принца, её высочество Катрин, герцогиня Вьевиль. Настоящая тётка, не как Туанетта. Дама возраста Ликиной матери, активная и позитивная. По замку она перемещалась с такой скоростью, что только свист от юбок стоял, светлые волосы всё время выбивались из причёски, а синие глаза лучились улыбкой. Она отнеслась к Лике по-доброму, спокойно восприняла историю про беспмятство и рассказала про семью. Она оказалась старшей сестрой Принцева отца, у неё самой было шестеро детей – три сына и три дочери. Сыновья уже женаты и с детьми – кроме младшего, тот почему-то священник, и скоро приедет в гости. Старшая дочь замужем. Две младших – ещё нет, им пятнадцать и шестнадцать, у каждой уже есть жених. Тут мысль тёти Катрин заработала – а почему бы не доставить их сюда, и девочки развлекутся, и вам, дорогая, веселее будет. К реализации идеи привлекли Орельена с его порталом, тётя сходила домой, вернулась вскоре и сообщила, что Лионелла и Франсуаза будут через четыре дня – им же надо собраться! Лика вздохнула про себя и поблагодарила вслух. Если эти девчонки будут как Туанетта – впору вешаться. С мальчишками интереснее. Но мальчишки всё время заняты своими мальчишечьими делами и не пускают в них Лику, это казалось жутко несправедливым.

Замок выглядел отдельным обособленным миром. Лика подумала, что можно жить здесь всю жизнь, и ничего другого не видеть вовсе. Еда есть, крыша над головой есть, работа есть. Нет, ей не хотелось бы прожить жизнь местным работником, даже высокооплачиваемой кружевницей, но знакомиться со всем этим было любопытно. Тем более, ей была поставлена задача – разобраться, как оно работает.

И эта задача оказалась неожиданно интересной.

02. Не хочу жениться, а хочу учиться

За две недели сложился определённый распорядок дня. Около восьми утра приходила Туанетта – будить. Сами бы они с Жакеткой спали до обеда, если б им давали волю. Но приходилось подниматься и умываться.

Воду грела Жакетта, Лике пока эта премудрость давалась через два раза на третий. Ещё обязательно сделать зарядку – а то со здешним образом жизни и здешними платьями можно стать неповоротливым слоном и вообще разучиться двигаться. Поэтому – с утра растяжка, планка, пресс, отжиматься и всё прочее тоже, как положено. Это её мальчишки дома приучили, сама она никогда бы не подумала, что будет делать зарядку. А вот ведь – делает, потому что тело скучает без нагрузки. Жаль, что в комнатах Лики не было никакой перекладины, на которой можно было бы подтягиваться, да и хотя бы просто висеть и вытягивать позвоночник. И ещё бы какие-нибудь гантели небольшие, но пока Лика не придумала, чем их заменить.

Завтрак обычно подавали в малой гостиной – в той комнате замка, которую Лика когда-то увидела самой первой. И за столом были только Принц, Пират, Орельен, Туанетта и она, Лика. Ей ещё не хватало Жакетты, но та питалась где-то и как-то сама, исключая вечерние посиделки в спальне – с вином, сладостями и разговорами.

Вообще, конечно, круто, что не просто кормят, а ещё и на стол ставят и со стола потом уносят тоже. Сразу столько времени высвобождается! Но было невозможно представить Принца, самостоятельно готовящего себе какую-то еду. Что ж, все живут, как привыкли.

И вообще эта жизнь была бы в кайф, как говорится, если бы не маячившая впереди свадьба. Был же какой-то там древний мужик, у которого меч над башкой висел на ниточке? Лика ощущала себя тем самым мужиком, только у неё вместо меча – замужество. Никакой пользы в том замужестве лично для себя она не видела, и отчаянно пыталась придумать, как бы его ещё оттянуть. Но для того нужно было разобраться, как тут вообще что устроено, а значит – учиться.

После завтрака, часов в десять, начинались занятия. Сначала с господином Перро – в библиотеке. Этот господин Перро когда-то был учителем Принца – когда Принц был маленьким, и Орельена, потому что тот рано потерял обоих родителей и с малых лет жил в замке при Принце. Под строгим присмотром высокого и худого, как швабра, господина Перро Лика быстро выучилась писать гусиными перьями на шероховатой бумаге местные буквы и разбирать такие же буквы в стоящих на полке книгах. Не очень-то похоже на знакомую ей письменность, но раз какие-то знания о языке в неё при перетаскивании сюда впихнули, то – пусть эти знания и работают.

С точки зрения современной Лике педагогики, господин Перро пользовался исключительно отсталыми методами донесения информации до слушателей, в данном случае – до Лики и Жакетты. Жакетта в первый же день занятий попросилась сначала присутствовать, а потом стала тоже что-то говорить и делать потихоньку, а господин Перро был только рад увеличению количества учениц и вообще тому, что девицы имеют желание что-то изучать.

Так вот, о методах господина Перро. Как нормальный допотопный учитель, он знал и умел только лекцию и чтение учебника или какой другой книги с последующим пересказом и обсуждением. Но надо отдать ему должное – рассказывал он интересно, интереснее, чем Ликина школьная историчка Елена Павловна. Да, говорили первым делом об истории Франкского королевства, с древнейших времён до наших дней, то есть – откуда взялось, когда образовалось и всё вот это вот. Особое внимание уделяли последнему столетию и правящей династии – королю Франциску, его сыну королю Генриху и многочисленным детям того Генриха – не только потому, что главные, а ещё потому, что родня. Да-да, дед Принца был родным

младшим братом того самого короля Франциска. И нынешний король с Принцем – сколько-то-юрродные кузены.

Вообще, детей тут рожали в каких-то немеряных количествах, причём все – и богатые, и бедные, а до взрослого возраста из них доживала хорошо если половина. Этот факт немало озадачил Лику, потому что если от неё ждут, что она родит десять детей, то хрен там! Она сдохнет раньше! И вообще, почему никому не приходит в голову, что если детей вдвое меньше, то ресурсов у семьи на каждого – вдвое больше? И глядишь, не помрут! И ладно всякие принцы – ну там Роганы, Вьевилли и кто ещё у них тут есть, эти прокормят всех, кого родят. А ведь, например, у Шарло, поварёнка, с которым был договор о прямых поставках с кухни вечерних сладостей, восемь братьев и три сестры, и всего двое, он сказал, умерли! Это ж капец как много! Никто из них ни в какой школе не учится, сёстры сидят дома, занимаются вместе с матерью хозяйством и готовятся замуж, если им найдут женихов, потому что их приданое – это то, что они сами сшили, спряли, связали и что ещё бывает, а вовсе не деньги, денег в семье нет. Отец Шарло арендует у Принца землю, и со старшими братьями на ней работает. И в первую голову надо отдать оговорённую часть урожая его высочеству, а господин Гречи, управляющий, за этим внимательно и строго смотрит. И уже потом, что останется – пойдёт в семью. И то, часть придётся продать, потому что не всё нужное вырастишь в огороде, и в итоге хватает едва-едва. Отец Шарло был очень рад, когда удалось пристроить его на кухню, брата Жака в кузницу, а сестрёнку Мари – в швейную мастерскую, всё же в замке и накормят, и оденут, и крыша над головой, что тоже важно. И так жили примерно все! Лика чесала репу и понимала, что ей крупно повезло попасть в невесты принцу, а не принцеву арендатору.

Так вот, в королевской семье было ни фига не лучше. Господин Перро рассказал, что его величеству Генриху нашли супругу на юге, в богатой и могущественной Феррае. Она – из семьи выскочек-купцов, ставших герцогами только в последнем столетии, но с деньгами в той семье всё было отлично, и приданое её величество Екатерина принесла супругу очень неплохое. Правда, этот брак должен был ещё и скрепить союз между государствами – вечный мир и все дела, только вот с этим вышла неувязочка, потому что родина королевы состояла в каком-то там союзе, Лика не запомнила, и должна была вступить за кого-то там, на кого наехало то самое Франкийское королевство. Политика и дома-то всегда казалась Лике скучной, а тут, с незнакомыми реалиями – и вовсе, но что делать, принцу не нужна тупая необразованная жена. Поэтому – учить.

В общем, с этими южными странами то и дело воевали. И там в одном месте было что-то типа Италии, по виду карты похоже, и всё из кусков – Фаро, Палюда, Моретто, Вичи, Феррайя, Кайна – и это только север, а на юге Ниалла и Монте-Реале. А в другом месте – что-то типа Испании, но уже не из кусков, называлось – Арагония. И в эту самую Арагонию не так давно уехала замуж принцесса Елизавета, сестра нынешнего короля.

А у короля семейка была, что надо. Нынешний Карл был сыном Генриху и внуком Франциску. У него было три сестры и два брата, и ещё сколько-то там братьев и сестёр перемерли. Старший брат, Франциск, как дед, даже пробыл королем пару лет, что ли, и потом только помер. Причём королём он стал лет в тринадцать, что ли, Лика не запомнила. Да какое там королевство, в тринадцать-то лет, там ещё детство в жопе не доиграло! Однако же, он даже жениться успел, на принцессе с севера, из-за пролива, по имени Мари. А когда он отдал концы, то никто здесь эту принцессу кормить не захотел, и её отправили домой. Вот ведь непруха-то!

Лика задумалась – а что будет с ней, если помрёт её Принц? Ей-то возвращаться некуда. Друзей у неё тут не особо, только Жакетка да Орельен, и всё! А если они тут все мрут на ровном месте?

Но пока Принц выглядел здоровым и бодрым, опять же – маг, а в королевской семье с магией странно, там маг только её величество королева-мать, а дети, по ходу, не унаследовали. Маги, говорят, более живучие, так что Лике и в этом повезло.

А королевскую семью будет случай посмотреть уже скоро, в мае, когда они все поедут на свадьбу принцессы Маргариты. Она выходит замуж за короля Генриха, который правит где-то на юге. Ей семнадцать, и она католичка, а ему двадцать один, и он – увы! – еретик. Самый настоящий еретик, и разрешение на брак пришлось получать у папы в Авиньоне.

Тут у Лики в голове щёлкнуло – что-то такое ведь она читала! Про королеву Марго. Только там детали как-то отличались, и почему-то у них папа не в Риме, а в Авиньоне!

Рима у них нет. А в тех краях, где он, судя по карте, мог бы находиться, живут сплошь еретики. Но не такие, как здесь, другие, они верят не в Христа, а в Великое Солнце, и так повелось уже много веков.

И вправду странные какие-то, думала Лика. Какое ещё Великое Солнце?

Господин Перро не ограничивался учебными часами в библиотеке – ему было отдано время до обеда – а в хвост и гриву задавал на дом. Читать, потом пересказывать прочитанное хоть какими своими словами, но желательно, госпожа Анжелика, без «тот дурак», «этот извращенец» и прочих эпитетов, о королевской семье говорите, имейте уважение. Лике было трудно иметь уважение к тем, кого она в глаза не видела, но она старалась.

А ведь ещё были языки, разные иностранные языки. Аналог латыни, на котором молились, и ещё – общались учёные люди всех окрестных государств, даже если они и еретики. Потом ещё языки юга – на которых говорили по берегам Срединного моря. И севера, и чего-то там ещё... Объём необходимых знаний рос, как снежный ком, с каждым днём.

Лика печалилась ровно до тех пор, пока не обсудила свои печали с Туанеттой. Та иногда приходила на занятия и слушала, о чём они там говорят, и тоже участвовала в дискуссиях, и просила книги на почитать. А потом вечером, в комнатах Лики, выдала:

– Вы делаете очень большие успехи, Анжелика, и меня это радует. И я вам скажу, что ваша предшественница и моя родственница не знала и половины того, что уже сейчас знаете вы, потому что была ленива и к знаниям не стремилась совершенно.

– И её всё равно хотели выдать замуж?

– Что ж теперь с ней делать-то? Конечно, замуж, куда её ещё, дочь графа Безье!

Ну, это козырь, конечно. И если Принц рыпнется, то огребёт немедля – пусть вообще радуется, что не получил в жёны Анжелику тупую и ленивую. Тем более, ни разу не мага.

А магия была отдельной статьёй изучения, намного более тяжёлой – но и намного более интересной.

03. Волшебник-недоучка

Первый урок магии провёл с Ликой Орельен. По ходу, он очень стеснялся, а потом и признался, что никогда в жизни ничему такому никого не учил. И вообще – не учил. Она хлопнула его по плечу и сказала – какие твои годы, ещё задолбаешься.

Вообще было совсем просто, но непонятно – сесть удобно, закрыть глаза, положить руки на колени ладонями вверх и слушать себя. Понять то, что нужно себе, и сделать это. Лика никогда не слушала себя, потому что если бы слушала, то не вписалась бы никак и ни во что. Спала бы, когда все учились, читала бы и слушала музыку, когда все спали, ела бы одни фрукты, сладости и ещё бутерброды с колбасой, и иногда выходила бы гулять.

Тут, правда, речь шла не очень об этом, а о том, чтобы найти внутри ту самую силу и научить её приходить по зову. И это оказалось непросто, потому что она не находилась и не приходила никак! Орельен говорил – наверное, ты напряжена. Расслабься. Ну а я что, думала Лика, сижу спокойно, никуда не дёргаюсь, куда ещё расслабиться-то?

Получилось с третьей попытки, она уже почти уснула. И на грани сна почувствовала, как всю её мягко заполнило что-то, какое-то вот прямо тепло. В нём захотелось раствориться, или качаться, как на волнах, довериться, и пусть несёт.

Орельен обрадовался и сообщил, что первый этап пройден, теперь нужно научиться жить с этой силой и в этой силе, и разделять её на разные составляющие, и призывать, и делать так, чтобы не сила была главная, а она, Лика. Иначе жить ей красиво, но недолго.

Оказалось, что для занятий магией в замке есть специальный подвал, его устроил его высочество Франциск – чтобы тренировать там Принца и Орельена. Окон в том подвале не было, а на стены и потолок были наложены огнеупорные и прочие заклятья, чтобы не развалить замок к хренам. Орельен позвал туда Лику, когда пришло время вызывать огонь и пытаться направить его на доброе дело, а не на ближнего своего, как сказал он с хитрой усмешкой.

С огня начали потому, что его было проще всего вызвать и важнее всего приручить. Облить кого-нибудь или ветром с ног сбить – ещё ладно, прокатит, а вот если кому прилетит, как тогда Пирату – то конкретно не поздоровится. Поэтому надо учиться.

Выходило так. Вызвать – не проблема, зато удержать... Малейшая эмоция – хоть радость, хоть злость, хоть досада – и на кончиках пальцев уже теплеет, а то и полыхает. Лика так увлеклась процессом, что не поняла, как оказалась на полу без сил, а Орельен унимал языки пламени вокруг неё.

– Поняла, как может быть? – он подал ей руку, поставил на ноги, взял ладонь, вторую взяла Жакетта, которая сопровождала Лику везде.

– Угу, а чего делать-то?

– Взять себя в руки. Это часть тебя, и только ты должна решать, сколько и чего ты выпустишь в мир. Сколько слов, сколько чувств, и сколько пламени – тоже, – Орельен смотрел сочувственно. – Итак, пробуй. Задача – ровные языки пламени на кончиках пальцев. В течение десяти ударов сердца. Не больше и не меньше.

И это оказалось капец как сложно – чтоб не больше и не меньше. Потому что – то погаснет раньше, то не уберётся вовремя, да блин же горелый, да кому нужна эта затраханная магия и вообще – так думала Лика под конец занятия. У неё так и не вышло то, что надо, она хотела продолжать, но Орельен строго сказал – больше нельзя, надорвёшься. Пришлось послушаться.

Зато на следующий день, когда Лика после обеда спустилась в зал, это задание вышло с первого раза. А потом – ещё и ещё. Они увеличивали время, интенсивность, вид и форму пламени – работало, оно работало! А потом Лике удалось зажечь свечу – просто прикоснуться кончиком пальца к фитилю, и это оказалось невероятно! Она скакала и прыгала, и обнималась

с Жакеттой и Орельеном – пока никто не видит, можно. А если увидит – то всегда ж можно запулить что-нибудь в лоб и сказать, что вот это – было, а остальное – померещилось?

Это оказалось следующей ступенью – зажигать осветительные шарики. И тоже Лика долго не догоняла, что от неё требуется. У неё получались искры – просто так и фейерверком, а потом ещё и много огня вокруг, но не получался ровный свет нужной силы. И надо сказать, если б не Жакетка с Орельеном – то ни хренашечки бы и не получилось. Они убеждали, уговаривали, уверяли, что всё будет, нужно только верить в себя и не прекращать. Верить в себя Лике было непросто, потому что никакими особыми достижениями за первые восемнадцать лет своей жизни она похвастаться не могла. Ну подумаешь, когда-то хорошо училась, да толку-то с того, особенно – здесь, в этой дурацкой Франкии, почти Франции, но нет. Однако, оба они оказались на редкость убедительными – говорили, что она замечательная, и всё будет, главное – не отступаться.

Это была в первую голову борьба с самой собой. Доделать, дожать, выполнить клятое упражнение в сто сорок первый раз. Пока не получится. Лика ругалась и рыдала, то в рубаху Жакетки, то в дублет Орельена. А потом брала – и делала.

И как же это было круто! Ничто в её прошлой жизни не давало таких эмоций и такого счастья – ни музыка, ни книги, ни чувство общности с друзьями, ни, прости господи, секс. Здесь же друзья тоже оказались магами и вполне её понимали, а про связь магии и секса говорилось полунамёками – но говорилось. В этом Лике тоже ещё предстояло разобраться, но она не торопилась – не до того было.

Когда стало понятно, что огонь худо-бедно подчиняется в самом первом приближении, задумались о воде. И тут оказалось, что про огонь Орельен объясняет лучше, чем про воду, а Жакетта и вовсе не объясняет – просто интуитивно делает, что надо, и всё. И тогда Орельен придумал привлечь к их занятиям её высочество Катрин.

Тётя-принцесса с большим интересом выслушала просьбу Орельена, оглядела Лику и согласилась помочь. Сначала произошло что-то вроде вводного занятия о воде, как бы смешно это не звучало. Принцессу очень изумило, что Лика представляет себе круговорот воды в природе, осадки, облака, снег зимой, лёд на реках и озёрах, и снежные шапки высоко в горах. Она посмотрела на Лику одобрительно и похвалила покойного графа Безье, а Жакетта истово закивала, она считала графа великим человеком. Лика же тихо поизумлялась – это ж в начальной школе проходят!

А дальше принцесса велела им идти на берег озера. Вода – не огонь, её просто так не призовёшь, с ней нужно учиться договариваться в её естественном состоянии.

– Было бы неплохо искупаться, или хотя бы войти ногами в воду, но это позже, когда станет тепло, – сказала принцесса Катрин.

Лика подошла к кромке воды, исхитрилась изогнуться – в дурацком платье это непросто, хоть она и надевала на занятия самое простое, какое только было – без корсета, с укреплённым веревками лифом и шнуровкой спереди – и попробовать рукой воду. Да фигня вопрос! По домашним меркам сейчас конец весны – начало лета, даром, что здесь называется – апрель. И дома в так называемых открытых водоёмах вовсе не тепло, в некоторых местах – круглый год плюс четыре, и не больше, хоть травку ешь. И что, это кому-то мешало купаться?

– Жакетка, помогай, – она плюхнулась мягкой подъюбочной подушкой на траву и принялась избавляться от туфель и чулок.

Принцесса и Орельен вытаращились на неё, как на ту неведому зверушку. Но ей было по барабану, она разулась, задрала юбки до колена и пошла в воду.

– Анжелика, что вы делаете? – попыталась выяснить у неё принцесса.

– Ну как, вы же сказали – войти ногами в воду, – пожалала плечами Лика. – Кстати, нормально. С головой лезть не рискну, а ноги помочить у берега – самое оно. А вообще, кстати, озеро глубокое? В нём как, купаются?

– Купаются, купаются, – закивал Орельен. – Жан-Филипп так каждое утро после тренировки купается!

– Крут, – оценила Лика.

– Ему нормально, он родился и вырос в горах, там все речки холодные.

Ну прямо родная душа, усмехнулась про себя Лика. И побрела дальше в воду. Дно было мягким и илистым, дальше впереди колосились какие-то водные растения.

– Задумайтесь о воде, Анжелика. Представьте, как она течёт вокруг вас, омывает ваши ноги, – негромко говорила принцесса.

Глядя на Лику, Орельен тоже снял чулки и башмаки и полез в воду. Жакетка подумала-подумала, и присоединилась к ним. Что ж, дурное дело – нехитрое. Они бродили по воде и слушали мерный голос принцессы. А та говорила о струях дождя, проливающих с неба, о каплях росы на листьях поутру, о текучих подземных водах, о реках и водопадах. О том, что вода – повсюду, её просто нужно правильно призвать. Лика кстати вспомнила, что тело человека тоже на дофига процентов состоит из воды и с этой мыслью протянула руку вперёд – юбки пришлось перехватить второй рукой.

Вода плеснулась ей навстречу примерно на полметра вверх, намочила пальцы, забрызгала платье.

– Ну, вот и поздоровались, – ответила Лика. – Привет. Я тоже рада тебя видеть.

От объяснений принцессы, вроде самых простых, всё становилось ясным и понятным. Впрочем, это и дома также было – самые крутые преподы могли объяснить самые сложные вещи очень просто. Лика вела свободной рукой вокруг себя – и вода закручивалась вокруг неё водоворотиком. Это было здорово и весело.

– Выходите-ка наружу, нас зовут к столу, – сказала с берега принцесса.

Лика наклонилась и коснулась поверхности кончиками пальцев. А волна плеснула на ноги и оставила притащенный откуда-то листик – здесь, рядом, таких не росло.

Лика подобрала листик и выбралась на берег.

– Большое вам спасибо, ваше высочество. Можем мы рассчитывать на ваши познания завтра и далее? – спросила она.

– Да, детка, конечно, – кивнула принцесса. – Отчего ж не помочь талантливой молодёжи? Встретимся завтра здесь же, в это же время.

Так и повелось – огонь с Орельеном, его призывать, сдерживать и перенаправлять. Вода – с принцессой, воду призывать и договариваться. С воздухом, сказал Орельен, тоже договариваться, чтобы разрешил пользоваться, потому что, например, магическая связь на расстоянии – она, оказывается, через воздух, кто бы мог подумать. А земля, сказали все маги хором, тебе пока не отзовётся, ходи и прислушивайся, а как услышишь – не перепутаешь.

Ещё под Ликиными пальцами хитрым образом грелся и блестел металл. Ей объяснили, что это особый частный случай земли, и если Лика освоит этот случай – то сможет делать артефакты с заданными свойствами. А пока пусть присматривается.

Ну вот скажите, где дома можно найти такую учёбу? Ясен пень, нигде! А тут – вот оно, круто же?

04. Неприятности и несуразности

Анри очень огорчился, когда обещанный дознаватель не приехал через три дня, а сообщил, что задерживается в столице, но всё будет, а детали он расскажет только лично. Задержка раздражала, но что тут поделаешь? У кузена Лионеля и королевские дела, и церковные, и ещё какие-нибудь свои собственные непременно есть, а теперь вот ещё и дела Анри. Оставалось терпеливо ждать.

Правда, в его случае ждать – это не сидеть у окошка, ибо не девица. Каждое утро начиналось с тренировки во внутреннем дворе, потом завтрак с друзьями, Анжеликой и Антуанеттой, а потом – объезд полей, встречи с господином Гриви и его людьми, и прочее. Весна, посевная.

Сегодня день с утра пошёл наперекосяк – что-то не то случилось с мельничным колесом чуть снизу по реке. Река вытекала из его озера, а откуда она бралась в озере – про то ему было неизвестно, и даже всё знающая о воде тётушка Катрин тут ничего объяснить не смогла. Большая мельница стояла ниже по течению, у деревни, и на ней мололи и муку для замковой кухни, и на продажу, и для крестьянских нужд – тоже, но после всего другого. Мельница в округе не единственная, так что никто не в обиде.

Орельен после завтрака куда-то потерялся, и Анри взял за компанию Жана-Филиппа. Силы у того немеряно, пусть тоже посмотрит, что там не так, с этим колесом.

С колесом оказалось престранно – вдруг откуда-то взялась в воде коряга, да ещё и немалого размера, застряла и не давала крутиться. Только ещё не хватало! Анри не смог понять – естественный это ход вещей или всё же вредительство. Пока он ходил вокруг и вынюхивал, Жан-Филипп спустился в воду и частью руками, частью магической силой выволок корягу на берег, и ему даже помощь в этом деле не понадобилась. Вот ведь, и не скажешь, глядя на него, что он способен такие коряги ворочать! Но это всё ерунда, главное – порядок восстановлен, мука будет, можно не слушать хор благодарностей от мельника с сыновьями и подмастерьями и возвращаться.

Правда, дома ждали хорошие новости. За привратной башней, у конюшен спешивался отряд – шумно и весело. Главный конюх Габен радостно вопил, что такого красавца ни разу не видел, и как же хорошо-то будет, ваше преосвященство, если вашего жеребца да к нашей серебряной кобылке пустить, это ж какие детки-то красивые будут!

Ну да, его преосвященство Лионель де Вьевилль неровно дышит к коням светлой масти. И сейчас он трепал по шее изящного белоснежного красавца, который, однако, злобно поглядывал на конюхов.

– Держи, и не кусай добрых людей, они о тебе позаботятся, – его преосвященство дал коню с ладони какое-то угощение и передал второй кусочек в руки Габену – тот с радостной улыбкой предложил коню.

Конь обнюхал и милостиво согласился принять лакомство, а потом позволил взять себя за повод и увести.

– Наконец-то, – Анри подошёл обнять кузена.

– Наконец-то, – согласился Лионель. – У меня целый воз новостей, из тех, что не доверишь даже магической связи, готовься слушать и удивляться.

Серые глаза сияли – какими бы неприятными не были те новости, Лионель доволен жизнью. Впрочем, он почти всегда доволен жизнью, так уж он устроен. Черная дорожная одежда – светская – вся забрызгана грязью, тонкая кожаная перчатка порвалась, светлые волосы взлохмачены, потому что шляпа отсутствует – наверное, где-то в сумках.

– Жду твоих новостей, как манны небесной, сам понимаешь, – проворчал Анри.

– Ох ты, жив-здоров, драный котяра! – тем временем Лионель добрался до спешившегося Жана-Филиппа.

– И тебя, смотрю, земля ещё носит, пёс ты ошпаренный, – тот не остался в долгу ни на мгновение.

Они обнялись и радостно колотили друг друга по спине – и ничего удивительного, эти двое – давние друзья, у них много общих воспоминаний, причём в том числе таких, каких бы Анри себе и не хотел. Давно, лет семь-восемь тому, оба они под началом отца Лионеля, герцога де Вьевилля, тогда – маршала его величества, отправились на Юг, где воевали сначала на суше, потом на море, а потом попали в плен к пиратам. Откуда оба чудом спаслись, и потом два года служили в тех землях – больно уж хорошее место попало, а ещё – чтоб набраться опыта. Вернулись с деньгами и трофеями, и тогда-то, по возвращению, Лионель познакомил Анри с Жаном-Филиппом, сказав, что тот хорош необыкновенно – и как воин, и как друг. Так и вышло.

Сошлись на том, что встреча через полчаса в малой гостиной, а пока – всем привести себя в должный вид после дороги и мельницы.

Анри появился первым – уж наверное, из тех двоих кто-то зашёл к кому-то, и они нашли, что обсудить.

Но нет – появился Жан-Филипп. Чист и подтянут. И только потом – Лионель. Уже облачённый, как то подобает духовному лицу – в черное, отчего кажется ещё выше и стройнее.

– Рассказывай, – Анри разлил вино.

Пока он распорядился подать лёгкий перекус, а подобающая случаю трапеза будет позже.

– Его величество передавал свои поздравления тебе и твоей невесте, велел сказать, что молился за её выздоровление, и за твоё здоровье тоже, и напомнить, что желает видеть вас обоих не позже, чем за три дня до бракосочетания её высочества Марго.

– Моя благодарность его величеству, – почтительно кивнул Анри.

Король есть король, даже если в детстве ты побеждал его в играх и бил в драках.

– А теперь – не столь приятные известия, – впрочем, Лионель и самые гадкие известия будет излагать спокойно и бесстрастно. – Твой нелюбимый дядюшка Жиль. Или даже – наш нелюбимый дядюшка Жиль.

Действительно, Жиль де Роган такой же брат её высочеству Катрин, как и его высочеству Франциску.

– И что он? – нахмурился Анри.

Понятно, что тот не сидит без дела, но что ему ещё надо?

– Он свёл короткое знакомство с мадам Екатериной.

– Вот не было печали, – пробормотал молчавший до того Жан-Филипп.

Мадам Екатерина, точнее – её величество королева-мать, была дамой образованной и магически одарённой. Она крепко держала в руках все государственные дела – потому что Карл, милостию господней король, не испытывал к ним никакого интереса. Или наоборот – он не испытывал интереса потому, что его матушка всегда стремилась решать всё сама. Кроме того, его величество с детских лет отличался хрупким здоровьем, любое серьёзное известие ввергало его сначала в панику, а после – в чудовищную слабость. Анри не осуждал короля за это, но и не пользовался этой слабостью – считал недостойным.

А её величество Екатерина – пользовалась.

– И что мадам Екатерина? – нахмурился Анри.

– Известно, что дядюшка Жиль прибывал во дворец и встречался с ней несколько раз.

А накануне моего отъезда по её настоятельной рекомендации он встретился ещё и с его величеством. После чего Карл затребовал меня и передал тебе следующее: раз твоя свадьба, Анри, уже отложена, то пусть она будет отложена ещё на некоторое время. На свадьбу Марго тебе

надлежит привезти госпожу де Безье – но в статусе твоей невесты. Их величества выразили намерение познакомиться с ней и лично благословить ваш брак.

Жан-Филипп уткнулся в бокал и хрюкнул.

– Простите, не могу удержаться. Их величества уверены, что желают этого знакомства?

– Уверены, – усмехнулся Лионель. – Желают лично удостовериться в счастье нашего дорого Анри.

– А если вдруг счастье покажется им недостаточным? – продолжал ухмыляться Жан-Филипп.

– Вероятно, под ручки передадут невесту дядюшке Жилию, – усмехнулся в ответ Лионель. – Анри, ты представишь меня девице де Безье? Хочу лично оценить перспективы.

– Непременно, – кивнул Анри.

Он всё ещё не мог переварить известия. Чем это ему грозит? Новыми происками дрянного родича? И что сказать Анжелике? Всё, как есть? Или нет?

Тем временем Жан-Филипп продолжал веселиться.

– Перспективы там, я тебе скажу, прелюбопытнейшие.

– Но девица вправду здорова? – нахмурился Лионель.

– О да, – кивнул Жан-Филипп. – И ещё у неё, гм, от потрясения, вызванного, очевидно, болезнью, пробудились магические способности.

– Вот как, – приподнял бровь Лионель.

– Мощнейшая, необузданная стихийная сила, – подтвердил Жан-Филипп.

– И кто её учит? – продолжал расспрашивать кузен. – Кто-то из вас?

– Боюсь, никто из нас двоих не нашёл в себе достаточно смирения для такого непростого дела. Всех спасает Орельен.

– Точно, Орельен! И как? Делает успехи?

– Надеюсь на это, – Анри поднялся, вышел в коридор и попросил найти госпожу Антуанетту, одна из комнатных девушек нашла её и привела. – Где госпожа Анжелика?

– Вероятно, на магическом уроке, – пожал плечами госпожа Антуанетта. – Должна быть там, – и глянула на девушку.

– Госпожа Анжелика вместе с её высочеством и господином Орельеном пошли на пруд, лягушек заколдовывать, – с готовностью сообщила девица. – И ещё Жакетта с ними тоже пошла.

– Что-что делать? – поинтересовался из-за спины Лионель.

– Ты же слышал – лягушек заколдовывать, – вздохнул Анри.

– Чтобы громче квакали, – хохотал сзади Жан-Филипп.

– Правильно ли я понимаю, что моя матушка тоже занялась этим достойным делом? – улыбнулся Лионель.

– Очевидно, так. Она принимает участие в обучении госпожи Анжелики.

– Пойдёмте же, посмотрим на это. Очень хочу увидеть, как она заколдовывает лягушек. Я и не подозревал, что моей матушке это может быть интересно, – улыбался Лионель.

Анри представил Лионеля Антуанетте, и они все вместе направились прочь из замка, через парк на твёрдой земле к той части озера, где берег был слегка заболочен, возле него росли кувшинки и вправду водились лягушки. Громкие крики непонятного содержания были слышны уже на подходе к берегу, а когда они выбрались по тропинке на открытое место, то взорам их предстало нечто.

По колена в воде стояли Орельен и Анжелика. Оба являли собой абсолютно неподобающее зрелище – на нём из одежды наблюдались только штаны, а госпожа невеста хоть и была одета, но её юбки оказались подвязаны выше колен, открывая всем любопытным взорам прелестные стройные ноги, а рукава сорочки – завернуты выше локтей. Кучка одежды Орельена и кучка одежды Анжелики – чулки, башмаки, рукава, чепец с вуалью – лежали на берегу. Эти

двое ненормальных держали на высоте пары человеческих ростов водяной шар размером с половину коня. Шар вращался в потоках воздуха, из него время от времени что-то плюхалось в воду, наверное – пресловутые лягушки.

За спиной тихо ахнула Антуанетта.

– Эй, фильтруй лягушек, дурак, не дай бог подохнут! – азартно кричала Анжелика. – Живые ведь, жалко!

– Сама фильтруй, я эту холеру еле удерживаю! – кричал в ответ Орельен.

По берегу бегала Жакетта, тоже босая и с подоткнутыми юбками, махала руками и что-то им говорила.

Тётушка Катрин, ради разнообразия – одетая, стояла на сухой твёрдой земле и смеялась.

– Сила господня, – только и смог выдохнуть Лионель. – И которая из них – дочка Флориана де Безье? Неужели вот эта милая блондинка?

– О нет, – покачал головой Анри. – Как раз не она.

– Ух, так это потрясающая красавица в воде?

Где-то сзади хмыкнул Жан-Филипп.

– Лионель, – тётушка увидела сына и разулыбалась.

– Ух ты, Лионель приехал! – донеслось от озера.

– Что? Кто? – Анжелика завертела головой, концентрация была утеряна, и случилось ожидаемое.

Водяной шар, переставши удерживаться в воздухе противоестественным образом, с громким плюхом упал туда, где ему быть и положено, то есть – обратно в озеро, вместе со всеми своими лягушками и что там ещё было. Орельен и Анжелика получили от этого шара всё, что им причиталось – он хотя бы устоял на ногах, а она – нет, мало того, что оба вымокли с головы до пят, так она ещё и упала в воду. Орельен подскочил, подал руку и помог выбраться на берег.

Так она и предстала перед кузеном Лионелем – насквозь мокрая и хохочущая, задорно сверкающая своими зелёными глазами. Впрочем, она пока ещё и не поняла, что кто-то пришёл. С хохотом протянула Орельену руку:

– Дай пять!

– Держи!

Они азартно хлопнули друг друга правыми ладонями, а потом она повернулась к тётушке и сообщила, здрав кверху большой палец:

– Я же говорю, два дебила – это сила!

Лионель изумлённо смотрел и улыбался, Жан-Филипп откровенно ржал, Антуанетта стояла, закрыв глаза руками, а Анри обречённо произнёс:

– Лионель, я представляю тебе мою невесту, госпожу Анжелику де Безье.

– Э... очень приятно, – она даже сделала приличный реверанс, в мокрых-то подвязанных юбках, но потом всё равно уставилась на Лионеля в упор.

Запутавшийся в её взлохмаченных мокрых волосах буро-зелёный лягушонок вылез на макушку и громко сказал:

– Ква!

05. Кто будет петь, если все будут спать

Туанетта выносила мозг Лике всю дорогу от озера до входа в замок, а потом ещё и покашли до Ликиных комнат. На тему, что учёба – учёбой, а ходить в полураздетом, да ещё и мокрым виде – нельзя. Тем более, показывать себя в таком виде перед высокопоставленным духовным лицом! Лика не сразу доехала – каким таким лицом, потом поняла – это, оказывается, про высокого симпатичного парня в чёрном, который оказался сыном её высочества, и с которым, по ходу, разговаривать можно только при полном параде. Ну блин, так-то их никто не предупредил, что ожидается визит того самого лица!

Лика вяло огрызалась – что Туанетта сама бы попробовала поучиться управляться со связкой вода-воздух, и при этом не намочнуть! Она, Лика, хоть бы посмотрела, как это правильно делать, ведь даже её высочество Катрин и то не знает другого варианта, а Туанетта, выходит, знает? Ну, вот пусть всех и научит.

Правда, Жакетка шепнула на ухо, что Туанетта не маг и многого себе не представляет, поэтому пусть себе злится, ей положено, она показывает всем, что приличия пытаются быть соблюденными.

Правда, в комнатах Туанетта говорила уже по делу: немедленно раздеться и вытереться, а ещё лучше – посидеть в горячей воде. Насчёт горячей воды Лика была с ней полностью согласна, и дамы втроем предприняли путешествие в купальню – Жакетту тоже нужно было просушить и переодеть. Ну, попутно ещё и голову помыть, сейчас же наряжаться, Лика же правильно поняла?

– Да, нас ждут к ужину, – кивнула Туанетта.

Зелёное платье со всеми обязательными компонентами, драгоценный чепец с полупрозрачной струящейся чёрной вуалью, волосы убрать, на шею жемчуг, в уши изумруды, на пальцы всё подряд. Лика рискнула – и надела среди вычурных колец с камешками своего кусающего хвост дракончика. Интересно, заметит кто или нет?

И ещё она накрасилась. Слегка – чуток теней, глаза подвести мягонько карандашом и сильно растушевать, ресницы покрасить, губы чуть тронуть блеском. Всё одно съестся за ужином. Но можно сунуть в сумку и подправить потом, если вдруг понадобится.

Сумку, точнее – четыре сумки Лика завела себе вместо рюкзака и карманов. Здесь они носились на поясе, пристёгивались к юбке булавками или надевались на запястье. Вообще, когда она заговорила о сумке, и Жакетта достала из сундука бархатный мешочек, Лика не поняла – это что ли под носовой платок? Или под две монетки? Ей бы побольше. Вот как Пират носит, например, у него очень приличная сумка на ремне, вместительная, из зелёной кожи, с тиснением – зверь там какой-то, Лика не разглядела. Увы, подобных сумок дамская мода не предлагала. Тогда Лика сказала – ей по барабану, пусть будут мужские, один хрен по сути. Жакетта, видимо, сумела намекнуть Принцу, и тот притащил ей несколько отличных кожаных сумок на пояс – коричневую, синюю, зелёную, чёрную. Лика взяла все и сказала «спасибо».

Сейчас же она попыталась обойтись одной – ясное дело, зелёненькой. Блеск для губ, расчёска, зеркало, пилочка для ногтей, носовой платок – местный, с вышивкой (буква А в цветочках) и кружевами, и мокрые салфетки – сколько там осталось в пачке, парочка, кажется. Телефон – на всякий случай, вдруг получится кого-нибудь сфотать? Да и хватит, наверное. И можно идти.

Ужин был имени его высокопреосвященства Лионеля – того парня, который сын принцессы Катрин и кузен Принца. Если сын принцессы – то тоже принц, что ли? Всё-таки у них тут чёрт ногу сломит. Туанетта велела на него не таращиться ни в коем случае, ибо неприлично,

вот Лику и поглядывала украдкой из-под ресниц. Красавчик этот Лионель! Светлые кудри, серые глаза, завлекательная улыбка. Почему он не здешний принц?

– Орельен, а ты знаешь, сколько ему лет? – они сидели рядом, и было это круто.

С другой стороны сидел Принц, но он типа хозяин за столом, ему не до Лику, впрочем, ему вообще не особо до неё. Он только поглядывает, чтобы у неё еда была на тарелке – пока она не скажет, что спасибо, уже не голодна. А с Орельеном можно тихо разговаривать – обсуждать сегодняшний магический урок и вообще всё на свете. И немного слушать, как тот самый Лионель рассказывает новости из столицы – что произошло при дворе его величества Карла за последние полтора месяца. Но новости Лику не говорили ничего, потому что всех этих людей она не знает, а вот обсудить здешнее – самое то.

– Ему двадцать семь, он довольно молод для такой должности, но ничего особенного, бывает и моложе.

– А что надо для такой должности? Папу-герцога и маму-принцессу? – хмыкнула Лику.

А что, мажоры – они и в Африке мажоры, и в параллельном мире тоже.

– И это тоже, да, а ещё учиться в монастыре. Наверное, там непросто. Он ведь не зря в восемнадцать лет сбежал на войну!

– На войну? – не поверила Лику.

Вот этот блондин в длинной хламиде? На войну?

– Да, и неплохо воевал, а потом туда же отправился наш Жан-Филипп.

– А он откуда сбежал? – фыркнула Лику.

– Ниоткуда, он просто был отдан в обучение к одному из офицеров герцога де Вьевилля, был его пажом, потом оруженосцем, а потом уже начал сам получать звания. И ты же не слышала, да, они воевали на Юге, и там попали в плен, и их отвезли через море к неверным, и они сгинули бы там, если бы их не спасли люди Морского Сокола, но ты же не знаешь о нём, правда?

– Понятия не имею, – замотала головой Лику. – Но ты того, продолжай. Складно брешешь.

– Это, наверное, самый великий властитель на Среднем море. У него огромный флот, и он может и воевать, и торговать, и что хочешь делать. А живёт он в прекрасном дворце на острове посреди моря, недалеко от Ниаллы, где его дочь – королева.

– А он сам – король?

– Не знаю, – пожал плечами Орельен. – Это надо спрашивать Лионеля или Жана-Филиппа, они знакомы. И они под его началом участвовали в огромном морском сражении с неверными, и победили. У них было около трёх сотен кораблей, а у неверных – если и меньше, то самую чуточку.

– Круто, – согласилась Лику.

Об истории за пределами Франкийского королевства она пока ещё не узнала почти ничего.

– Госпожа Анжелика, Орельен, вы останетесь здесь или отправитесь с нами в гостиную? – недовольно поинтересовался Принц.

– Пить? – воодушевился Орельен.

– Наверное, не только пить, – пожал плечами Принц.

В гостиной Лику и Антуанетту усадили в кресла, следом за ними просочилась Жакетта и тоже где-то пристроилась – мало ли, вдруг будет нужна её помощь? Принц распорядился о чём-то, на стол притащили закуски – сыр, фрукты, какие-то сладости, и – корзину с бутылками вина.

А Пират принёс гитару.

Настоящую гитару!!! У неё был округлый корпус, и лады, и шесть струн. И колки. Всё, как надо. У Лику аж кончики пальцев зачесались – так захотелось поиграть. Она быстренько

сжала кулаки и выдохнула – не хватало ещё пожар тут устроить, просто от того, что соскучилась без музыки.

Слуг отпустили – кроме забившейся в угол Жакетты, впрочем, её заметил Орельен и вытащил на свет, и тоже усадил в кресло.

– Госпожа Жакетта – отличный маг, – так он её рекомендовал сыну принцессы. – Её учил покойный граф Безье. Она очень помогает нам с обучением госпожи Анжелики.

– Это же замечательно, – вкрадчиво сказал сын принцессы и вежливо наклонил голову: – Рад знакомству с такой прелестной и одарённой дамой.

– Я не дама, ваше преосвященство. Я дочь прачки, а о своём отце я не знаю ничего, – смутилась Жакетта.

Лица засопела – не надо ли защищать? Ерунда какая, кто там знает своего отца, а кто нет! Она своего, положим, знает, ну, или знала, но толку-то от того? Хоть от одного из них – от настоящего ли, от того ли, что по легенде, да ещё и с отчимом до кучи? Но, кажется, нет, не надо, этот Лионель совершенно не по-церковному наклонился к руке Жакетты, чем вызвал ужас в её глазах и изумление Туанетты. Вот, съешь, приличные люди – они понимают, что к чему! Лица едва удержалась от того, чтобы не сказать это Туанетте прямо здесь. Ничего, ещё успеется.

А Пират тем временем настроил гитару, и для Лики это были необычайно сладкие звуки. Принц разлил вино, и они с Орельеном раздали всем по бокалу, и сели – кто где. Пират так вообще расположился на ковре у камина. Но так и вправду удобнее, с гитарой-то.

Он заиграл – круто заиграл, что уж, Лица могла отличить три аккорда от мастерства. Пират оказался мастером – кто бы мог подумать? И сменить три баса на один аккорд, и выиграть часть мелодии – всё это было ему подвластно, на всё хватало пальцев. Когда Антуанетта невежливо ущипнула её за запястье, Лица поняла, что тарашится на Пирата едва ли не с открытым ртом. Блин, правда, так не годится, не дело это – на Пирата тарашиться! Лица выдохнула и благодарно улыбнулась Туанетте.

Пират же ещё и запел, и у него оказался классный баритон. Вот кто бы мог подумать-то! Отворотясь не заметишь, а какой музыкант!

Пел он про какого-то мужика, который, по ходу, собирался на войну. Ему был нужен клинок, конь, непобедимый дух и в итоге – великая честь и дама. Ну ясен хрен, куда без дамы-то победителю. Этому. Спать холодно и жёстко, не иначе.

Но хорошо пел, холера. Лица же только вздыхала.

Дальше гитара пошла по рукам, как то гитаре в приличной компании и положено. Принц спел тоже про поход и про верного коня, и про куда-то там прорвались и победили. Если бы перед тем Лица не слышала Пирата – то сказала бы, что очень хорошо. А так – ну, просто хорошо.

Лионель спел опять про поход, только про недругов господ, на которых надо рати двинуть, и чего-то там такое же ещё. Он преосвященство, ему положено. Лица только отметила, что в сравнении с Пиратом проигрывал и он. Хотя звук инструмента у него был хороший, лёгкий и чёткий.

Орельен же грязновато играл на трёх аккордах и не стеснялся этого несколько. Пел он о розе, чей благоуханный цвет был отправлен по ручью в руки любимой девушке. Ну хоть один не про поход, в самом-то деле! Хоть Лике не очень-то нравилось петь о любви, но в этом засилье походников такая песня была прямо прорывом.

Орельен уже было хотел отдать гитару снова Пирату, но Лица так жалобно вздохнула – прямо сама от себя не ожидала.

– Верно, Анжелика, ты же говорила, что умеешь, – подмигнул Орельен. – Удивишь нас? У неё аж дыхание перехватило.

– А можно? – спросила она, да так жалобно это прозвучало, что даже Пират вздохнул – что ж с тобой теперь делать-то, раз завелась – не сотрешь.

– Можно, госпожа Анжелика. Только не сожгите инструмент, он дорог мне, как память о хорошем человеке, – и наморщил нос, как он всегда делал, когда речь шла о ней.

Ну да, дурная девка, а туда же – петь и играть.

Лица осторожно взяла инструмент, примерилась. Неа, в кресле не выйдет. Она сдвинула на бок поясную сумку – чтобы не мешала, а потом ещё раз примерилась и сказала:

– Зажмурьтесь на минуту, что ли. Пожалуйста.

Ну, то есть, ей-то пофигу, а они в обморок упадут. А не они, так Туанетта – непременно. Лица тоже сползла на пол, разложила юбку красиво по ногам, села удобно и вытащила из корсета деревянный бюск, потому что он совсем не давал нагнуться к гитаре и как следует её взять. И сунула его вытаращившейся Жакетке. И потом уже, наконец, взялась за инструмент.

Ей нехренически повезло – гитара была почти такая же, как те, к которым она привыкла дома. Чуть меньше. Шесть струн, строят так же. Пробежалась, проверила, взяла пару аккордов. Работает, божечки мои, работает!

Так, с чего же начать? Что бы такое придумать, чтобы, ну, не подставляться? Многие крутые песни здесь будут ни в борщ, ни в Красную армию, как говорила бабушка. Эх, ладно, была – не была. Ещё и не пела сто лет, сейчас вообще выйдет ли?

Но чтобы спеть о том, как среди связок в горле комом теснится крик, много голоса не надо. И вроде тоже про понятные материи. Руки тряслись только первые пару строк, а потом – всё, норм, а на парней можно не смотреть, пошли они лесом.

Лица выиграла всё – финальный проигрыш тоже – и выдохнула. Тишина была ей ответом, глаза она зажмурила давно, и теперь опасалась открыть их обратно.

– Анжелика, вы невероятны, – голос Лионеля прозвучал сладкой музыкой. – Откуда вы знаете эту песню?

– Слышала, научилась, – уф, можно расслабиться.

Кажется.

– Держи! Песня замечательная, и мы не отпустим тебя спать, пока ты не споёшь нам всё, что знаешь, – Орельен забрал у неё гитару, вернул Пирату, а ей в руку дал бокал.

– Долго слушать придётся, притомишься, – фыркнула Лица.

Дальше снова пели по очереди, и Лица решила, раз хорошо зашло – то надо продолжать, и пела про город, которому две тысячи лет. И опять её хвалили – Орельен и Лионель, Принц молчал, только смотрел на неё неотрывно, а Пират даже и не смотрел, он больше интересовался целостностью своей гитары, да что она, инструмента в руках не держала и не понимает, как с ним надо?

– Жанно, драный кот, ты же знаешь, что я хочу услышать? – спросил Лионель, когда гитара в очередной раз вернулась к Пирату.

– Значит, услышишь, – пожал тот плечами.

Подстроил гитару – и заиграл.

Такого красивого проигрыша Лица не слышала уже очень давно, а может – и никогда. Песня была из тех, что цепляют с первого аккорда, и не отпускают до последней ноты. И не про очередной поход и победу, а как бы это... про жизнь. О том, как в офигеть знатной семье родился мальчик, и был он во всём первым – и в драке, и в проказах, и в учёбе, и в магии, и потом девушки его любили, а он полюбил дочь врага своей семьи. О, Ромео и Джульетта, что ли, и все умрут, успела огорчиться Лица, но оказалось, что ни фига, и вообще это только начало истории. Потому что герой тайно женился на своей любимой, они сбежали, отец лишил его наследства и запретил возвращаться домой, и ему пришлось учиться жить самому. Он и научился – стал моряком, потом торговцем, потом пиратом, потом властелином моря и всех его островов, да таким, что враги трепетали от одного его имени, и ещё великим путешествен-

ником – потому что побывал на таких землях, о которых раньше и не знали. Лика думала, что всё закончится либо на смерти героя, либо на том, что это было давно и всё такое, но оказалось – ничего подобного, он, мол, на страже, и в море спокойно.

Лика моментом запомнила мелодию, тем более – она повторялась, и она сама не заметила, как начала подпевать – без слов, тихонечко, а потом ещё и со словами – где повторялись строчки. И припев – о том, что солнце каждое утро восходит над морем и туда же сходит вечером. И совсем страх потеряла – принялась плести какие-то подголоски, в терцию, в сексту, в октаву, как умела, а плелось легко. Пират вёл мелодию железобетонно, и можно было поизворачиваться. Эх, убьёт он её, как допоёт, ну да и ладно, всё одно пропадать, зато красиво.

Последняя нота растаяла в воздухе, и Лика зажмурилась. Что сейчас будет...

– Благодарю, – услышала она голос Лионеля. – И тебя, и госпожу Анжелику. Анжелика, это было неожиданно. Вы знаете песню? Откуда?

– Нет, – замотала она головой. – Первый раз услышала. Она очень красивая. Простите, господин Жан-Филипп, – ей было страшно, но она всё равно осмелилась на него взглянуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.